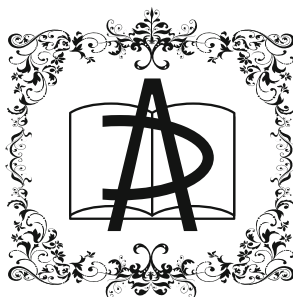
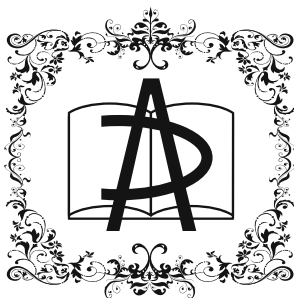

ДЕВИН

**АЛЬМАНАХ
ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА В МОСКВЕ**

№1(4)/2017

*Выражаем благодарность за финансовую поддержку
Словацкому институту
при Посольстве Словацкой Республики в РФ*

Дорогие читатели!

Честно говоря, во время долгой «русской зимы», которая в этом году нас особенно удивляла — порой своим теплом, а иногда и суровыми холодами, — я с нетерпением ждал глотка свежести и тепла, которое всегда исходит от очередного номера альманаха «Девин».

Надеюсь, что и вы с нетерпением ожидали выхода в свет нового выпуска нашего журнала. Почему я с такой убежденностью утверждаю это? Потому что я вижу огромный и все возрастающий интерес к нему. Об этом свидетельствует и тот факт, что довольно часто мы вынуждены отвечать тем, кто хочет получить очередной «Девин»: «К сожалению, у нас уже больше нет номеров». Этот интерес читателей нас, конечно, очень радует и вдохновляет на дальнейшие усилия в нашей работе, на поиски интересных тем, материалов, написание новых увлекательных статей.

Для меня стало приятным сюрпризом, когда в альманахе, который Вы держите в руках, я прочитал о том, что у нашего «Общество Людовита Штура» еще в XIX веке был свой предшественник. Это означает, что деятельность нынешнего «Общества» началась ровно через 100 лет после создания в 1915 г. в Москве первого «Общества имени Людовита Штура», чье торжественное открытие приветствовал российский император Николай II.

В регулярной рубрике альманаха «Наши современники о Людовите Штуре» об этом великом сыне словацкого народа рассказал, наряду с другими авторами, и один из известных словацких писателей среднего поколения Петер Криштуфек в своем эссе «Штур снова с нами». Кроме того, в этом номере вас ожидает интересная встреча: вы впервые сможете познакомиться с творчеством очень популярного в Словакии писателя Йозефа Банаша: вам предоставляется возможность прочитать отрывок из его романа «Зона энтузиазма», кото-

рый только что издан на русском языке в переводе А. Машковой и Л. Широковой. Йозеф Банаши — это «словацкий Дэн Браун», тиражи его книг исчисляются десятками тысяч, что по нынешним издательским меркам необычайно много.

Дорогие друзья, я верю, что нам удалось подготовить для вас интересный, содержательный номер «Девина», который обогатит вас новыми знаниями о словацкой культуре. Каждый из вас найдет в нем для себя что-то интересное, назидательное, замечательное и необычное!

Ян Шмигула
Директор Словацкого института в Москве
Советник по культуре

Москва, апрель 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Машкова. Сто лет тому назад... 8

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Л. Штур. А.О. (перевод Н. Шведовой) 11

Л. Штур. Взгляд на события в славянстве 1848 г.
(перевод Н. Шведовой) 13

Л. Штур. Русские (перевод Н. Шведовой) 17

Л. Штур. Славянство и мир будущего
(продолжение, перевод В. Ламанского) 19

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Я. Калинчак.
Воспоминания об Ондрее Сладковиче
(отрывок, перевод Е. Майоровой) 29

Й. Заборский. Автобиография
(отрывки, перевод Л. Широковой) 32

НАШИ СОВРЕМЕНИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Ян Гавура.
Кто-то как он (этюды о языке, идентичности
и Людовите Штуре) (перевод Д. Анисимовой) 36

В. Шикула.
Над Моравой деревянный мост
(окончание, перевод Л. Широковой) 38

В. Петрик.
Две главки о Штуре (перевод Л. Широковой) 44

П. Криштуфек.
Shtoor revisited, или Штур снова с нами
(эссе о Людовите, который ненадолго к нам вернулся)
(перевод А. Песковой) 53

К. Горак. <i>Пророк Штур и его тени...</i> (окончание, перевод А. Машковой)	59
---	----

История памятника Людовиту Штуру и его соратникам	102
--	-----

СЛОВАЦКО-РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Г. Кубишова. <i>О словацких и русских пьесах на театральных подмостках Центральной Словакии</i> (перевод А. Песковой)	105
---	-----

В. Купка. <i>Переводы художественных текстов русской литературы в Словакии с 2000 г.</i> (перевод А. Быриной)	112
---	-----

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ

Д. Подмакова. <i>Театр как социальный феномен</i> (перевод Е. Майоровой)	117
---	-----

В. Князькова. <i>Мировая география словацкой детской литературы (о переводах словацких книг для детей на иностранные языки)</i>	126
--	-----

ЮБИЛЕЙ АЛЕКСАНДРА ДУБЧЕКА

Э. Задорожнюк. <i>Александр Дубчек и модификация социалистической идеи (К 95-летию со дня рождения)</i>	134
--	-----

Л. Широкова. <i>О литературных биографиях Александра Дубчека</i>	141
---	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

Й. Банаш. <i>Зона энтузиазма</i> (отрывок из романа, перевод А. Машковой и Л. Широковой)	149
--	-----

ВСПОМИНАЕМ...

А. Машкова. <i>Поиски утраченной чести, любви и доверия людей...</i> (К 110-летию со дня рождения Доброслава Хробака)	156
---	-----

Д. Хробак. <i>Лес</i> (перевод А. Машковой)	160
---	-----

Н. Шведова. <i>Слово поэта</i> (К 90-летию со дня рождения Мирослава Валека)	166
---	-----

М. Валек. <i>Поэзия</i> (перевод Н. Шведовой)	167
---	-----

А. Машкова. <i>Писатель «словацкого юга»</i> (К 75-летию со дня рождения Ладислава Баллека)	173
--	-----

Л. Баллек. <i>Помощник</i> (отрывок из романа, перевод Н. Замошкиной)	177
--	-----

ХРОНИКА

А. Бырина. <i>Разговор с Павлом Виликовским</i> (перевод А. Быриной)	181
---	-----

М. Котова. <i>О словакистах кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета в XXI веке</i>	188
---	-----

Д. Ващенко. <i>Книжная выставка-ярмарка BIBLIOTEKA в Братиславе</i>	192
---	-----

О. Тарараева. <i>Участие в юбилейной Летней школе словацкого языка при Университете Коменского в Братиславе (Studia Academica Slovaca)</i>	194
--	-----

Е. Майорова. <i>Новости Общества Людовита Штура</i>	196
---	-----

Я. Шмигула. <i>Русские переводчики об альманахе «Девин»</i> (перевод А. Машковой)	199
--	-----

<i>Top novinka: Zona nadšenia v ruštine!</i>	200
--	-----

О нас пишут...	202
-----------------------------	-----

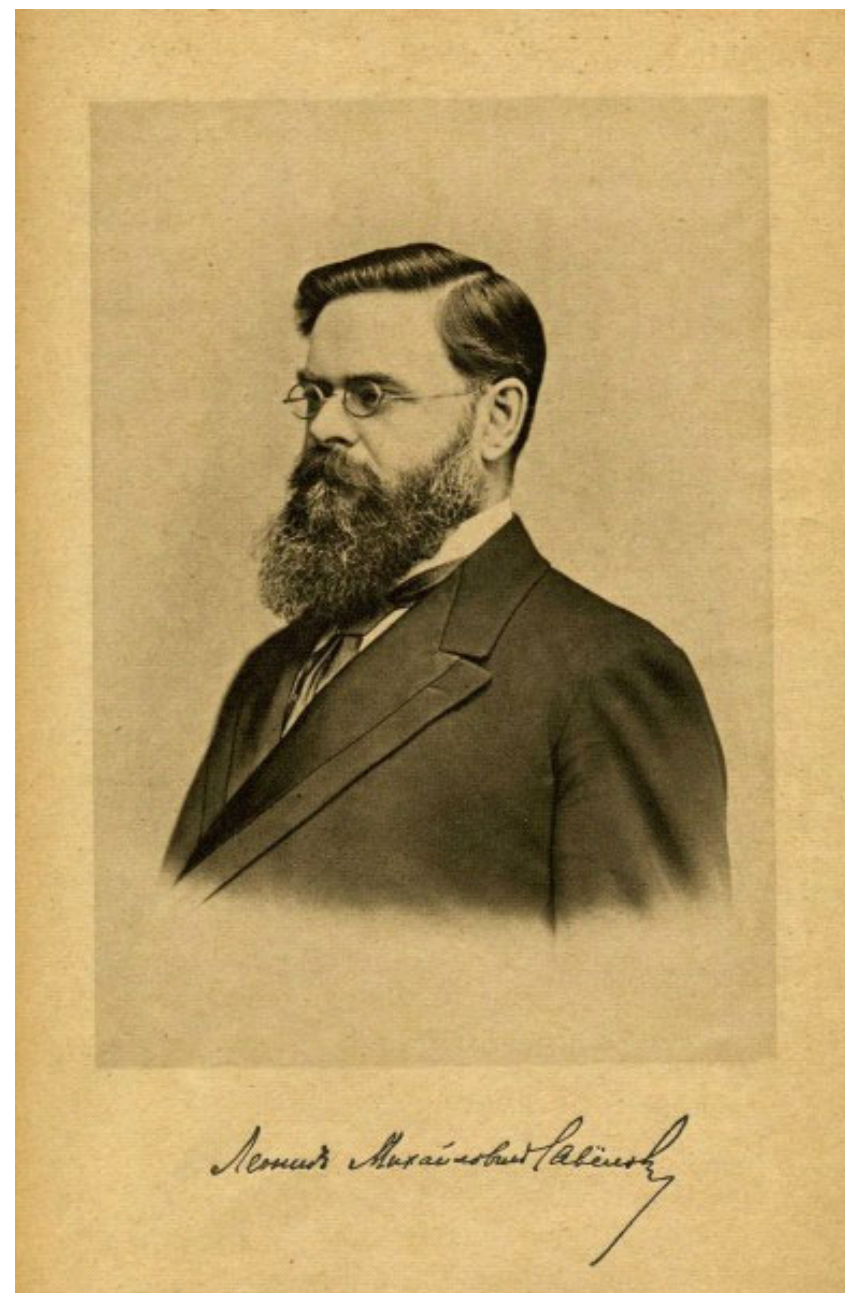
СТО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД...

Исполнилось 100 лет со дня создания в России Словацко-русского общества имени Людовита Штура. Подготовительная деятельность Общества была начата весной 1915 г. Учредительное собрание состоялось 20 августа того же года в доме ее будущего председателя и почетного члена Л. М. Савелова. В заявлении о создании, которое появилось в конце 1915 г., говорилось: «Общество единодушно было посвящено памяти Людовита Штура, ведущего деятеля национального движения, первым сформулировавшего принцип словацкой правовой независимости и воплотившего ее, поднявшего наполовину забытый и во всех отношениях запущенный словацкий язык до нынешней его высоты». В заключение этого заявления подчеркивалось, что данное Общество — первая и единственная организация словаков в России и что «особую струю» в нем представляют русские слависты и словакисты.

В задачи Общества входило помимо помощи словакам, проживающим в России, содействие освобождению словацких военнопленных — участников Первой мировой войны. В частности, оно приняло активное участие в судьбах известных словацких писателей, находившихся в то время в русском плену, — Янко Есенского, Йозефа Грегора-Тайовского и др. Общество намеревалось «устраивать собрания, беседы, чтения и лекции о словацком вопросе», «изучать словацкую историю, литературу, искусство и язык, организовывать съезды национальных деятелей, создать в помещении Общества словацкую библиотеку, устраивать литературные вечера, способствуя словацко-русскому сближению». Общество подчеркивало свои симпатии к трехмиллионному словацкому народу. Была высказана мысль об открытии при Обществе сбора пожертвований на создание Словацкой Академии наук. Особое значение придавалось подготовке словацкого съезда в Москве. Взнос для членов Общества составлял 3 рубля. Материалы предполагалось публиковать в журнале «Славянское объединение», который издавался под редакцией историка Ф. Ф. Аристова.

Торжественное открытие Общества состоялось 19 декабря 1915 г. Это событие своей телеграммой приветствовал император Николай II.

Председателем Общества был избран видный общественный деятель, действительный статский советник, камергер Высочайшего Двора Леонид Михайлович Савелов (1868–1947). В состав Общества входили известный историк Ф. Ф. Аристов, внук поэта Ф. И. Тютчева Н. И. Тютчев, от словаков — личный врач Л. Н. Толстого Д. Маковицкий, историк В. Духай, Г. Паулини и др.

Председатель «Общества имени Людовита Штура»
Леонид Михайлович Савелов

К сожалению, история Общества была недолгой: события Октябрьской революции не только смели его, но и уничтожили документы, связанные с его деятельностью, которые находились в доме ее председателя Л.М. Савелова.

Смею утверждать, что нынешнее Общество Людовита Штура, которое было создано в мае 2015 г. при Словацком институте в Москве, стало в какой-то мере продолжением того благородного дела, которое было начато ровно сто лет тому назад, в 1915 г., и о существовании которого до недавнего времени практически ничего не было известно..

Подробно о деятельности Общества см. статью: Е.Ф. Фирсов. Словацко-русское общество памяти Людовита Штура в России и идея славянского единства // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Людовит Штур

А.О.

Вот увял цветок так быстро,
цвет прекрасный Грона,
мир покинула нежданно,
в вере, страсти постоянна,
дева Антигона.
И цветка края родные
вялым не видали,
благородное создание
не обняли на прощанье,
там, в чужбинных далях.
А любовь в том самом сердце
так пылала к краю,
что казалось: в этом лоне,
на живом, красивом Гроне,
знала чувство рая.
А к сородичам чье сердце
с большей страстью билось?
Как сестра к любимым братьям,
возвратившимся к объятьям,
нежно притулилось.
В этих чувствах, вдохновенье,
силуэт расплылся,
только духом лишь казался,
в мире духов обретался,

славы там добился.
 О тебе не вянет память,
 родины цветочек,
 его вздохи пусть летают,
 где могила зарастает,
 мир печальных строчек.
 С ними вместе наши вздохи
 бродят там по свету,
 и надежды, и печали,
 под землей уж замолчали,
 там не быть ответу.

1853

*Перевод
 Наталии Шведовой*

ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ В СЛАВЯНСТВЕ 1848 г.

Бросим взгляд на мир, к которому льнет сердце наше, на наш мир славянский. Кто больше жаждет лучших времен, чем народ наш, и у кого есть причина для столь жадного ожидания? Уже много веков назад пришел в упадок мир славянский, и кроме героического освобождения рода сербского от гнусного ярма турецкого, не было события, которое развеселило бы тоскующую душу славянскую. Разорванный и угнетенный, принося талант, силы и всяческие иные достоинства в жертву другим и не достигая этим ничего, разве что ярма у себя дома и брезгливого отношения мира, жил народ наш, как сказал поэт, словно лужа впотьмах.

Наступление новой эпохи приветствовали с радостью сердца славянские, но племена наши, страдающие от тяжкого гнета, раздробленные, еще недостаточно самоуверенные и еще слабо между собой связанные, не могли до сих пор воспользоваться этой новой эпохой так, как бы этого желал из луж и тьмы вышедший сын славянский. Между тем поднялись некоторые ветви, особенно чешская, более развитая и самоуверенная, чем другие, и воспользовались этой исключительной эпохой. Чехи добились несколько более обширных политических прав в Вене, но до сих пор скорее обещанных, нежели гарантированных. Остальные

ветви славянские в Австрии достигли тех же прав без стремления и участия своего. Так, поляки в Галиции, мораване, силезцы, словенцы в Штирии, Каринии и Каринтии получили некоторые права. Также хорваты, объединившись с венграми, добились того, чего желали. Однако те требования, которые прежде всего выдвигали хорваты, поляки и словенцы, не были удовлетворены, их вообще отвергли, за исключением одного требования хорватов, чтобы баном над ними был сын их народа. Другие же ветви, напротив, были еще настолько незаметны, под чуждым влиянием настолько одурачены, что позволили втянуть себя в явное подавление своей жизни, да и сами в слепоте своей к тому притекали, как например, мораване, поляки в Силезии и часть словенцев, которые выбрали депутатов в немецкий сейм франкфуртский, подчинившись тем самым своеволию немцев. Переселившиеся немцы на Мораве и в Силезии развернули на земле нашей трехцветное знамя Германии и подговорили ослепленный народ, чтобы он присоединился к Франкфурту. Мораван от чехов, силезцев от поляков отрывали эти вышколенные угнетатели наши изо всех своих сил. Подобными уловками удалось ослепить и Далмацию, не объединившуюся до сих пор с сестрой своей Хорватией. Чехи мужественно и достойно отверг-

ли все нападения немецкие, отразили все приказы немецкого правительства по поводу выборов депутатов во Франкфурт, далее по-мужски свели на нет все махинации немцев, которые они по всей земле устраивали. Поэтому они стали бельмом на глазу всем немцам, желавшим присвоить прекрасную эту землю, колыбель героев. Но гений Славии радостно смотрел на эту землю, которая, веками подавляемая немцами, всё же мужественно сохранила старый свой славянский характер.

В разобщенности нашей — сила врага нашего и наша могила, в объединении нашем — его погибель и наше спасение. И поляки в Познани, когда другие народы поднимались, встали на ноги, прусский король в тревоге, которую на него нагнала революция берлинская, пообещал полякам новое устройство провинции польской, конечно, под его короной.

С радостью взялись поляки за дело, но лишь его начали, вот тут и пришло войско прусское, которое расстреливало, жгло, рубило всё, что несло на себе знаки польские, и натравливало все стихии на поляков. Следует напомнить, что еще раньше немцы отобрали часть познанской области, которую уже онемечили, и пообещали, что остаток сами дадут полякам. Но какой же это жестокий обман: пришли как волки, жгли всё, били и секли. Против силы регулярной армии не смог устоять даже дух Мерославского. Поляки проиграли, и земля досталась немцам. Немцы творили — в наше время — неслыханные жестокости в Познани; многим пленным полякам они выжгли знак на лбу: такова хваленая просвещенность немецкая.

Ныне увидели поляки, какие симпатии питают к ним немцы. Пока они задумывали использовать поляков как оружие против братского племени, против великой России, к которой немцы испытывают так называемый *респект*, немецкие уста были полны симпатии к Польше; но с той минуты, когда поляки дали понять, что им и немецкое ярмо тяжело нести и хотелось бы его сбросить, немцы выжигают им знак на лбу! Легковерные поляки, убедившись в характере симпатий немецких и утрачивая надежду на французов, обратили ныне взгляды на своих родных братьев славян, которых они не от незнания святых уз с братьями своими, но с некоторой оглядкой на народы европейские, из эгоистичной и любимой ими партикулярности, из страха перед Россией сторонились. К этому времени относится созыв Славянского съезда в Праге. С надеждами и особо теплыми чувствами сошлись славяне с севера и с юга, с востока и запада в этот город, мать западного славянства.

Никогда еще они так не сходились, никогда еще с незапамятных времен разлуки не подавали друг другу братских рук сыновья Славьи. Много потеряли они со времен своего расхождения; одни попали в тяжкое ярмо чужеземцев и в ярме рабски трудились на него, другие получали раны в битвах, от которых трудно, трудно исцелялись, третьи уже наполовину освободились от опасностей жизни, четвертые вообще погибли и умерли для братьев своих, а все остальные были друг другу так чужды, что с трудом узнавали по имени. Какая же радость, какое воодушевление должно было царить при этой встрече после тысячелетнего незнания,

после стольких опасностей! Пример этот был велик, воодушевление — поэтическое, а Прага наша была ревностным собранием и трибуной этого события. Ожидались радостно все гости славянские, и прославлены были дни эти в Праге достойно. Неизгладимое впечатление произвело на каждого славянина первое явление: шли наши вперед, все славянские знамена под пение старых героических песен чешских.

Казалось, что оживают старые стены пражские и шепчут нам историю нашу. После выражения всеобщей радости приступили участники съезда к работе. Хотели наши явить мысли свои Европе и участие братьям славянским; хотели в дальнейшем желания свои преподнести правительству австрийскому и, наконец, хотели образовать общество ветвей славянских. Об этом совещался съезд. Но старый враг наш, немец, смотрел злобным глазом на это деяние своих подчиненных, которые решились подумать однажды о чем-то ином, нежели о службе, требуемой немцами, и со старым врагом нашим объединилась в этом самом смысле и сторона рачья (ретроградная), разъяренная тем, что славяне, от которых требовались лишь покорность и служба, говорили в духе свободном и выступили перед миром. Поэтому решились и другие разогнать сообщество, чего — подталкиваемые также венграми, — к сожалению, добились.

Виндишгрец был в этом оружии старых врагов наших, и к нему присоединился еще один, который иногда относился к нам ласково, но это была фальшь, по имени граф Лео Тун. Разошелся славянский конгресс, но не без значительного результата, как, наобо-

рот, немцы желали; явно одно: позитивного результата не было, но моральный — неизъяснимый. Все узнали друг друга по духу и по речи, узнали и тех, которых по своей легковерности и ослепленности считали своими друзьями и каким-то мощным убежищем одной части славянства. Это их, однако, объединило, и враг просчитался. Между тем пал сам конгресс от раны, пали и братья-чехи, молодой свободе которых с другой стороны рана наносилась. Эту свободу им ограничили, поскольку ее показалось много, а остальное оставили до лучших времен, чтобы отобрать. Но в целом это не удушило своим напором дух народа чешского, как мы теперь видим, но он восстал более храбрым и славным.

В это время, когда почти все народы европейские получают свободу, когда обещаются всем равенство и братство, возмечтали и славяне под короной венгерской стряхнуть давнее и бесчестное иго мадьярское. Как венгры, сородичи монголов, поняли дух этого времени, видно по тому, что народам, в Венгрии живущим, не только не разрешили ничего по отношению к их национальности, но и, помимо того, еще больше, чем когда-либо, их подавляли и арестовывали всех, кто начал говорить об этих святых правах народа. А поскольку венгры самих себя больше всего ценят, стоят виселицы над головой народов других. Они, следовательно, решили в духе варварских времен всё дальше и дальше властвовать и распоряжаться народами. Бесчестно это ярмо венгерское для славян и наносит большой вред; бесчестно, ибо происходит от сородичей монгольских, которые живут за счет нашего ума, нашей силы, как об

РУССКИЕ

этом свидетельствует вся история венгерская, в том числе новейшая; вредоносно, ибо венгры преграждают путь великому объединению славянскому. И чтобы сбросить это ярмо, сейчас самое подходящее время, когда венгры от Австрии оторвались и сами стали господами, когда вследствие недавних шагов они оказались в неразрешимо трудном положении. Нынешнее состояние и организация проложили в этой борьбе первый шаг для ветви хорватской, но, кажется, она не поняла этой великой исторической миссии. Ветвь хорватская — одно из замечательных племен славянских, знающее славянство еще только по телу, но не по духу, не стоящее пока на пике времени. Ныне у них преобладает дух провинциальный, и он не побуждает к действиям, он не будет творить историю. Поэтому

допустили хорваты и то, что сербы опередили их в этой борьбе. Пламенные и сердечные, могучие и в песнях своих всю историю свою воспевающие сербы поднялись первыми среди славян против наших старых и бесчестных врагов; они — очаг, вокруг которого сойдется юг славянский. С ними Бог, победа и благословение мира. Мы увидим вскоре, как они исполняют надежды славянства и как им будут другие, особенно хорваты, помогать в их усилиях патриотических, за которыми мир славянский следит с наибольшим вниманием. Освобождение от венгров повлекло бы за собой и движение славян, под игом турецким веками стонущих. Настройте уже слух на мечты и страдания тех братьев славянских, и если их никто не слышит, то услышите их вы, которые им ближе всего по языку и по крови.

Перевод Наталии Шведовой

Строгим взглядом наблюдает славянский север — «святая Русь» — за новейшими событиями европейскими. Народы европейские ожидали, и особенно немцы того желали, чтобы и там также произошел какой-нибудь мятеж, и уже не раз в печати сообщали о нем, но пока что ошиблись. В России нет такого несоответствия между государем и народом, как в других местах; в этом отношении там больше согласия, чем, пожалуй, где-либо в Европе. Народ занят трудом великим, огромным саморазвитием, и поэтому также идет охотно за своим правительством, которое его в этом превосходит. Это природным инстинктом созданное единство власти и народа не может в данное время никак разорвать рефлексию европейская. Одна мысль сейчас летает по всей Европе: будут ли русские вмешиваться в нынешние дела Европы или нет? Пусть будет что будет, одно несомненно, что Россия идет свободным, но продуманным шагом. Когда будет время, подходящее для поступков, она не упустит его, как это часто делают другие славяне из-за легкомыслия, из-за недостатка энергии. И когда однажды север славянский начнет действовать, его дела будут великими, огромными. На каждой странице истории такие его дела записаны. Северу славянскому принадлежит и та честь, что он сохраняет в целостности миром славянскую значимость.

Все остальные славяне утратили свою самостоятельность, значимость национальную и до сих пор еще назад ее не отвоевали; но русские совершили ради нее деяния великие и сохранили ее со славой. Все славяне, говорит немец Коль, где угодно встречаясь с немцами, проиграли и утратили свою самостоятельность, и на их развалинах начал процветать немецкий дуб; одного дня не хватило, и все бы стали подданными немцев, но в тот день произошло чудо — то была битва под Полтавой. Там поразили Петра Великого величайшего героя века своего, Карла XII. А вторую такую, даже более великую битву провели русские под славным для них навеки Бородином! Вся Европа, под предводительством могучего духа Наполеона, напала там на них, желая уничтожить; но победили русские, сыновья Славы, в той битве, показав чудеса. Перед сотнями и сотнями гремящих и смерть сеющих пушек русские назад — ни шагу. Им принадлежат благодарности и глубокое уважение славянства! Если дух славянский в России еще больше распространится, если прогресс свободы и там появится, совершит земля эта дела великие и важные для славянства, весомые и решающие для мира.

Изучая новейшие события европейские, мы наблюдаем явно в этих движениях определенное стремление народов, направленное к само-

СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО

(продолжение)

стоятельному, свободному и братски взаимному объединению. Все народы поднимаются и в границах национальности своей прилагают усилия, чтобы организовать и соединиться; взглянем на немцев, итальянцев, галлов (ирландцев). Дай-то Бог, чтобы это им удалось, ибо лишь тогда, когда это сделают и другие, придет рассвет давно и страстно ожидаемой, давно необходимой эпохи человечности. Вместо предыдущих конгрессов придут конгрессы народов, решающие дела международные. Эту мысль первым высказал конгресс славянский, и немецкие пушки, конечно, ее не задушили. Пока мы так стеснены, мы находимся в Европе лишь в начале драмы, которая скоро разыграется. Несомненно, употребит сторона рабья, или так называемая ре-

акция, все свои средства и напряжет все силы свои, только бы — насколько возможно — вернулось состояние прежнее; но эта попытка, даже если она продлится некоторое время, долго удержаться не сможет, а средства, которые она использует, во всеобщем мнении ей приготовят могилу и последний удар нанесут. Пусть только нас, славян, охраняет добрый дух мира и истории, чтобы именно мы спасение свое не искали в таких средствах, в подобных обстоятельствах уже столько раз использованных!

Глядя вперед с доброй надеждой, мы в заключение приведем слова молодого, ныне находящегося в заключении поэта словацкого:

«Мы дня ожидаем, божия солнышка!»

Перевод Наталии Шведовой

(...) Во всех Западных Государствах, включая строго Католических, науки были в цветущем состоянии: в Англии, Франции и преимущественно в Германии, где они принесли самые обильные плоды. Ни один народ в мире не оказывал такого глубокого, искреннего участия к науке, как Немцы. Очевидной задачей их было открывать, исследовать даже самое сокровенное, непроницаемое, конечно, с одной только целью — разоблачить все перед человеческим духом. Они усиленно боролись с небом и землей, чтобы все, заключающееся в них, сделать достоянием ума человеческого. По истине высокое стремление, и тем выше, что оно является пред нами во всей бескорыстной чистоте своей; оно достойно уважения и признательности всех людей, в особенности наших, потому что у нас перед глазами, как бы на ковре, расстилается вся история, все деяния и подвиги народов. Нам остается только умение ими пользоваться. В Англии и Франции практические и реальные науки возбудили большое внимание и подверглись тщательной разработке. Философские же, как во Франции, так и в Англии, не сделали слишком больших успехов. По части истории у Англичан много есть замечательного, у Французов есть сочинения, преисполненные ума, но не имеющие, однако же, слишком глубокого взгляда

и учености. В Германии же, как реальные, так и философские, науки глубоко исследованы и разработаны. Но такие основательные труды исчезают с каждым днем. На Немецком небосклоне все чаще падают и меркнут звезды первой величины; конечно, они блещут еще довольно, но новые уже не восходят. Направление науки обратилось более к полезному ее применению, исследования механически переписываются в различные Conversationslexicons, как будто бы творческий труд уже более не нужен. Особенное явление замечаем мы как в Греции, Риме, так и в настоящее время во Франции, преимущественно же в Германии, именно то, что народ, приближаясь к своему упадку, выставляет целый ряд особенно даровитых людей и, вслед за тем, исчезает, подобно солнцу, которое перед закатом сопровождается самым красивым прощальным отблеском. Искусство на Западе также близко к падению. Немцы в истинном даровании умолкли один за другим, только одно чирикание долетает до нас с Запада. Люди с творческим духом в музыке переводятся, одни умирают, другие, как будто с досады, обращаются к прозе жизни, только ловкие подражатели и механики по этой части разъезжают по свету и производят впечатление на публику, требующую впечатлений. О зодчестве и ваянии нельзя сказать многого,

разве что первое старается выдвигать удобные, с виду заманчивые, жилые строения. Живопись обращается к так называемым картинам «genre»; вместе с тем охотно выставляет сладострастные изображения, преимущественно привлекающие публику, которая не предъявляет строгих требований искусству. Она, прежде всего, хочет, чтобы ее занимали, приятно забавляли и услаждали. Драматические творения, изображающие высокие, благородные стремления, приводящие к созерцанию идеала, теперь уже не имеют успеха. Мрачная трагедия разгоняет публику, которая находит удовольствие преимущественно в изображении странных, уродливых, пошлых житейских отношений, в красивых декорациях, блестящих одеждах, впечатляющих операх, роскошных балетах. В особенности Немецкая публика более всего дорожит элизиумами, которые, как кажется, пользуются особым покровительством Полиции, во всяком случае, благонамеренной и благоустроенной. Какую толпу истинных знатоков привлекают эти элизиумы! Современная литература с похвальным усердием подвизается на этом роскошном и любимом поприще. Романы Евгения Сю, представляющие в подробности всю ситуацию, современную испорченность нравов, и тысячи других подобных произведений, встречают нелицемерные, со всех сторон расточаемые одобрения и похвалы. Читали ли вы «Вечного Жида», «Парижские Тайны»? — Раздается повсюду, и горе тому в общем мнении, кто не читал их и не прошел по этим ступеням современного образования. Все эти образцовые произведения поглощаются

с жадностью и требуют подражания. Вот почему все большие города на Западе должны были раскрыть свои тайны перед светом. Тайны, тайны прежде всего: на них люди и вкусы!

«Cette vieille Europe m'ennuie», сказал Наполеон, величайший ум своего времени. И мы не удивляемся, что даже в эту жаждущую дела душу человека, никогда не знавшего отдыха, переходившего от шума победных битв к великолепнейшим пиршествам, всегда окруженного самым изысканным обществом, занятого исполинскими предприятиями, что даже в его душу закрадывалась скука. Он уже тогда видел положение Европы, и на острове Св. Елены предсказывал ее падение. Оттого так много любителей на Запад отправляться к подземным развалинам древнего мира, размышлять о бренности земного и в тиши изливать свои жалобы. Да, как утверждает Гизо, замечательные люди Запада, например, Мирабо, Лафайет, Наполеон и другие, умирают с грустным, весьма грустным чувством. Даже и мы, стоящие далеко от этого мира, иногда испытываем скуку, и она одолела бы нас совершенно, если бы мы не прозревали духом, что готовятся и приближаются великие события. (...)

(...) В политическом отношении Запад бросается из самодержавных Монархий в конституционные, из них снова в политические и, наконец, в социальные и коммунистические Республики, где все оканчивается разложением человечества и уничтожением всякой человечности. Это бросание имеет в себе то роковое значение, что однажды, увлеченный в этот поток движения, не может уже в нем остановиться. Тут

нет остановки и покоя, здесь все хочет вперед, все стремится, все рвется, все видит конечное, желанное счастье — в р а з р у ш е н и и! Революции будут следовать за Революциями и, после каждой из них, народам Запада будет хуже, чем было прежде. Нарождающиеся поколения становятся сумасброднее и хуже. Они живут и питаются уже этим воздухом. Воспитание носит на себе печать современного Западного духа, сонливое, усталое, по идее лишено всякой строгости; изнеженность, любовь к наслаждениям, роскошь, все более выступают, вместо старой воздержанности, искренней готовности к подвигам. Пусть мчится колесница вперед — ее колеса не обратить назад: пусть мчится она с народами Запада, пока могучая рука не удержит ее на краю пропасти!

Но если горячее, полное любви к человеку, сердце напрасно ищет помощи на Западе, куда обратить взор, где остановить надежду?

Там, на дальнем В о с т о к е, так широко раскинулся народ С л а в я н с к и й, там н а р о д б у д у щ е г о!

Мы уже выше ставили вопрос: есть ли такая мысль, которую бы мог подняться Славянский народ? Есть ли у этого народа призвание и будущее, и не присужден ли он навсегда к п о д ч и н е н н о м у положению в ряду народов, и различные в нем движения, которые мы заметили у его племен, имеют ли какое-нибудь высшее значение, или только были судорожными попытками и явлениями проходящими? Теперь, когда мы убедились в невозможности ожидать у л у ч ш е н и я человеческой доли от Западного направления, время уже отвечать на этот вопрос.

Кинем взор на Славянскую древность: какая картина предстанет нашим глазам? Все Писатели, и даже иностранные, сохранившие сведения о жизни наших племен в древности, говорят единогласно, что ни один народ не мог сравниться с ними в чистоте нравов, в гостеприимстве: всякий иностранец, откуда бы он ни пришел и кто бы он ни был, был принят у них самым дружественным образом. И они считали своей обязанностью не только снабдить его всем нужным, но и проводить его далее, передать его с рук на руки для дальнейшего следования. И если с кем случалось какое бедствие, помстить тому, от чьей руки бедствие, помстить тому, от чьей невнимательности и злобы оно пришло, каждый Славянин считал себя обязанным. Гостеприимство, продолжают иностранцы, доходило у них до того, что, уходя из дому, они оставляли дома столы, покрытые яствами и двери домов открытыми на тот случай, если бы пришел иноземец, мог бы у них найти не только кров, но и пищу. Сверх того, они, по тому же свидетельству, через известный срок или отпускают военнопленных домой, или удерживают их у себя, но не в рабстве, а скорее как друзей и родственников. Есть и другие гостеприимные народы, но есть и такие, которые вовсе лишены этого качества; однако примеры такого народного гостеприимства, как у наших предков, по свидетельству иностранцев, редки, и еще реже, когда каждый из народа и, следовательно, целый народ, ручается за безопасность и благосостояние всякого приходящего к нему отдельного иностранца. Но если есть это и у других народов, то истинно человеческой черты, военнопленным дарить свободу,

или удерживать их у себя, как друзей, и тем самым давать им полную равноправность в семействе, такой черты мы не находим ни у какого другого народа в мире. Такого рода обращение с военнопленными было в обычае наших предков. У других народов они должны были или выкупать свою утраченную свободу, или оставаться рабами. Но если с каждым иностранцем, знаком ли он, или не знаком, обращаются таким образом, как было в обычае наших предков, то тем самым выражается доброжелательность вообще, и если с ним всё делят своё, то, значит, считают его за себе равного, за ближнего, или врагу, пришедшему со злым умыслом, дарят свободу, или даже через несколько времени принимают его в ряды своих и даруют ему равные с ними и права, то, значит, уважают в нём человека. Эти черты, более или менее часто, более или менее слабо, встречаются и в современном быту наших племён, слабее там, где, по близости Запада, они подчинились чужому влиянию. Ещё ныне гостеприимство считается у нас священным. И каждый иностранец, проходя наши сёла, в каждой общине, во всяком лучшем доме, находит себе дружеский приют, и в каждом жителе, если нужно, предупредительного проводника. Русский Верёвкин, который, за границей, выступает за бедного, обиженного, человека, и оскорбителем вызванный за то на поединок, первым выстрелом хотя и ранит смертельно своего противника, но тем не менее сам наперёд видит его меткую стрельбу, замечает о том своему секунданту, и падает мёртвый от руки негодая; Рус-

ский Офицер, который, гуляя в Пеште с одним Австрийский Офицером, и встретившись с бывшим раненным гонведом¹, просившим о помощи, тотчас радушно подаёт ему милостыню, а Австрийского Офицера, обругавшего просителя собакой, отталкивает от себя с презрением: вот примеры, которые можно утысячить. Покорённые Славянами никогда не было обращены в рабство, и не обращены теперь. Далёкие от той жестокой доли, которая повергла нас в рабство иностранцам, инородцы у Славян сохранили свои права и обычаи, свой язык и Веру. Русские покорёнными ими народам насильственно не навязывали своей Веры и языка. Скорее даже Русское Правительство ставило себе задачей оставлять различные, подчинённые им, народности при их обычаях, само заботилось и постоянно заботится об издании церковных и учебных книг на языках этих инородцев. Русский человек, мимо какой бы церкви не проходил, всегда почтительно снимает шапку. К нам, Славянам, не выказало такой почтительности ни одно Правительство. Нас обращали в католичество, онемечивали, мадьяризовали — все без разбору. Немцы на Севере совершали с нашими предками самые ужасные жестокости, и ещё долго продолжался обычай, по которому каждый, желавший поступить в их цех, или школу, должен был отречься от своего Славянского происхождения. Что Австрийское Правительство в Чехии и Моравии делало некогда и делает теперь, со всеми Славянскими племенами, как погрешили против Славян Мадьяры, это известно всем.

Далее свидетельствуют иностранные известия о наших предках, что в их общинах не было бедных и нищих, ибо в древности у всех наших племён были такие же поземельные общины, какие теперь существуют в России, Сербии, Черной Горе и у Болгар. В этих чисто Славянских общинах земля принадлежит всем сообща, или собственно общине, она даёт каждому хозяину равный участок, и по его смерти берёт себе землю назад. Совершеннолетние сыновья получают также участки от общины, и сколько совершеннолетних сыновей у отца, столько и получает он поземельных участков. Таким образом община заботится обо всех, и своим превосходным устройством делает невозможной бедность. Таким образом земля не дробится, не отходит по наследству, но остаётся у общины, которая и есть её правомерный собственник. Это правднее Славянское учреждение уступило чужому влиянию в Западных Славянских землях и заменилось другим, столько же благотельным и почтительным к единству семьи и общины учреждением. Семейная поземельная собственность была объявлена неделимой и неотъемлемой. Семья, как бы ни была она многочисленна, не могла её делить или уменьшать ни завещанием, ни продажей, и земля, если даже и увеличенная, всегда оставалась в одном и том же роде, под управлением старшего в семье. Если это учреждение каждому совершеннолетнему и не давало участия в поземельном владении, то за то охранением семейной собственности каждому обеспечивало участие в общем доходе, каждое лицо ставило под защиту всей семьи, и таким образом избав-

ляло его от большой бедности, от нынешнего Западно-Европейского, так называемого, пауперизма или пролетариата (нищенства). Попечения о больных, беспомощных и вообще постигнутых каким бы то ни было несчастьем, лежали священным долгом на семьях Славянских, а где средства семьи были недостаточны, там являлись на помощь общины; ибо, по Славянскому воззрению, община есть распространённая семья. Где Славянский дух не изгнан из собственной земли и не стал чуждым совсем, там живёт ещё древний, прекрасный обычай: с любовью заботиться о больных и бедных в общине. Там каждый подаёт им свой дар, в облегчение их печальной судьбы, радуясь своему добродетельному делу. Больным посылаются из домов кушанья и лекарства, бедным радушно подаются милостыни. Героический Серб с восторгом слушает своих слепцов гусяров — и щедро их вознаграждает. Как глубоко проникнуто Славянское сердце любовью к человеку, видно из поведения Русского войска в последних походах. Эти мужественные люди всем встречным беднякам раздавали, без всякой с их стороны просьбы, всё, что у них было съестного, с особенной любовью ухаживали за сиротами детьми и многих из них увели с собой домой. Отсюда распространяется Поляками молва об уходе Русскими детей из Варшавы по усмирении Польского мятежа. Русские офицеры, наказав, по военной необходимости, деревни, нападавшие на войска с тыла, полными руками бросали деньги несчастным, доведённым до отчаяния, Мадьярам. Московские купцы кидаются к кибиткам с Поляками, ссылаемым в Сибирь, и дарят им на долгий, тяжё-

¹ Honvéd — Мадьярский ополченец 1848 г. (В. Л.)

лый путь одежду, деньги и прощаются с ними с состраданием. И сам Царь, строго карая Государственных преступников, всегда поступает человеколюбиво и великодушно с их несчастными невинными родственниками. Отцу Пестеля он дарит сумму, достаточную на всю его жизнь, а вдове Рылеева назначает пожизненную пенсию. С познанием такого образа мыслей Рылеев говорит в своём стихотворении, написанном в каземате за несколько часов до его казни, что он умирает заслуженной им смертью, как виновный в покушении против Государства и Царя, но что его жена и дети невинны и заслуживают иной доли, и он советует своей жене и детям прямо обратиться к царю, «который умеет карать подвергшихся строгости закона и сострадать невинным». Царь не дожидается просьбы и поступает, по собственному произволению, по движению своего сердца. Костюшко, герой Польши, по падении своей родины, удаляется в Швейцарию: одинокий, печальный изгнанник, подаёт всё, что может, каждому, являющемуся к нему бедняку; его верховая лошадь во время прогулки по привычке останавливается перед каждым проходящим, так как он подаёт милостыню каждому встречному нищему. Эти примеры говорят о славянской любви к ближнему. Дух народа всего яснее выражается в его замечательных людях. Но к чему отдельные случаи? Весь наш мир так думает, так действует, с другом или с недругом, без различия, и во всех наших песнях веет этим духом. Славянское начало равноправности членов семейства и общины, даже и по искажении его под чужим влиянием, настолько сохранилось,

что все прямые наследники удержали равное участие в отцовском имении; даже младший брат, как слабейший, имеет, по закону, преимущество; таким образом совершенная противоположность майорату. Между тем, как равноправность совершеннолетних в семье и жителей в общине составляет резкую черту Славянского духа, занятие земель совершается размножением или переселением племён, а не захватами и завоеваниями за счёт других. Государственный же союз берёт своё начало в потребности защиты, а не нападения, и вследствие этого возникает Дворянство, хотя и из внешнего толчка, но под содействием народного духа. Поэтому все дела общины необходимо решаются в общем совещании всех равноправных лиц, под руководством почётнейших, или свободно избранных, старшин; окружи же и Древне-Славянские жупы, которые суть не что иное, как распространённые общины, управляются сходом всех общин с выборными чиновниками. Раздача известным лицам поземельных владений, трудом приобретённых семьями, или общинами, откуда бы ни шло это обыкновение, но всё же это Феодальное право противно Славянскому духу, и всякая личная подчинённость или крепостная зависимость есть позорное безобразие у наших племён. Верховный глава их считается лишь старшиною и обязан вести все общественные дела с совета племенных старшин, думы, и даже нередко с соображением мнений всех общин и округов. Дворянству же свойственно совершенно другое положение и значение, чем у других племён. Во всех Славянских землях: в России, Сербии, в турецких областях,

Угрии, Хорватии и т. д., общины пользуются самоуправлением под руководством выборных старшин, задача которых состоит в том, чтобы при соучастии всех членов общин распределять налагаемые Государством на отдельные общины подати и повинности, везде соблюдать их выгоду, сохранять порядок в общине и в окрестности, разбирать и судить мелкие гражданские тяжбы и преступления. Где в Славянских землях погибли такие общины, там пала и Славянская жизнь. Жупы, если и не под одинаковым названием, существовали во всех Славянских землях. Они были в Чехии, Польше, Сербии, в Хорватии, и в Угрии они пали в последние бури, а в независимой России поныне сохранились их остатки, ибо в каждой Губернии Дворянство имеет свои собрания, на которых собирает своих Предводителей, древних Жупанов, даже Судей двух первых инстанций, Представителей этих судов и, сверх того, ещё административно-полицейских чиновников в Уездах. Кроме того, оно имеет право проверки (контроля) в денежных делах над назначаемыми от Правительства Губернаторами¹. В городских общинах купцы и мещане выбирают городских Голов и другие городские власти. Во всех Славянских землях первоначально поземельное владение было свободно, т. е., все собственники были свободными, равноправными землевладельцами, и никогда в древности не было у них ненавистного крепостного состояния, унижающего человека и представляющего его, как бы созданного для пользы

и удовольствия других. Так называемое Дворянское сословие возникает у нас под влиянием извне, мало по малу принимает на себя защиту страны от следующих одно за другим нападений иноземцев на наши племена, и, вследствие усилившейся своей власти, начинает смотреть на себя, как на настоящий народ, забирает в своё владение свободную прежнюю землю, а народ обращает в крепостных людей. Это стремление Дворянства было вызвано слабым положением Правительства, этим коренным недостатком Славянских Государств, и потом было им узаконено. Впрочем, вообще говоря, положение крепостных было довольно сносное, ибо народ часто жил со своими Помещиками в патриархальных отношениях, почти на дружеской ноге. Помещик в глазах народа заступал место племенного старшины, один заботился о других, даже был обычай и закон, как и теперь в России, что Помещик во времена бедствий являлся на помощь своим людям, радости и горести были общие. Но когда Дворянство Славянских земель ознакомилось с Западно-Европейскими нравами и ввело в свои дома Европейскую роскошь, тогда началось настоящее порабощение бедного народа. Для лучшего обмана и для получения с народа наибольшей выгоды, Дворянство стало раздавать земли в откуп Евреям. И тогда настали бесконечные страдания и мучения народа. Это чужое, не связанное с нашим народом никакими семейными узами племня, преднамеренно отрицающее Христианство и, следовательно, всякую

¹ Подобные ошибки Штура весьма извинительны в человеке, никогда в России не бывавшем. Надо ещё удивляться, как верно, за исключением некоторых частных, он понимает Русские дела. (В. Л.)

любовь к ближнему, страшно хозяйничало у наших племён, подобно пиявке бессовестно высасывало все силы из бедного народа в пользу свою и Дворян, и притом развращало его всевозможными соблазнами, без сожаления подвергало его, с готовой помощью Дворянства, всяким имущественным лишениям. Отсюда, с одной стороны, глубокое отвращение наших племён к этому безжалостному народу, а с другой страшное отвращение и к Дворянству, попиравшему таким образом народ и отдавшему его в руки бессовестных торгашей. Да, Дворянство многих наших племён, своим безобразным обращением с народом, совершило тяжкое преступление в отношении к Славянству, и потому нечего удивляться, что глубокое к нему отвращение во многих краях разразилось страшными погромами. Отняв у Дворянства все политические права, Русское Правительство своим Самодержавием оказало не одной России, но и всему Славянству, услугу неизмеримую, ибо не только предотвратило Русское Государство от распада, но и более обеспечило крепостной народ от безграничного произвола помещиков, спасло его от, возможной уже в таком положении, нравственной испорченности¹. В России и теперь ещё, по имени и на деле, существует крепостное право, но оно значительно в ней смягчено патриархальным единством и, благодаря Правительственным мерам против произвола Евреев и их арендаторства, Русский народ не так разорён, как прежний крепостной народ в Польше, Угрии и пр. В тех же Славянских землях,

которые сумели чище сохраниться, или, по своему освобождению, воскресили в себе старые начала, крепостное состояние или не существовало вовсе, или пало под напором народного духа. Во всегда независимой Черногории не были и следа его; у вольных геройских Казаков оно было совершенно незаконно до Екатерины II; и больно Славянском сердце, что оно было введено у них насильственными мерами в новейшее время и у мужественного народа был отнят его свежий вид. Точно также, как некогда у Казаков, нет крепостного права и в нынешней Сербии, где оно уничтожено законом. Но и в тех странах, где оно удержалось до наших дней, не было и нет недостатка в попытках и в благородных усилиях к его уничтожению. В прежней Польше, известной Конституцией 3 Мая, оно было объявлено уничтоженным, по крайности, в десятилетний срок; в России, в царствование Императора Александра, многие почтенные люди поднесли этому благодушному Государю адрес, с многочисленными подписями, большей частью богатых Помещиков, об отмене крепостного права, и даже некоторые русские патриоты, повинувшись своему Славянскому чувству, из собственного влечения отпустили на волю своих крепостных людей. Где и много ли таких примером на волнуемом свободной Западе? Благородный Александр Иванович Тургенев поставил себе задачей жизни отмену крепостного права в России, и с железным трудом, с Христианским благочестием, в течение целой жизни жертвовал для того своим имуществом и состоянием.

Он умер на службе страждущим братьям, оплаканный целою Москвой, всей Россией. Таким же стремлением воодушевлено всё Русское Правительство; ибо, как Правительство Славянское, оно чувствует, в какое тяжкое нравственное положение становится оно, при сохранении крепостного права, к своему народу, Государству и к целому Славянству, и потому старается теперь не только увеличением числа свободных и, так называемых, Государственных

крестьян, уменьшать количество крепостных в России, но и издаёт указы, как, напр., в 1842 г., которыми оно поощряет и уполномочивает Дворянство к отмене крепостного права заключением свободных условий с крепостными. Но скоро и в России придёт конец крепостному праву. К этому стремятся лучших люди Русского народа, все народы Славянские ненавидят его и ждут его отмены; земля везде стала свободной до самых русских границ¹.

Перевод Владимира Ламанского

(Продолжение следует)

¹ Это замечание, верное и глубокое, приносит великую честь проницательности Штура. (В. Л.)

¹ Эти строки могу служить лучшим мерилем, как должны были измениться воззрения Славян на Россию с 19 Февраля 1861 г. Крестьянское Положение выкупило все ошибки нашей Дипломатии с 1815 г., и открыло новую эпоху не только во внутренней русской жизни, но и во внешних отношениях России к миру Славянскому. Пора же нам наконец сознать это и, таким образом, действовать с полным сознанием совершившегося события. (В. Л.)

Развалины крепости Девин

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ

Ян Калинчак

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОНДРЕЕ СЛАДКОВИЧЕ¹

Не раз спорили мы с нашим покойным Людовитом Штуром о поэзии вообще и о славянской — в частности, когда писал он трактат «О народных песнях и повестях племен славянских»; не раз мы ссорились, когда выражал я свое совершенно отличное от его точки зрения мнение; спорам не было конца и края, когда его сочинение, первоначально написанное по-словацки, я переводил на чешский, таким образом начав разбирать систематически пункт за пунктом сложный ход его мыслей. Штур в последний период своей жизни никогда не пренебрегал моим мнением, однако в этом вопросе он ничего не позволил сказать. Он хотел иметь сразу готовые славянские науку и искусство и искал их там, где их не было.

Установи принцип, а о последствиях, из него вытекающих и из него образоваться могущих, не заботься!

Штур был человеком мысли, человеком идеи, который, как человек непрактичный, никогда не беспокоился о том, что из произнесенных крупниц мысли может произойти и что из них образоваться может. Он никогда не заботился о последствиях, поскольку его задачей было всегда только пробуждать жизнь, а не разбирать с точки зрения холодной науки то, что с этой точки зрения истинно, без учета мнений отдельных индивидуумов, эпох, народов и отдельных областей науки и искусства. Наш Коллар в своей «Итальянской дороге» и в своей «Старой Италии славянской» только из любви к своему народу много раз сбивался с дороги и оказывался на ложном пути, предполагая наличие Славянства и там, где его не было, только чтобы своему народу то или иное превосходство в прошлом обеспечить.

¹ Андрей Сладкович (1820–1872) — словацкий поэт-романтик, протестантский проповедник, современник Людовита Штура.

Таким образом, и Людовит Штур хотел Славянство приукрасить, доказывая, что оно имеет не только самобытное, но и истинное искусство, проявляющееся в народных песнях и повестях. А поскольку поэзия — это высочайшее искусство, то и славянский народ должен быть стоящим на самой высокой ступени уже только потому, что его народная песня до сегодняшнего дня существует и имеет большее значение, более подвижная, более мягкая, чем песня других современных народов. Штур, однако, забыл, что и у иных народов есть народная песня и что не всё славянское, что народное.

Мое мнение всегда было таковым, что песня и сказание народное хотя и характеризуют взгляд на мир, образ мышления, чувства, характер, движения души определенного народа и всегда должны быть основой, фундаментом народного искусства; но, однако, поэтому они никогда не являются искусством. Это всегда было принципиальной разницей между взглядами Штура и моими на поэзию вообще и на славянскую поэзию — в частности.

Он (Андрей Сладкович — *прим. пер.*) отправился в Братиславу, где провел год 1841-й и 1842-й. Здесь я с ним впервые познакомился.

В лицее он был на год старше меня, и поэтому мы в Братиславе два года дышали одним и тем же воздухом и согревались жаром души Людовита Штура, около нас распространявшимся.

Вы хорошо знаете, сверстники мои, что ни один словацкий муж не может и не смеет хвалиться таким большим числом преданных словацких воспитанников, как Людовит Штур, стремление которого пробуждать и постоян-

ные попытки привести в душе молодых тлеющие искорки к животворному и жизнеутверждающему пламени вам всем, как и мне, знакомо. И наш Ондрей Сладкович получил в Братиславе направление будущей жизни, словацкой поэзии преданной.

Не знаю, насколько в семейной домашней жизни сам отец пробуждал в Сладковиче чувство народности. Однако, зная лично одного из его братьев, я думаю, что в предыдущем своем утверждении я не говорил неправду, как и тогда, когда я утверждал, что, собственно, только Штур в Братиславе указал Ондрейке направление будущей жизни словацкой. Из нашего поколения почти только одни воспитанники Штура остались верными идее, которой в молодости загорелись.

Ондрейка не был активистом в Обществе (*Ústav reči a literatúry československej* — Общество языка и литературы чехословацкой при евангелическом лицее в Братиславе — *прим. пер.*), не имело никаких претензий, и мы все его любили, хотя уже тогда словацкая молодежь начала делиться на две партии. Дело в том, что Штур хотел по-новому организовать общество и оказывал влияние на молодежь с тем, чтобы принять такой устав, при котором потом ни один член общества не мог действовать по собственному усмотрению. Многим это, однако, не нравилось, во всем этом видели некое давление на молодежь; и возникли тогда две партии, штуровская и антиштуровская, через год названная нами «гемерской».

В Обществе, наконец, все-таки были приняты принципы формулирования устава, но как это формулировать? — Не знаю, кто тогда записы-

вал, знаю только то, что собирались мы с этой целью на улице Древеной у Эдуарда Шкультеты. Не могу сейчас понять, о чем юноши беседовали и как они могли так серьезно действовать. Самым «твердым орешком», однако, было определение поля деятельности комитета. Над вопросом, что есть комитет, мы целых восемь часов голову ломали, а под конец даже поссорились; те (из другой партии — *прим. пер.*), более всего Ян Габер, обзывали нас русскими абсолютистами и угнетателями, а мы «гемерчанов» — польскими эгоистами и противниками любого порядка. В конце у нашего хорошего друга Францисци, секретаря общества, руководителя гемерской партии «слетело с языка»: «Видите ли, комитет — это цвет Общества, а остальные — это масса». Пчелиный рой так не гудит, как загудели наши сверстники, когда это услышали. Обе стороны ранее имели одинаковое число голосов; теперь же гемерские члены комитета остались в одиночестве. Общество, таким образом, было организовано в строгих правилах, дисциплина, которую школа не знала, введена была и оказывала свое влияние и тогда, когда молодежь

должна была отправиться в Левочу, и именно в Левоче в этом направлении достигла самой крайней крайности.

Молодежь в Микулаше была собрана многочисленная.

Эта молодежь состояла в основном из братиславских переселенцев и их соратников из Левочи.

Она, руководимая Францисци в Левоче, организовала жизнь новую. В Братиславе питаемая ригоризмом Штура, не знающая иной жизни кроме как жизни во имя словацкого народа, она создала в Левоче «братство», целью которого были непритязательность, трезвость и — безбрачие, чтобы юноши исключительно одной только цели — деятельности на благо народа — могли себя посвятить, будучи во всех отношениях независимыми. Исходя из этого, «не один глаз» смотрел с пренебрежением на нас, читающих о таких проблемах, которые были в «Марине» (Сладковича — *прим. пер.*) истолкованы.

Но посмотрите, как времена меняются! Юноши все-таки женились, зрелый возраст принес с собой иные взгляды, юношеская мечтательность перешла в твердую осознанную необходимость свободы.

Перевод Евгении Майоровой

Из книги: «Современники о Людовите Штуре: воспоминания, сообщения и свидетельства». Братислава, 1955.

Ян Калинчак (1822–1871) — деятель словацкого национального Возрождения, основоположник словацкой романтической прозы, современник Людовита Штура.

Йонаш Заборский

АВТОБИОГРАФИЯ

(отрывки)

В Галле мне было бы очень тоскливо, если бы я не нашел там Людовита Штура, Червенака и Гроссмана, горячих словацких патриотов.

Касательно Штура должен я упомянуть, по причине позднейшего его ко мне отношения, что первым же его вопросом было — точно ли я — тот самый Магурский? А когда я это подтвердил, он обнял меня, словно пригожую девицу, и стал рассказывать, как прешпорская молодежь декламировала мою оду «К словакам» и обращалась письменно к Коллару, которого сочли ее автором, чтобы тот побольше подобных од написал.

Штур тогда уже придерживался своих принципов, которые распространял потом по Словакии. Главный из них был тот, что надобно воздействовать на массы людей и через массы овладевать утратившим корни духовенством и закоснелым земанством. Я же, напротив, был того мнения, что следует понемногу привлекать через литературу и духовенство, и земанство, чтобы тем самым внедрить просвещение в темные массы, которые всегда за земанством и за духовенством тянутся. Он был уже тогда демагогом, питавшим в сердце своем глубокую ненависть к земанству. Поэтому и о письменности было у него такое представление, что писать нужно

для народа, невзирая на то, что народ этот ничего читать не хочет и гроша за книжку не отдаст. Он порицал все художественные формы стиха и считал лишь песни народные единственным образцом славянской поэзии. В сказках народных искал он некий глубокий мистический смысл, некие образы будущего. Философию Гегеля почитал он высшим достижением человеческого разума, но при том говорил о необходимости исконно славянской философии. И ни в чем не терпел возражений.

Однако же нечто он перенял и от меня, а именно то, из-за чего впоследствии наделал столько шума. Будучи панславистом-федералистом, согласно с идеями Мицкевича, он признал их несостоятельность и со всей горячностью стал ратовать за панславизм единоначальный, предполагавший подчинение всех славянских племен одному.

Штур еще оставался в Галле, когда я спустя год вернулся в отчизну и получил место капеллана в Липтовском св. Микулаше стараниями пастора Михала Годжи, моего земляка и друга.

(…)

Людовит Штур, желая таким путем способствовать осуществлению студенческой своей идеи о том, что всякая

словесность призвана быть лишь инструментом воздействия на народ, задумал писать для словаков по-словацки, в чем его поддержали Гурбан с Годжей.

Начало сему делу должны были положить столь нетерпеливо ожидавшиеся «Народне новины», издание которых Штур, в конце концов, выхлопотал, а его разгоряченные сторонники радостно приветствовали кострами на горах.

Но при этом, отвергнув принятый у евангеликов и их вероисповеданию отвечающий чешский язык, они не избрали введенную уже в обиход у католиков бернолачину, а возвысили на уровень литературного языка липтовское наречие.

Разумеется, спрашивали они совета у Коллара, пользовавшегося тогда в Словакии всеобщим авторитетом, с твердым умыслом, однако, никакого совета не принимать. А когда тот не одобрил их намерения, писали ему вновь, с угрозой «выступить против него». И делали это с такой грубостью и язвительностью, будто Коллар был у них подмастерьем и главным предателем народа. «Народне новины» и «Орол» разносили почти в каждом номере всякие клеветы и пасквилы на сего мужа, на которого сами пасквильянты только недавно молились. Свершился неожиданный переворот. Старый идол пал, новый возвысился. Молодежь дружно побежала за Штуром.

(…)

После трехдневного отдыха Гёргей¹ выступил к Пешту.

Вслед за ним, словно поговору, прибыл Рамберг² с горсткой императорских солдат.

С ним приехали и словацкие добровольцы, человек восемьсот, в простой крестьянской одежде, под командованием Блоудека. Этот чех был, кажется, поставлен над ними властями, никогда не доверявшими словакам.

По их прибытии сидел я за ужином, когда зашел ко мне малый с вестью, что какой-то господин на белом коне стоит у ворот и желает говорить со мной. «Уж не Штур ли это?» — подумал я и выбежал из дома. Однако ночь была такая темная, что нельзя было никого различить. Только увидел я двоих всадников и толпу людей, их окружавшую.

«Йонаш! Не узнаешь меня?» — раздался хорошо знакомый мне голос. «Не имею удовольствия», — отозвался я с робостью, приняв окружавших Штура людей за кошицких ура-патриотов, которые недавно на улице грозились меня заколоть. И подумал, что они нарочно привели ко мне Штура, чтобы быть свидетелями моей встречи с ним.

Штур рассмеялся и, обратившись ко мне по имени, потребовал квартиры. «Об этом тебе надо спрашивать у пастора, — отвечал я. — Он здесь хозяин в доме». А как я мог сказать иначе? Ведь и коня нужно было в стойло поставить.

Только Штур почувствовал себя глубоко этим оскорбленным. Соскочив со своего сивого, он даже не подал мне руки, а спросил только, где этот преподобный.

¹ Гёргей, Артур — венгерский военачальник, участник революции 1848–1849 гг. (прим. пер.).

² Рамберг, Георг Генрих, австрийский фельдмаршал (прим. пер.).

Гремя саблей, взбежал он по лестнице и, не сняв с головы шапки, бесцеремонно потребовал квартиры. Пастор же, который ни за что на свете не выпустил бы слово словацкое из немецкого своего рта, спрашивал его по латыни, по-немецки, по-венгерски — что ему надобно? Но Штур наш милый гнул свое по-словацки, да еще с посвистом по комнате прохаживался, так что пришлось пастору, в конце концов, призвать переводчика. Не прошло потом ни единого дня, чтобы он не вспоминал за столом эту сцену.

Однако же требование Штура он выполнил. Велел отворить для него гостевую комнату, причем как раз возле моей, так что одна только тоненькая стенка нас друг от друга отделяла.

Я слышал громкое пение, которое он сразу же с Микулашем Догнаны, своим историографом, затеял, и удивлялся, как в таких обстоятельствах может человек петь, в особенности же — такой национальный герой?

Штур не знал, что мы с ним соседи, а я, окруженный даже в самом этом доме донощиками и предателями, не отважился зайти к нему, а подождал, пока он выйдет в коридор и около полуночи кивком пригласил его к себе в комнату.

Здесь я объяснил ему причину своей холодности, но увидел, что трудился понапрасну. Он говорил со мной сквозь зубы и тоном отнюдь не дружественным. При всем том обменялись мы нашими мыслями, хотя каждый из нас остался при своем. Я был того мнения, что словаки, помогая Венгерскую страну разбить, потеряют в гражданском своем положении многое, а в национальном — ничего не выиграют.

Поскольку победивши, немцы либо оставят в Уграх венгерский язык, либо навяжут всем нам немецкий. Штур же, напротив того, полагал, что правительство, какой бы злой мачехой нам прежде ни было, теперь к Славянству в объятия упасть должно, поскольку и мадьяр, и итальянец, и немец его предали.

Три весьма неприятных дня провел потом Штур в доме у пастора. Поскольку тот ни разу не пригласил его, как всех других офицеров, к своему столу. Пришлось ему самому заказывать себе кушанья и есть в своей комнате. Мне же никак не возможно было препятствовать такому унижению. В возмещение того вручил я Догнаны десять золотых, не зная, что Штур уже и так изрядно обеспечен был дукатами Милоша (Обреновича — *прим. пер.*).

Когда они переехали на другую квартиру, прибыл и Гурбан, но меня не навестил. Догнаны же, напротив, был у меня еще раз ночью; однако сразу поутру получил я с дальней окраины дружескую весточку с предупреждением. Настолько строгий надзор за мной был!

Для Штура и Гурбана смертельно опасным было пребывание в мадьяронском городе Кошице, как я узнал о том позднее. Местные торговцы намеревались умертвить их ночью. Только им не хватило смелости.

Об этом наши герои даже не подозревали. Однако поняли, что здесь не удастся сделать того же, что и там, под Татрами. Штур объявил, что намерен выступить от имени своего войска с речью в здешнем казино. Из города не пришел на нее никто, кроме двоих, специально высланных на

разведку. Только старосты да выборные из окрестных деревень явились по приказу. Штур всячески старался убедить их, что правительство всегда хотело освободить крестьян, но паны тому препятствовали. Насколько они это уразумели, я понял, встретив их за городом, когда они уже возвращались домой. «Откуда идете?» — спро-

сил я. — «С проповеди». — «О чем там речь была?» — «Да чтоб мы как-нибудь этого Кошута изловили», — пожали они плечами и пошли дальше.

После ухода Рамберга отправились и Штур с Гурбаном в добротной закрытой карете в Верхнюю Венгрию, спеша в Оломоуц, чтобы настоять на исключении Словакии из Мађьярии.

Перевод Людмилы Широковой

Из книги: «Современники о Людовите Штуре: воспоминания, сообщения и свидетельства». Братислава, 1955.

Заборский, Йонаш (1812–1876) — словацкий писатель, священник, представитель классицизма и романтизма в словацкой литературе. Автор стихотворных и прозаических произведений, драмы. По ряду принципиальных вопросов, в том числе — национальной культуры и языка, расходился с Л. Штуром и шутовцами. Использовал в т.ч. литературный псевдоним Магурский.

НАШИ СОВРЕМЕННОКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Ян Гавура

Кто-то как он

(этиюд о языке, идентичности и Людовите Штуре)

Ты набираешь гласные словно воду в ладони. Они двигаются еще, переливаются, они все помнят. Они живут.

В пещере языка вспыхивает спичка. Кто-то как он должен был прийти первым. Кто-то. Мужчина оборачивается, но не спешит нести свет к нам. Удаляясь, он хромает и звучит в тишине его голос с гладью схожий. Между скалистых стен непохожих на обычные скалы, к потокам, где рождаются междометия, чтобы в один миг, когда вода утихнет, слова отделить от чувств.

Сейчас ты один, но не одинок, и все же ты зовешь кого-то как он, взываешь к предкам на другом, на туманном уже берегу: *«Если вы желаете говорить по-словацки...»* Ты знаешь, что можешь представить его снова и снова, тебе это позволяет язык, потому что ты сам по себе, ты самоопределился. Адрес оказался точным, сообщение доставлено.

Только душа любого места смертна без человека и лишь язык, окропленный живой водой, дает ощущение, что ты можешь быть собой и самоопределился. Пусть даже нагим, разве нет у тебя брони? Не все мы утратили язык, лишь некоторые. Не пропадут труды, не портятся плоды

усилий и неприметные эти ягоды соберут неприметные люди. Все так и задумано. Историю можно сочинить наперед, но жить надо сейчас. И потому кто-то как он умирает, а спустя сто лет другой выходит на свободу, и торжествует чисто символически. Не будем сравнивать несравненное, две недели горячки и столетия света. Тот, кто сорок лет жил в пустыне, не получил еще вознаграждение. Он ушел, но солнце осталось и клонится в направлении *«et cum spiritu tuo»*. Мы вышли на свет и если понадобится, будем шагать даже по глади речной. Ты говоришь сквозь воду, твой голос скачет словно детский мячик. И хотя ты один, ты не одинок, ты набираешь, и тебе отвечают так просто и так очевидно, словно это автоответчик *«Если вы желаете говорить по-словацки, нажмите один»*.

Перевод Дарьи Анисимовой

Винцент Шидула

НАД МОРАВОЙ ДЕРЕВЯННЫЙ МОСТ

(окончание)

Штур бежал. Даже брат не знал — куда, хотя гвардейцы перевернули вверх дном весь приходской дом. Они искали Людовита и в храме, и в бочке из-под вина. Но всегда ли истина в вине?! Там не больше правды, чем в пушках Тюильри, чем в оборванцах, которые выкапывают из земли пушечные ядра и секут косами не только прогнившие дворянские гербы, но даже и колесо, по примеру которого гнут перед господами спины и с тем же постоянством крутят колесо истории. «Можешь подохнуть ради государя, но ради меня подохни стократ, а не то убью! История крутится, крутится и дыба, словно гончарное колесо, о котором говорил святой Августин. Подохни, а не то подохнешь!»

Гардисты приближались к нижним воротам. Ни Эмреска¹, ни кто другой из эмресовского дома не успел бы сказать об этом в здешнем приходе. Эмреска, однако, пришла.

Он бежал через виноградники, и не было у него ни сопелки, ни жалейки из коровьего рога, а тем более не было на ней пера, которым можно было еще и писать. Бежал он, не переодевшись, и не было у него даже простого охотничьего ружья, не то что пистолета, а если кто его и видел, так только потому, что в Модре, в Пезинке и в Юре, несмотря на все морозы, иной раз столько винограда, что аж колья под ним трещат и стреляют.

Минута-другая — а он уж и у Вештика, хотя иному, а тем более — ночью, далеке покажется от Модры до дома лесника Вештика. Собаки на него залаяли, а он хоть и успокаивал их, но при этом и в дверь колотил. — Пан Вештик, проснитесь, я от Карола Штура бегу, вы же меня знаете, пожалуйста, за мной гонятся!

Вештик кое-как пробудился, а потом, сделав пару шагов, схватил спросонья винтовку. — Вы что, с ума сошли, сударь мой? Ах, боже милостивый, пан Штур, пан сударь, ну как же мне вас не знать! Гонятся?! Уж и не придумаю, куда вас спрятать, сударь мой! — Пан Вештик, не бойтесь, меня Карол послал. Я не буду у вас долго прятаться, проводите меня прямо сейчас же, ночью, через Кухиню или через Замчиско, через Бабу или через Пернек, все равно как, я ведь здешних мест не знаю, но только к утру должен я добраться до Яблонowego.

— Боже праведный, говорите — прямо сейчас? Вот так дела, даже не перекусите? Гонятся за вами, свиньи, и господа, и кайзер! Ну и дела, я мигом оденусь, да что там — ведь у меня уж и винтовка в руках, пошли! Хотя, хотя я же все ни-

как не проснусь: все-таки надо одеться, в одну минуту оденусь, возьму в дорогу съестного и тут же с этой винтовкой и отправимся, я вас провожу, и Вештику каждый должен будет, кто бы что не вещал, каждый должен будет дорогу уступить...

А когда шли они, эх, вечером, вечером, уже даже ночью по лесу, только ночь да винтовка в помощь, то пели на ходу тихонько да молились, эх, вечером, с вечернею звездой, с думою об утренней, а Штур на бегу еще и сочинял наскоро речь свою на Славянском съезде, чтобы обратиться ко всем не по-гердеровски, а по-людски, как человек, который песни знает и право имеет на них опереться и обратиться к братьям из Вуковара, до которых тоже дошел слух об отмене уставной грамоты на землю, как и до других, которые живут в иных местах, а раз надо защищать государя и господ, тогда уж можно, ах, вечером, вечером, и запеть во весь голос, и насытить все эти чужие, благородные, набожные или безбожные глотки — но, правда, это надо будет в речи сгладить. *Dalmatinci i Riečani i Slaviani od Karpata, o bohatí Banatjani, i Bačvani kraj Hérvata svi smo bratja jedna svud, nepožalmo samotrud,* гонят нас, как волков, с волками мы плачем, с волками молимся, а тут еще и итальянцы в своей солдатской песне венецианской *Siam nipoti di loro che in pinato, Hanno l'Ungheria rabbia cangiato; date l'armi: poi l'Unghero armato Nuovamente fuggire faremo,* кричат через *Gazetta di Venetia* аж до самого Тренчина, да так, что уж точно — не один человек, раз он помнит дедов, не один человек возле Тренчина при Бесной Скале вздрогнет, как услышит снова крик итальянцев о том, что они — потомки тех, кто бешенство Угров обратил в плач, что им нужно только оружие, чтобы вновь подняться на этих вояк Угров, на этих рабов. Эх, кто хоть раз хлебнет да спляшет, помирать не хочет...

Вот наши былины! Наша речь: *bou* и *byv*, *bul* и *beu*, *был* — это и наше сегодня, для нас, как и для всякого другого — хлеб и песня в будущем, где каждому — уважение, а кому-то и слава!..

Пришли они в Яблонowego и постучали в дом католического прихода. Священник Галбавый был еще полусонный, он только что пробудился, но уже собирался раскрыть свой молитвенник. До мессы было еще далеко, причетник, которого они увидели по пути и немного забоялись, отзвонил зарю.

Священник тоже испугался. — Сударь мой, пан Штур, откуда вы здесь взялись, вас же повсюду разыскивают!

— Я не задержусь, хотя надо бы задержаться, мне ведь переодеться не во что. Дюрко Годжа побежал в Прешпорок, за моей одеждой и деньгами, да не знает, куда их теперь доставить, если только его тем временем уже не схватили.

Лесник Вештик, не мешкая, пошел по лесным тропам назад, но Штур, как ни спешил, не мог без одежды и без денег продолжить путь. Лесник должен был оставить у брата Штура весточку для Дюрко, а священник послал с такой же весточкой своего причетника в Прешпорок.

Причетник к вечеру вернулся, сказал, что все исполнил, как было велено, но деньги с одеждой не принес. Не пришел и Дюрко. Нужно было ждать.

¹ Речь идет о теще брата Л. Штура — священника Карола Штура.

На другой день ввалились в дом священника господ. Никто о них наперед не предупредил, да и не должны господ спрашивать позволения, а беднота сюда и вовсе так, без спросу приходит. Что у этих проныр на уме — наверняка уж ничего хорошего, поскольку среди них был и уездный начальник из Малацек, и комиссар, и адвокат, и еще какой-то чиновник. Они подняли большой шум, и, конечно же, принялись все разнюхивать. А ведь из Малацек в Яблонное или там в Пернек, в Кухиню не так уж часто ходят разнюхивать ни с того ни с сего, а тем более — просто от нечего делать.

И серьезные беседы там велись, и болтовня всякая, а потом уж не смогли они отговориться, заметили, как экономка несет из курятника яйца, значит, будут они у священника в доме обедать. А хозяин, сидя среди них, аж вспотел, да только не от еды, а от страха, потому что Штур в это время в амбаре прятался, в сено зарывшись.

Тут вдруг обнаружилось, что господ больше про другие вещи спрашивают, и все вроде вскользь, а как зашла речь про Штура, так сказали, что его уже в Банской Бистрице поймали, да на месте и повесили. И видно было, что они этому известию верят. Священник тогда успокоился, стал пуще их угощать, да еще и бутылочку нашел и всю им по стаканам разлил. Они бы и больше бутылок осилили, да, к счастью, уехали.

Но и так еще опасность не миновала, пришлось Штуру на ночь в лесу укрыться, правда, рядом с дорогой, а со священником они договорились: когда придет Дюрко или что еще важное случится, ему дадут о том знать.

И Дюрко, действительно, пришел, ничего с ним, слава богу, не случилось, принес он и одежду, и деньги. Галбавый сразу же велел причетнику сбежать в Кухиню, попросить капеллана подменить его в Яблонном на похоронах и на мессе, поскольку на другой день в Яблонном тоже были похороны.

Нашлась потом и повозка. Остановилась она утром возле дома священника, сел в нее Галбавый, одетый в сутану, взял и молитвенник с собой в дорогу.

А как проехали они немного, вышел вдруг им навстречу худой, бледный, прилично одетый человек, поздоровался и сказал: — Пан священник, если позволите вместе с вами немного прокатиться, я бы к вам на повозку подсел. Сам я церковный регент из Пезинка, даже и не выспался как следует, а иду я в Моравию. — Обратился он и к возчику: — Не бойтесь, я заплачу.

Приехали они в Угорскую Весть, возчик коней распряг, насыпал в две торбы овса, подвязал каждому коню по торбе, церковный регент заплатил возчику серебром, и они распрощались.

Галбавый с регентом отправились дальше, а возчик, только они отошли, поглядел на монету и аж присвистнул: — Вот тебе и регент! С виду бедняк, только что на похороны и ходит, а сам дал мне, вот, ей-богу, двадцатник!

Над Моравой — большой деревянный мост. Течет под ним та же самая вода, что течет и вдоль Девина, вдоль руин у подножья Девинской Кобылы, обдуваемой летящими издали низкими и высокими ветрами, поскольку Альпы встречаются там с Карпатами, а дети играют над скелетами китов, над холмами из старых ржа-

вых доспехов, цепей, дырявых кольчуг, шлемов, пик и стрел, над кучами костей, которые давно обклевали вороны и синицы, а черви давно выели из них мозг. Весной дети могут сорвать здесь фиалку, но растет там и мохнатый синий прострел, и кудрявый желтый горичвет, и разные другие цветы и травы, даже те, которые могут расти только высоко в горах, и в то же время там открывается весь край, особенно, когда ясно, край этот — словно большой храм, а он — словно Греция, и оттуда, хотя — отовсюду, но и оттуда тоже, вырастают наши церкви-костницы и столбчатые островерхие Праги, а небо, пусть нередко и со снегом, высылают навстречу им свои острия.

На Мораве — деревянный мост, а на мосту — сборщик платы за проезд. Обычно он суров, но иногда может и пошутить. А порой может и власть свою показать. Или показать, что он и сам смог бы в Венгрии, да хоть где в монархии — и не так, как трое венгерских господ, венгерских мушкетеров, которые смогли просто так, из одного только господского озорства одолеть сабельками безоружного крестьянина, который и после смерти сам себя похоронит — да, он и сам, если бы только продвинулся вверх по лестнице, смог бы одолеть одной сабелькой, да хоть и без нее, даже трех крестьян. Но раз уже он вверх не продвигается, приходится ему вместо сабелек показывать обычную свою глупость или суровость сборщика денег, впрочем, ведь мытарь — тоже человек, может, он просто хочет честно выполнять свои обязанности. Если бы он лучше видел, то узнал бы, что за иного человека мог бы получить — а золотой бы ему пригодился! — мог бы получить на один золотой больше.

Но сборщик спит. Может, даже и будка его пуста. Наверняка и без платы можно пройти по деревянному мосту. Неужели нет на венгерской стороне ни сборщика, ни хоть какой-нибудь стражи?

Только пару шагов пройти, и мост будет позади.

Но тут вдруг кто-то прокричал или просто этак проворковал: — Warten sie, meine Herren. Wer sind sie? — Ich bin Pfarer von Appelsbach. — O, ja! Der Herr Pfarer. Zahlen sie, bitte.

Они заплатили и сборщик поклонился. — Gut. Danke. Herr Pfarer, Herr Pfarer von Appelsbach. Gehorsamer Diener und glückliche Reise¹.

Конечно, это был венгерский сборщик, хотя говорил по-немецки. Австрийский сборщик — на другой стороне, и мост иной раз может показаться тому, кто по нему идет, каким-то слишком длинным, особенно если он видит, что на другой стороне как-то слишком оживленно.

К счастью, на другой стороне тоже живут женщины. Причем неподалеку от моста. А одна даже совсем рядом с мостом.

Мы говорим об этой одной потому только, что она встала рано. У нее малые дети, вот и приходится время от времени их обстирывать. Она, может, еще вчера

¹ — Стойте, господа. Кто вы? — Я — священник из Аппельсбаха (Яблонного). — О, да! Господин священник. Заплатите, пожалуйста. ... — Хорошо. Спасибо. Господин священник, господа священники из Аппельсбаха. Ваш покорный слуга, счастливого пути. — (нем.).

вечером белье постирала, а теперь потому только встала рано, что вчера вечером притомилась и забыла его развесить.

А стражники, как бы ни хотели стеречь хорошо, правда, они и так стерегут хорошо, даже австрийские стражники, все равно — коли заметят рано утром женщину, так и начинают хорохориться в своих мундирах, похихатывать, радуясь, что кто-то им женским голосом может ответить, пусть и не сахарным, так хоть воркующим, а порой и без всякой воркотни надуваются у стражников лоснящиеся штанины, и хотя вообще-то служат они по всей строгости, могут иной раз и забыться, да и махнуть рукой, не глядя, кто там идет с другой стороны по мосту. Достаточно махнуть рукой, хоть даже и пальцем, каждому ведь известно, что на обеих сторонах нужно платить.

Так это дело понимает и сборщик с другой стороны, что в австрийской будке. *Zwei Kreutzer! Gut, danke, Herr Pfarer.*¹

— Ну, вот и все! — рассмеялся священник Галбавый, правда, немного погодя, но уж так, что чуть слезы не брызнули. — Пан Штур, пан регент, самое плохое у нас позади. Хватило *zwei Kreutzer*. Наверно, сутана помогла, а молитвенник я так, на всякий случай прихватил.

— Пан священник, ведь все мы волки. Хотя только нас все время рвут зубами. Если хотите, можете вернуться. Обо мне не беспокойтесь, со мной уже ничего не случится.

Но священник проводил его еще немного, ему тоже не хотелось домой возвращаться, потом дал Штуру пару печеных картофелин и четыре куриных яйца, которые сам сварил, еще перед тем, как к яблоневскому дому подъехала утром повозка.

Он вдруг в голос разрыдался, а Штур обнял его и сказал: — Нужно с беднотой заодно держаться! Об этом пойдет речь и на Славянском съезде.

Штур отправился дальше. А священник — своей дорогой, назад, подумав, что, если найдется подходящий возчик, то он успеет еще приехать в Яблоневое на похороны, может, и не надо было зря гонять туда капеллана из Кухини. И начал, сам того не замечая или просто по привычке, молиться, чтобы и Штур, и другие отважные люди благополучно добрались до места.

А когда он шел назад, через мост, то ни о чем уже не думал, и никто у него, вроде бы, ничего не спрашивал. Так и шагал он по мосту, ни о чем не думая, и по памяти читал молитвы.

По Дунаю приплыл на пароходе в Прешпорк неизвестный человек. Некоторые утверждают, что он был евреем. Говорят, видели, как он спешил с пристани и у каждого спрашивал: — Где евангелический лицей? Я несу туда важное письмо. Не знаете, где живут лицеисты? Где встречаются? Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы, где встречаются лицеисты, когда случается что-то важное? Я страшно спешу, несу им срочное, очень срочное письмо. Шпики его схватили. Подбежал еще и третий, вырвал письмо у него из рук. А в письме было только вот что:

*Баррикады готовы, опасность близится, спешите на помощь!
Венские студенты.*

Человека отвели в темницу. Студентам ничего про письмо не говорить! Никто ничего не должен знать! Следить строго! Особенно — за лицеистами! За всеми строго следить!

Над Моравой деревянный мост. Течет под ним вода, которая где-то дальше, в другом месте оmyвает и берега песчаной Кобылы, где дуют альпийские и карпатские ветры, и древние руины.

Начало сентября. Отовсюду доносится аромат яблок и слив. Виноградари точат ножи, готовятся срезать виноградные грозди, отскребая, обдают сперва кипятком, а потом холодной водой деревянные кадки, бочки, бочонки, четвертные бочоночки, отмачивают в воде сто раз уже мытые прессы без единого гвоздя, снова их моют, чистят, наперед заботясь о том, чтобы вино, а особенно — молодое вино, не встретилось там с металлом.

Мариин день. Ласточки готовятся к отлету.

Перевод Людмилы Широковой

¹ — Два крейцера! Хорошо, спасибо, господин священник. — (нем.).

Владимир Петрик

ДВЕ ГЛАВКИ О ШТУРЕ

I.

Говорят, у книг тоже есть собственные судьбы. Несомненно, это утверждение полностью относится к работе Штура «Славянство и мир будущего». Штур писал ее по-немецки примерно в 1852–53 гг. и вскоре после этого умер. Рукопись попала в Россию, где в 1867 г. в переводе Владимира Ивановича Ламанского была опубликована, получив подзаголовок «Послание славянам с берегов Дуная». В 1909 г. этот труд был напечатан там вторично. В 1931 г. немецкий оригинал увидел свет в Словакии благодаря стараниям Йозефа Ирасека. Первый словацкий перевод был сделан с русского языка Микулашем Гацеком в середине 1930-х гг., однако не был опубликован ни тогда, ни позднее, в 1940-е гг. — очевидно, по политическим причинам, поскольку Словакия была в состоянии войны с Советским Союзом. По иным политическим или идеологическим причинам труд не вышел и при социализме, скорее всего — из-за восхваления в нем царизма и резкой критики социализма и коммунизма. Книга была напечатана в Словакии лишь спустя сто сорок лет после ее создания, в 1993 г. в переводе (с немецкого — Л.Ш.) Адама Бжохы с предисловием С. Бомбика. Недавно на прилавках книжных магазинов появился еще один словацкий перевод, на этот раз с русского языка. По второму

русскому изданию книгу перевела (сразу отметим — с рядом ошибок) Гелена Тишкова. Труд Штура дополнен здесь текстами Ламанского, Флоринского и Грота, связанными с ранним русским переводом и двумя его изданиями (русский перевод, кстати, представлен как оригинал, на что указано в аннотации). (...)

В предисловии ко второму русскому изданию «Славянства и мира будущего» Константин Яковлевич Грот охарактеризовал труд как «великолепный трактат», а в другом месте говорил о нем как о «лебединой песне великого славянина». Все добавленные тексты изобилуют высокими оценками деятельности и творчества Штура. Так, Тимофей Дмитриевич Флоринский считал Штура «душой национального движения», хорошим организатором, который с большим умом, талантом и безграничной любовью сражался за свободу словаков «пером, живым словом и оружием». Он с восхищением писал о присутствии Штура «удивительном даре слова», о его красноречии. Впрочем, все, кто вспоминал Штура, тоже восторгались именно этой стороной его таланта. Ваянский относил свою похвалу в адрес писательского мастерства Штура лишь к его трактату «Славянство и мир будущего»: «Штур не был большим писателем: в его сти-

хах нет поэзии, проза его весьма жесткая. В чем он как писатель проявил себя ярче всего — так это только в «Славянстве и мире будущего», но поскольку этот труд долгое время оставался неизданным, он не смог оказать существенного влияния на формирование новой школы». Когда Штур обращался напрямую к молодым людям и приобщал их к своему, то есть — к национальному делу, его ораторские качества играли ключевую роль. Ему, как никому прежде, удалось пробудить интерес к Словакии, к ее судьбе в целом поколении молодежи. (...)

О деятельности Штура мы знаем все. Он сражался (разным оружием) за свободу, национальные права, социальную справедливость и равноправие, за новый литературный язык (который распахнул двери для творческого развития нации), за подъем культуры и за достойное существование чело- века. Его мысли были устремлены не только в настоящее, но и в будущее; именно будущее, которое он видел более свободным и справедливым, было истинным стимулом для всех его дел. Штур боролся (и всего себя посвятил этой борьбе) как публицист, ученый, поэт, политик, а когда и этого было недостаточно — то и с оружием в руках. Правда, с оружием — тоже не всегда успешно, поэтому многое из того, что было его целью, так и осталось мечтой или иллюзией. Его ждало горькое разочарование.

В ответ на новую, послереволюционную ситуацию Штур выработал свою новую программу, в которую включил не только родную Словакию, но и весь славянский мир. Этот мир он принимал во внимание и прежде, но

по-иному, теперь же славянство стало частью его идеи, его новой мечты. Что это была за идея, что за мечта, которая вновь потерпела крах, и до воплощения которой он не дожил? О будущем нельзя говорить, не оглядываясь на прошлое. Штур вернулся к давним временам Великой Моравии, обратившись при этом с большим интересом к истории всех славянских племен. Мало того, назвав свой трактат «Славянство и мир будущего», он словно бы подразумевал при этом и весь остальной мир. В этом глобальном масштабе он рассматривал проблему с самых первых своих выступлений. Штура интересовала не только Европа, но и Азия — Индия, Китай, а также, разумеется, Америка и, прежде всего — Соединенные Штаты. Однако необходимо подчеркнуть, что такой универсализм не отдалял его от словацких реалий, скорее — придавал им большее измерение. Штур четко разделил Европу на две части: с одной стороны — загнивающий Запад, с другой — Восток, который был наделен положительными качествами славянского фактора, победоносного и еще не завершившего свое развитие. По его мнению, славянство не слишком заботилось о создании собственного государства, которое не соответствовало его природе и не могло учитывать нужды всех народов. Природа славянства базировалась на семье, объединением более высокого порядка представлялась община, на следующем уровне была жупа. В этих институтах решения принимали сообща. Патриархальность порождала социальную справедливость. К несчастью, славянские племена «всегда воевали друг с другом». На Западе развитие шло иным путем.

Общество стремительно делилось на социальные слои. Возникли привилегированные классы, а народ попал в крепостную зависимость. Государство опиралось на привилегированных граждан, именно они принимали решения по всем вопросам, определяли дальнейшее развитие. Это, однако, не стало тормозом для быстрого развития общества, его экономики и культуры. Говоря о политике, Штур высказывал сомнения относительно республиканской формы правления, поскольку не верил в способность непросвещенных народных масс принимать ответственные решения. Однако прогресс на Западе привел к крайностям, к материализму, атеизму, либерализму, социализму и коммунизму. (...) Общество «эмансипировалось», люди отказались от религии и отбросили мораль, перестали ходить в церковь и стали ходить в кабак. «Никто уже не хотел жертвовать собой. А чего можно достичь без жертвы?» — недоумевал Штур. Негативные явления стали следствием сначала Реформации, а затем Великой французской революции; людей, по словам Штура, интересовали только «развлечения и наслаждения». Это мнение разделяли многие представители и его поколения, и последующего (Ваянский и др.). Запад отказался от веры (в том числе, по вине самой церкви) и утратил человечность. А поскольку на Западе искать помощи нет смысла, нужно обратиться на Восток, где обитает народ славянский, «народ будущего».

Каков же этот народ? Никто не может сравниться с ним «чистотой нравов и гостеприимством». Он сохранил свою веру, любовь к человеку, представления о справедливости. Он

«не владел рабами и никого не порабождал». Там существует крепостное право, и Штур его осуждал, однако оно смягчается «патриархальным единством», поскольку помещики нередко сами отпускают на волю своих крестьян, и власти это поддерживают. Царь и народ, по мысли Штура — это одна душа. Есть еще и русская аристократия, однако, у нее иное предназначение по сравнению с западной.

Таким образом, если упростить, Штур основывается в своих рассуждениях, прежде всего, на характере народов (который, по его убеждению, формируется под влиянием религии). Общественный строй представляется ему чем-то вторичным, зависящим именно от национального характера. (...) На русском характере сильнее всего сказалась христианская вера, которой — в форме православия — русские неизменно придерживаются. Их закон — это любовь к ближнему и нравственное отношение к жизни. Православие объединяет все общество — от мужика до царя, и это единство сильнее социальных различий. Хотя общественный строй и имеет свои недостатки, тем не менее, вера, набожность, взаимная поддержка их нивелируют.

Говоря о будущем славян (а, стало быть, и словаков), изнывающих под безжалостным гнетом властей, он видит три пути для их спасения и грядущего развития: славянскую федерацию, объединение славян в рамках Австрии и объединение славян с Россией. Первые два пути представляются ему иллюзорными, остается лишь третий. Какое содержание вкладывает Штур в этот акт? С политической точки зрения речь здесь идет о том же царизме, общи-

не, жупах, поскольку все это себя уже оправдало. Мощным объединяющим фактором должна была быть религия, а поскольку позитивных результатов достигло, в первую очередь, православие, то ему и надлежало стать общим для всех вероисповеданием. Склоняясь к православию, Штур аргументировал это и нашим общим прошлым, традициями Кирилла и Мефодия, славной историей Великой Моравии. Вместе с тем, объединение было бы невозможно без общего языка. И таким языком общения, языком литературы должен был стать, конечно же, русский язык. Свое предложение сделать русский язык общим для всех славян литературным языком Штур объяснял перспективой возникновения в будущем большой литературы, которая стала бы противовесом великой европейской, то есть — западной литературе. При этом он как будто бы забыл о собственных недавних усилиях по введению в словацкий литературный оборот собственного национального языка, который сам по себе был предпосылкой для возникновения большой литературы. Религию, имевшую еще более глубокие корни, тоже невозможно было сменить, разве что только силой. Таким образом, идея Штура присоединить всех славян к Российской империи была утопией.

Автор тщетно пытался подкрепить ее вескими аргументами и убедительными выкладками знатока европейской истории и политики, с логикой которых порой можно соглашаться. Понапрасну он вложил в свой проект всего себя, высказывая свои мысли «с невиданной откровенностью», понапрасну надеялся, что его послание будет принято и понято так, как он его задумывал. Запад так и не погиб, несмотря на свою испорченность и аморальность, да и Восток оказался не таким уж идеальным, каким видел его Штур, и не одержал тех побед, которых он от него ожидал. История не руководствуется нравственностью, как то предполагал Штур, хотя в жизни каждого отдельного человека нравственность играет важную роль. (...)

Выдвинутую Штуром идею объединения всех славян под эгидой России очень легко опровергнуть. Но важно отметить, что она коренилась в теориях славянофильства, которое было популярно в славянском мире задолго до Штура и столь же долго после его ухода. То, что кажется нам почти абсурдным, жило в сознании нашего сообщества. Штур только сформулировал эту мысль. «Славянство и мир будущего» — это мечта, в возможности реализовать которую, вероятно, сомневался в глубине души и он сам.

II.

О Людовите Штуре, как и о каждой выдающейся личности, высказывают нередко самые противоположные суждения. Так, Владимир Минач писал: «Штур еще при жизни стал национальным святым: *noli tangere!* После смерти

он оказался совсем уж неприкасаемым: из-за пиетета, из-за его непорочности, да и из соображений политической целесообразности к его реальному героизму пристегнули еще и нереальную непогрешимость — и он взмошел

на словацкие небеса. Это был великий Объединитель, национальный пророк, апостол: кто владел его заветами, тот владел ключом к механизму движения словацкого общества» (Mináč V. Dúchanie do pahrieb. Bratislava, 1989. S. 134). Характеристика нарочито восторженная, и Минач написал эти слова лишь для того, чтобы заявить, что он-то не разделяет этого всеобщего восторга и будет писать о Штуре (и штуровцах) совершенно по-другому. Его интересовали, прежде всего, «внутренние споры и борьба за окончательную формулировку национальной идеи и словацкой политики» (там же). (...)

Свое личное мнение по поводу Штура и его наследия высказывали и другие имевшие отношение к искусству авторы, работы которых привлекали интерес широкой культурной общественности. Кроме Минача, упомянем и Штефана Крчмеры и Александра Матушку. Остановимся на их работах подробнее.

Первым по времени был Ш. Крчмеры (1892–1955). В 1924 г. в газете «Народне новины» вышла статья Крчмеры «Людовит Штур (У дома Штура в Модре)», которую автор включил позднее в свою публикацию «Люди и книги» (1928). Он дает такую высокую оценку личности Штура и его деятельности, что и гиперболизированная характеристика Минача, цитировавшаяся выше, представляется весьма обоснованной. «О том, какого человека потеряли мы в лице Людовита Штура, говорились после его смерти многократно, однако невозможно сказать о нем все и должным образом оценить все им сделанное, поскольку с его именем связано целое столетие жизни словацкой

во всех ее теоретических и практических составляющих» (Š. Krčméry. Výber z diela IV. Bratislava, 1955. S. 43). Причем, по мнению Крчмеры, не с деятельностью, а именно с духом Штура связано все, что пережила словацкая нация со времени его смерти по сегодняшний день. (...) Дух Штура осенял и словацкие легионы в Сибири, и возникновение Чехословацкой республики. При этом Крчмеры осознавал, что следует говорить не только о легионах, но и о так называемой ссоре между чехами и словаками, которая была вызвана кодификацией словацкого литературного языка, в том числе, и по инициативе Штура. Ведь принятие собственного литературного языка стало одновременно и отказом от чешского, который прежде выполнял роль литературного языка для многих словаков. Крчмеры подчеркнул значимость этого акта: «Жизнь подтвердила абсолютную необходимость наличия словацкого языка. (...) За нами стоят все пробужденные духом Штура и словацким языком земли Словакии» (там же, с. 52). (...)

Ш. Крчмеры еще не раз возвращался к личности Людовита Штура, в частности, как беллетрист. В «Зимней легенде» (книжное издание 1957 г.), где он описал несколько ярких моментов и лиц словацкой истории, одна из глав посвящена эпизоду из жизни Штура, связанному с его пребыванием в Праге во время Славянского съезда 1848 г. Штур свободно общается здесь с другими видными его участниками (среди них П.И. Шафарик, Й.В. Фрич, Ф. Палацкий и др.), пражская молодежь носит его на руках и бросает в огонь сборники с нападками на словацкий литературный язык (речь идет об ор-

ганизованной Колларом публикации «Голоса за необходимость единства литературного языка для чехов, моравян и словаков», 1846).

Должное внимание уделил Крчмеры Штуру, разумеется, и в своей «Истории литературы словацкой» (которая издавалась еще в 1930-е гг., а полностью вышла лишь в 1976 г.). Он представил в ней Штура как вождя литературного поколения. Но его личностью и сферой литературы он не ограничился, дав комплексную и полную характеристику всего движения в целом. При этом его высказывания здесь более конкретны, чем в эссе 1924 г. Величие Штура Крчмеры видит в «универсальности», продолжая: «Что-то от Гегеля было в нем еще прежде, чем он услышал это имя, чувством так называемых гениальных идей он обладал от рождения... Его духовной вселенной было все человеческое. И слово “славянство” имело для него такое же звучание» (Š. Krčméry. Dejiny literatúry slovenskej. II. Bratislava, 1976. S. 77). Наряду со Штуром Крчмеры говорит и о Гурбане и Годже, причем из этой троицы он не всегда выдвигает Штура на первый план. Так, Гурбана он выделил в вопросе о новом литературном языке. Штур по сравнению с ним был более осторожен и нерешителен, он даже подумывал о том, чтобы издавать «Словенские народне новины» по-чешски. «Молодежь, — пишет Крчмеры, имея при этом в виду молодых штуровцев, литераторов и поэтов — все-таки одержала победу над Штуром. Молодежь вместе с Йозефом Милославом Гурбаном» (там же, с. 80). (...) Хронологию утверждения словацкого языка он прослеживает следующим образом: «Сначала произошел перелом

литературный, руководимый Гурбаном (подразумевается издание альманаха «Нитра» в 1844 г. на словацком языке по инициативе Гурбана. — В. П.). Потом наступил перелом политический, возглавлявшийся Штуром. И наконец, пришел черед теоретическому обоснованию словацкого языка, что было заслугой Михала Милослава Годжи. Таков был ритм совместной работы нашей троицы». (там же, с. 80). (...) Заслуживает внимания еще одна характеристика, данная Штуру Ш. Крчмеры: «Дух его летал слишком высоко, увлекаемый горизонтами просто-таки необозримыми» (там же, с. 77). В словах исследователя ощущается некий критический подтекст, особо заметный в этом «просто-таки». Впрочем, еще при жизни Штура было очевидно, что дух его часто «летал, где хотел» (*flat ubi vult*), тогда как другие штуровцы держались поближе к земле. Но, может быть, именно поэтому он не только многое постиг, но и многого достиг. (...)

Александр Матушка (1910–1975) начал заниматься штуровцами, прежде всего — поэтами, лишь очутившись на краю словацкого света, в Михаловцах, куда его, школьного учителя, сослал во время войны режим Словацкого государства. (...) Позднее он признавался, что до этого момента он не изучал историю словацкой литературы столь подробно (...) и начал систематически заниматься ею лишь в Михаловцах. (...) В 1943 г. в журналах «Творба» и «Живена» вышли два его эссе о поэтах-штуровцах (Янко Крале и Андрее Сладковиче), которые он включил позднее в книгу «Профили» (1946). Тогда же, в 1946 г., в газете «Культурны живот» была опубликована небольшая заметка

Матушки «Людовит Штур» (к 90-летию со дня смерти), в 1948 г. — его известное эссе «Штуровцы», а в 1965 г. — большая статья под названием «Л.Ш. (к 150-летию со дня рождения)». Матушка также размышлял над наследием Штура и его восприятием: «Оценка его деятельности всегда колебалась между похвалой и порицанием; его либо превозносили до небес, либо мешали с грязью. Если похвала — то сверх меры... Если порицание — то огульное...». Так же обстояло и при его жизни, подчеркивал Матушка: «Гурбан, в сущности, только хвалил его, желчный Заборский — только порицал, по-настоящему, как критик, о нем высказывался только Калинчак» (А. Matuška. L. Štúr. Dielo II. Bratislava, 2011. S. 269). (...)

Говоря о штуровцах, Матушка вышел на уровень обобщения и подчеркнул сущность их идей. Он отказался от слова «заслуги», поскольку оно никак не отражало присущей им самоотверженности во всех делах, непреходящей ценности их наследия. Они создали произведения, обращенные в будущее, выросли на почве своего времени и переросли его. Поэтому невозможно свести все к простому подсчету сделанного ими — это лишь часть правды, правда низшего порядка. «Гораздо больше скажет о них любовь, особенно та высокая любовь, которая ценит даже лишь одно стремление, одно зерно, заключенное в душе человека» (А. Matuška. Štúrovci, Pravda, Bratislava, 1948. S. 15). (...)

Именно с этой точки зрения подходил Матушка к штуровцам. В то же время он прочно связывал их с народом, с его историей, с обществом, с миром, с культурой, с литературой. Он считал штуровцев «оркестром»,

первым за всю историю, поскольку речь уже не шла об отдельных индивидуумах, как это было долгое время до них. Им удалось стать оркестром благодаря тому, что у них был определенный план и ясные намерения. Однако слаженность не исключала и наличия внутренних споров и разногласий. (...) Были у них и потери, и ошибки; они не философствовали, а теологизировали, не доверяли чувствам и были скорее аскетами, они пытались сначала европеизировать Словакию, а потом от Европы дистанцировались, они переоценивали фольклор и этим обедняли поэзию (но истинные поэты из их числа «писали милостью божьей стихи, что сдавливают горло, словно рыдания» — там же, с. 33). Они сумели воплотить свои слова в дела. И это было решающим. В то же время Матушка признавал, что «даже они, наши лучшие поэты, не смогли показать всего, на что были способны и взяться за то, до чего они уже доросли» (там же, с. 18). И тут же восклицает: «Но разве можно их при этом не любить!». Его вывод однозначен: «Нам не нужно искать где-то своих предков; мы уже имеем их в лице штуровцев, появление которых знаменовало собой начало кристаллизации нашей нации. Дело теперь в том, чтобы позволить им занять то место в нашем сознании, которое принадлежит им по праву» (там же, с. 35).

С других позиций и по-другому писал о штуровцах Владимир Минач (1922–1996). Он начал заниматься ими, обнаружив, что категория нации при социализме исчезла из общественного сознания, стала для него (по его убеждению, именно в Словакии) чем-то подозрительным и даже нежелательным:

«Размышления о нации и национальной истории ушли в последние годы не только из поэзии. Осторожно, высокое напряжение! Не прикасаться! А поскольку об этих вещах было опасно говорить, мы постепенно разучились о них и думать» (V. Mináč. Dúchanie do pahrieb. S. 9). Минач решил вернуть эту категорию в оборот как позитивную ценность. Это как раз совпало по времени с его отказом от беллетристики и обращением к публицистике, точнее — к эссеистике. Он опубликовал несколько эссе и издал две книги, посвященные штуровцам: «Dúchanie do pahrieb» («Раздувая родные очаги») и «Zobrané spory J.M. Hurbana» («Собрание споров Й.М. Гурбана»). (...) Штуровское движение он представил в этих публикациях через фигуры Яна Франциски и Йозефа Милослава Гурбана. Главным для него был идейно-политический аспект их деятельности. (...) Поколение штуровцев интересовало его как общественно-политический феномен, который он рассматривал, прежде всего, в отношении к нации и к базовым вопросам национального бытия. Минач занял позицию ангажированного гражданина, поставившего перед собой цель определить, за что именно боролись штуровцы в конкретную историческую эпоху в интересах своей нации, и какое значение имели те или иные их шаги. Прослеживал он и внутренние противоречия в отношениях главных действующих лиц, основанные на различии их подходов к конкретным вопросам времени. Показывая штуровцев как представителей нации, он интересовался и их отношением к венграм, австрийцам, чехам, а в контексте идеи всеславянства — и к цар-

ской России. Не оставил он в стороне и Западную Европу в рассуждениях о том, что именно в ней штуровцы принимали и что отвергали. (...)

Большое внимание уделил Минач революционной деятельности штуровцев, высказывая по этому вопросу свою четкую позицию. Если мартовский поход (март 1848 г. — прим. пер.) он оценивает высоко, поскольку Словакия приняла его спонтанно и восторженно, то второй поход (декабрь 1848 г. — прим. пер.) считает полицейской операцией, акцией наемников. (...) В целом эти революционные выступления он характеризовал следующим образом: «Нам тут нечем хвалиться, но и не за что стыдиться». Высшей точкой в жизни Штура был, по его мнению, Славянский съезд в Праге, где Штур выступал в качестве одной из главных фигур. С одной стороны, он инициировал созыв съезда, а с другой — проявил принципиальность и направил революционную энергию в сторону славянского мира, однозначно отвергнув австрославизм Палацкого. Большим успехом пользовался Штур у пражан. Но после Славянского съезда все покачилось под откос. Победа обернулась поражением. (...)

Штур для Минача — «типичный интеллигент из мещан», полный внутренних противоречий, страстный, но осмотнительный, сентиментальный, романтичный, потерявший собственные корни, и в то же время — автократ и диктатор, а со временем — Неприкасаемый. Минач превозносит его за идеи и поступки («Он выступил с идеей, по тем временам — не побоимся сказать — гениальной: необходимо изменить имущественные отношения,

Петер Криштуфек

SHTOOR REVISITED, ИЛИ ШТУР СНОВА С НАМИ

(эссе о Людовите, который ненадолго к нам вернулся)

и тогда изменятся и отношения политические»). При оценке этих взглядов, близких к марксизму, Минач, сам марксист, несколько преувеличил их гениальность. Большого внимания заслуживает предположение Минача о том, что разочарование, постигшее Штура, коренилось в словацких реалиях, не дававших повода для оптимизма. В результате Штур лишился всех своих иллюзий. (...)

В публикациях о Штуре и шутовцах главным для Минача была историческая правда, поэтому он боролся с легендами и иными фальсификациями. Хотя и сам создал при этом несколько новых. (...) Однако нужно отдать должное Миначу, который достойно справился с задачей осмысления важной главы словацкой истории, приложив для этого больше усилий, чем

два вышеупомянутых исследователя, и охватив проблематику, касающуюся не только шутовцев, но и Словакии и всей Европы. Он представил новый взгляд (пусть и окрашенный кое-где идеологией своего времени), а вместе с тем — и новые знания о предмете.

Для популяризации и изучения Штура, шутовцев и шутовского движения три названных исследователя сделали достаточно. В определенном смысле даже больше, чем специалисты в этой области. При этом все они действительно были профессионалами. Главное, что способ их исследования (а речь шла об эссе) оказался гораздо привлекательнее для читателя, чем сухой трактат ученого. Кроме того, преимуществом их работ стал не только личный вклад, но и личный взгляд. Эти тексты — еще и свидетельства о них самих.

Перевод Людмилы Широковой

Владимир Петрик (род. 1929 г.) — известный словацкий ученый, историк литературы, литературный критик, автор многих книг, статей по проблемам словацкой литературы XX века. Сфера деятельности чрезвычайно многообразная: преподавал теорию литературы на Философском факультете университета Коменского в Братиславе, был научным сотрудником Института словацкой литературы САН, редактором журнала «Словенска литература», руководителем Литературного отдела Союза словацких писателей.

Однажды в букинистическом магазине я наткнулся на одну неприметную книгу под названием «Словацкий словарь: литературный и диалектный (словацко-чешский дифференциальный)». В подзаголовке было указано: «Составлен на основе словарей, литературных текстов и живой речи Каролом Калалом и Мирославом Калалом, издан на собственные средства в 1923 году». Помимо всего прочего, данный словарь имел целью, так сказать, «на заре нашей самостоятельности» объяснить и продемонстрировать чехам, с которыми мы только что основали новое государство, а также и самим словакам из числа не столь просвещенных, насколько богат наш словацкий язык. Я и сейчас на досуге люблю полистать этот словарь. В нем можно найти множество выражений, давно стертых из нашей памяти, но не утративших своей меткости и красоты.

Людовит Штур на смертном одре страдал от ощущения краха дела всей своей жизни (не говоря уже о нечеловеческих болях, которые он физически испытывал), но как бы он был счастлив, доведись ему встретить эту книгу. Его бы обрадовал тот факт, что мечты и планы его так скоро претворились в жизнь. Хотя даже если бы не эта простреленная нога, он бы все равно не дождался до этого момента: человеческий

век слишком короток. Но в наших сердцах Штур жив и поныне — и это главное.

Я беру в руки словарь, листаю его и выписываю слова, которые бы хотел использовать в следующем своем эссе. У меня нет никаких особых критериев отбора, если не считать благозвучность и необычность слова. Первое слово, которое я выбрал, — *meruðsmy*. Оно всегда завораживало меня, хотя долгие годы я его и не понимал, но в наших представлениях оно навсегда неразрывно связано со Штуром и шутовцами. *Meru* значит сорок, как говорит нам словарь, и в качестве примера указывает выражение: *merupatročný mládenec* (сорокапятiletний юноша), что просто-таки ласкает наш слух. Далее я выбираю: *mluva* (это слово я люблю в старых текстах, хоть оно и богемизм), *habrdina* (мешанина), *vržlina* (оспина; даже интересно, зачем оно мне), *hadžír* (умный, находчивый человек), *azdajný* (возможный, вероятный), *hajdamáciť* (жульничать), *sklabina* (щель, дыра), *škáles* (ругательство, *škálesovať* значит ругаться), *merenda* (веселое развлечение), *žompárit'* (брюзжать, роптать), *zmrk* (сумрак), *vykublat' sa* (прийти в себя, поправиться), *polkoráb* (коротышка), *mlunný tok* (электрический ток, поскольку *mluna*, по мнению братьев Калалов, в переносном смысле слова

и есть электричество, что мне лично необычайно нравится), *holoslovie* (пустые речи) и прекрасное, благозвучнейшее слово *bžuknutie*, о значении которого каждый из вас легко догадается сам.

Если бы Лайко (как звали его некоторые приятели, а для тех, кому это звучит слишком по-венгерски, — Людевит Велислав или же Брат Славянин) вдруг воскрес и прогулялся сегодня по улицам наших городов, он бы не раз был сражен от удивления. Неожиданностью для него стала бы оживленность улиц и площадей, носящих его имя. А как удивил бы его юг Словакии, усеянный множеством населенных пунктов, названных в честь его коллег и соратников, вплоть до местечка Паркань, иначе называемого Штурово! В этом смысле Словакия и вправду *пришла в себя* (*vykublalo sa*) после многовекового порабощения.

Торговые центры, автомагистраль, города, изменившиеся до неузнаваемости, заполненные до самых окраин всяческими современными транспортными средствами. Он вряд ли бы смог понять, зачем словаки ездят на огромных внедорожниках по гладким асфальтовым дорогам, о которых во времена Людовита можно было лишь мечтать. Вероятно, он бы подумал, что они делают это в ожидании какого-нибудь апокалипсиса, после которого останутся лишь развалины и дыры в земной коре, которые нужно будет на чем-то преодолевать. Он с изумлением обошел бы вокруг огромного Хаммера, перегоревшего пол-улицы, гордый владелец которого — вечно хмурый потомок какого-нибудь быстрицкого ремесленника, этакий накачанный *коротышка* (*polkoráb*), и отправился бы

дальше. Уже не увидеть вокруг национальных костюмов (если, конечно, не считать ими вездесущие свитера-толстовки, на сленге называемые *trigovica*, которые, по сути, уже стали словацким национальным костюмом). А устройства и машинки, при помощи которых все вокруг разговаривают друг с другом на расстоянии! И всё это с помощью загадочного электрического тока (*mlunný tok*).

Наш дорогой Людовит, вероятно, не понял бы, отчего вокруг так много английских слов. Если бы, утомленный долгой прогулкой, он решил присесть на минутку, скажем, на братиславской Площади СНВ (естественно, перед этим переодевшись; и хотя, конечно, его привычный костюм современные люди посчитали бы классным, как все костюмы в стиле ретро, все же он бы привлекал излишнее внимание; «Ух ты, ну и брутальный экземплярчик!» — мог бы услышать он в свой адрес от какой-нибудь юной особы, одетой в стиле эмо...), тогда, вероятно, его удивила бы речь наших современников со всеми этими (как слышится, так и пишется) *лайками*, *фейсбуками*, *культовыми блокбастерами* и *тюнингованными байками*. Он бы, бедняга, даже и не понял, о чем это мы, но ничего: все бы осветил, как луч солнца, наш старый добрый словацкий язык, о котором он когда-то мечтал и потом и кровью старался его узаконить. А сегодня с трудом бы его распознал. И все же это по-прежнему он, словацкий язык, правда, искаженный и странно звучащий.

Порой тут вполне может случиться и какой-нибудь казус. Например, войдет Людовит в большой стеклянный дом с вывеской «Галерея», ожидая

увидеть там свидетельства того, как прекрасно развивается наше современное словацкое искусство. А вот и нет! Внутри вместо картин развешаны штаны, костюмы, футболки и куртки. А на втором этаже и вовсе всевозможные пылесосы и кофеварки. Вот уж странно! А если бы под вечер, к примеру, весь в дорожной пыли, он вдруг зашел в трактир, названный по-английски «Inn», то очутился бы в дорогом отеле.

А что если ненадолго заскочить на знаменитый Девин?

Не пешком, конечно, это было бы слишком опасно, учитывая узкую извилистую автодорогу, ведущую туда. Лучше на автобусе, этом новом виде транспорта, в который нужно втиснуться и крепко держаться, стоя в толпе подвыпивших разгоряченных пассажиров, отправляющихся вместе с вами за город.

Среди современных коттеджей, которые, как *оспины* (*vržliny*), усеяли все окружающее пространство, сложно разглядеть место давних встреч Людовита с его друзьями. Где-то здесь они приняли свои вторые славянские имена: Горислав, Милослав, Велислав... Где же это? Может, здесь?... Или вон там? Только бы не свалиться в яму с археологическими раскопками и не споткнуться о визжащих детей, маленьких веселых словаков, которым рассказывают про Людовита в школе и демонстрируют его портрет с той самой *секси-бородкой*. Потом этих детишек приведут в кафе «Šttoor», где они будут с удивлением читать надписи на «штуровском словацком» и даже будут клеить его портреты к себе в дневнички (это не шутка и не фикция, таких ребят и вправду на удивление много), позже

будут носить футболки с его портретом, и это, наконец, поможет отбросить пафос и взглянуть на Штура как на реальную фигуру. Не как на памятник или вымышленного персонажа, а как на человека со всеми его ошибками, сомнениями, влюбленностями, болезнями и внутренними демонами. Такого, каким он был на самом деле. Он будет вдохновлять их как человек сильный, который в одиночку не побоялся противостоять враждебному миру (и совсем не важно, что восхищаться такими героями нас приучили американские фильмы, важно, что такие герои есть, этот архетип так просто не исчезнет). Да и хватит уже перемалывать эти малоинтересные истории о *сорок восьмом* (*meruôsmom*) годе! Все просто не могло произойти иначе, чем произошло. Мы маленькие, и нас мало. Кости были брошены и покатались в другую сторону. Оставьте уже в покое всех этих визжащих детей, пусть они сами откроют для себя Штура! Ведь они и есть наше *возможное* (*azdajné*) будущее. Давайте не будем мучить их напыщенными, помпезными речами, театральными жестами. Представим им его как нормального человека, который когда-то давно и вправду существовал. И был не двухмерным, как его изображение в книгах и на плакатах, как грустный, потерянный персонаж романа Эдвина Эбботта, а трехмерный, реально действовавший, перемещавшийся в пространстве.

Возможно, он сел бы на скамейку в парке под стенами когда-то величественного великоморавского замка, откусил кусочек хотдога (надеюсь, что он не стал бы сильно настаивать на переименовании этого *горячего пса*

в сосиску в тесте), расслабился и, причмокивая, довольно огляделся бы вокруг. Словакия, волшебная Словакия!.. Сегодня она — самая настоящая *мешанина* (*habrdina*), в которой не так уж просто разобраться, особенно если ты, как Людовит, из девятнадцатого века. Но прекрасная и интересная.

Ну, вот... Если бы он подольше задержался в современной Словакии, неузнанный посидел бы на заседаниях, в комиссиях, постоял бы в курилке среди уставших офисных работников и в очередях в кассах гипермаркетов, он бы немного пообвык и уже сам про себя стал бы *брюзжать* (*žompariť*) по поводу всего вокруг.

Но вот что бы точно вывело из себя Людовита, так это тот факт, что мы и много лет спустя по-прежнему не можем держаться вместе. Более того, мы порой с удовольствием принимаемся отрицать успехи других словаков, потому что не выносим, если кто-то оказывается более успешным (читай: талантливый, результативный, упорный, ответственным, работоспособным), и начинаем доказывать, что этот кто-то всего лишь большой *умник* (*hadžír*), которому за все это нужно щелкнуть по носу. Уж он-то точно где-нибудь *сжужльничал* (*hajdamáčil*), раз у него все так хорошо!

Вот в этом и состоит наше проклятье. Проклятье народа, чьи предки жили высоко в горах и в глубоких долинах, в изолированных маленьких деревушках, где, по нашим представлениям, все всех знали лично. Насколько нам известно, в свое время Людовит тоже сокрушался по этому поводу. Ведь он очень хорошо понимал, что чувство национального единства рождается из

общей культурной идентичности. Не из совместного просмотра реалити-шоу или семейного похода по торговому центру. Даже не из постоянного повторения мантры про величественные Татры, народных будителей, Отцов нации, не из пироманского зажигания костров или хорового пения после совместного распития боровички. Все это, безусловно, замечательно, но ключом ко всему могут быть только совместная работа и справедливая оценка достоинств других людей, особенно если они сделаны из того же теста, что и мы сами. В отличие от нас, это прекрасно понимают, к примеру, венгры, чехи и поляки. И потому у них все хорошо. А у нас, к сожалению, нет. Да, мы говорим об этом. Да, говорим часто и красиво, но реальность совершенно иная. Мы во всем сомневаемся и не выносим друг друга. Если, конечно, мы: а) не знакомы лично, б) не выпивали вместе, в) не являемся родственниками, г) друзьями или д) коллегами, или же еще е) бывшими коллегами *еще с тех времен*.

Здесь, чтобы не быть *голословным*, приведу пример.

Все это прекрасно иллюстрирует ситуация на современной словацкой литературной сцене. Как вам хорошо известно, существует несколько «словацких литератур» — прямо сейчас навскидку я насчитал их ровно десять, — причем каждая из них отрицает существование всех остальных. Или же считает себя саму «более качественной», «лучшей» или «более прогрессивной». Довольно забавно, когда представитель одной из них, например, придумывает какое-нибудь официальное литературное направление, некое энциклопедическое понятие, которое как будто бы

должно представлять собой всю словацкую литературу. В будущем читатель сильно удивится, столкнувшись с несуществовавшими и невидимыми авторами, которые реально жили (дышали воздухом, зевали над белым листом бумаги, презентовали свои книги, переживали фрустрацию и эйфорию, грустили и *развлекались*, а читатели их читали...). Однако если с автором нового придуманного направления никто не согласился основать никакого совместного общества, клуба или литературной организации, иными словами, такой своей горной деревеньки, то в его параллельной вселенной после них не останется и следа. Если кто-то сомневается, предлагаю открыть любой словацкий литературный журнал. Наши — это наши, а чужие — чужие. Чужие — это демоны, пытающиеся у нашего гордого литературного великана отхватить кусочек его славы. И за это им надо надавать по шее. Это наши враги, та дыра, *щель* (*sklabina*), которую нужно лучше заткнуть.

Возможно, Лайко (или Людовита) немного огорчило бы то, что многие вопросы у нас по-прежнему решаются уважаемыми «*батьками*» (*batkovia*), ревностно охраняющими свои позиции (правда, при этом сыплющими речи о транспарентности). Но, собственно, так в Словакии было всегда. И во времена Штура, и до него. Мы — народ уважаемых «*батеков*». Бардов на ходулях (если уж не физических, так психических), которые, как в известной театральной пьесе, выкрикивают: «Я — важная особа, за жизнь я съел шестьдесят коров!»

Тем не менее, прогресс в любом случае нарушает привычное положение

дел. Назло всем. Без всеобщего согласия. И это так естественно, как ничто иное. Ярким примером тому является, в конце концов, сам наш дорогой Людовит!

Но оставим это... Какие-то вещи относятся к нашему национальному менталитету, и потому бороться с ними бесполезно. Так же бесполезно, как с тем, что Людовита и любого другого человека у нас повсюду встречают не с улыбкой, а с кислой миной на лице.

Что касается создания сильной словацкой культурной идентичности, то в этом мы могли бы пойти дальше. Например, так, как поступили во время правления китайской династии Мин, когда всех высших государственных чиновников заставляли сдавать сложные письменные экзамены, в частности, по риторике и стихосложению. Уже первое сильно проредило бы их ряды, а что до поэзии, то могу себе представить волнующие заголовки в бульварных изданиях: «Шокирующая новость! Министр экономики NN не смог удержаться свой пост после того, как исковеркал александрийский стих в сонете о матери Янко Краля!»

Ну да хватит *ругательства* (*škálesovania*)! Хватит кислых мин, где ваша улыбочка?

Более всего нашего друга Людовита, вероятно, удивила бы самостоятельная Словацкая Республика, которая, несмотря на все вышесказанное, возникла и существует. Силы словаков хватило на то, чтобы создать нечто единое, хотя они и готовы порой сожрать друг друга, не давая друг другу дышать, но если речь идет о своем местечке на глобусе, они способны превозмочь себя и подавить в себе природные склон-

Карол Горак

ности. Хотя бы на миг. Это нужно признать и похвалить их за это. Это и есть то самое национальное достоинство!

«Независимая Словакия, по сути своей, — это чудо. Редкость, которую мы должны ценить», — бормотал бы себе под нос Людовит, направляясь поездом из Братиславы в Модру, на свое кладбище, где физически уже находится столько лет. Все его старания были не напрасны. Не напрасна была

его простреленная нога, не напрасны все эти сражения, статьи, его постоянно заглушаемый голос. Да, у нас еще многого не хватает, и нам понадобится еще лет сто или двести, ведь мы слишком долго были как бы *вне себя* (с точки зрения Вечности, это, конечно, лишь *bžuknutie*), но и то, что мы имеем сейчас, — это успех.

Ведь никто не совершенен, не так ли?

Перевод Анны Песковой

ПРОРОК ШТУР И ЕГО ТЕНИ

или

ОТКРОВЕНИЕ, ПРИНЕСЕНИЕ ЖЕРТВЫ

И ВОЗНЕСЕНИЕ НА НЕБЕСА

ПРОРОКА ЛЮДОВИТА ШТУРА И ЕГО УЧЕНИКОВ

(окончание)

СЦЕНЫ

XVII. Второй поход

XVIII. Штур против Кошута (2)

XIX. Пролог к третьему походу (4)

XX. Третий поход и сложение оружия

XXI. Бал (ПО СЛУЧАЮ МАСЛЯНИЦЫ

В ГРАССАЛКОВИЧЕВОМ ДВОРЦЕ в *Прешпороке*)

XXII. Аничка Юрковичова (1)

XXIII. Корнелия Келлнерова

XXIV. Аничка Юрковичова (2)

XXV. Штур против Кошута (3)

XXVI. Отзвуки (ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ В МОДРЕ)

XXVII. Славянство и мир будущего

XVII. ВТОРОЙ ПОХОД

ГУРБАН: (*Искусителю.*) Историю нашего второго похода я должен записать! Если со мной случится что-то непредвиденное, пусть хотя бы останется запись о том, как все это было. Пиши! Военный министр Латур пообещал Вене 60 000 золотых на словацкое восстание против мадьяр.

ИСКУСИТЕЛЬ: Жаль, что вскоре его убили венские повстанцы...

ГУРБАН: Однако нас уже ничто не могло остановить перед новым вооруженным выступлением. Из Моравии мы пошли на Кисуце вместе с австрийскими войсками. Дорога была ясна: Яблунков — Чадца — Будатин — Жилина. Мы выступили второго января 1849 года. Был трескучий мороз. Между тем в Вене взошел на престол новый император — Франц Иосиф I.

ИСКУСИТЕЛЬ: Франц Йошка.

ШТУР: Мы выступили сразу после Нового года... Жуткий холод. Мы замерзали на лошадях.

ГУРБАН: Во главе двух новых отрядов стояли Блоудек и Зах. Основной отряд остановился перед перевалом возле Кисуц, за которым находилось войско мадьяр. Наши постепенно теснили мадьяр к перевалу до тех пор, пока мы не заняли его и не расположились на вершине. Где-то после одиннадцати часов выстрелила наша первая пушка. Я никогда не забуду этой торжественной минуты! Это была первая пушка, которая прогремела в Кисуцах в защиту моего словацкого народа!

ШТУР: И австрийского.

ГУРБАН: Батарея, огонь!

ИСКУСИТЕЛЬ: Медленнее! Я не успеваю...

ГУРБАН: Огонь наших пушек рассек венгерские ряды на две части. Послышалась сильная канонада. Одна из пуль летела прямо на нас, но в десяти шагах от нас она ушла в сторону.

ШТУР: Сильная детонация!

ГОДЖА: (*Из темноты.*) Внимание!

ГУРБАН: Снаряд разорвался, его осколки пролетали прямо около головы, будто крылья куропаток. Затем сверху пошла в наступление на Будатин наша пехота, ее стрельбу из ружей мадьяры не выдержали и стали отступать. Наши ринулись вперед, заняли мост, из которого враг сорвал уже около пятнадцати досок.

ИСКУСИТЕЛЬ: Помедленнее! Я же не писарь!

ГУРБАН: Солдаты моментально открыли проход, при этом они не переставали обстреливать венгерские части, пара венгров еще оставалась на мосту, большинство же свалилось в реку. Паническое бегство мадьяр на какое-то время приостановилось, затем, достигнув берега, они попытались обратить пушки на Будатин. Однако наши продолжали наступать по мосту, так что мадьяры бросились наутек в направлении Жилины.

(*Звучит гимн.*)

ШТУР: Победа?

ГУРБАН: Наши добровольцы преследовали неприятеля. Мы вошли в Жилину и на площади водрузили наш флаг. Жилина — под нашим контролем!

ШТУР: Старый исторический город!

ГУРБАН: Часть отряда мы оставили в Жилине, остальные преследовали отступающих мадьяр. К вечеру мы снова вернулись в Жилину. В этом бою мы добыли много оружия: копья, ружья, косы, боеприпасы, дробь. А также несколько телег с мясом, мукой, хлебом, горохом, фасолью. И даже пятьсот головных уборов...

ШТУР: У нас было всего двое раненых, пятерых мадьяр и нескольких раненых унесла река.

ИСКУСИТЕЛЬ: А как боевой дух мадьяр?

ГУРБАН: Они сбежали от наших ружей, положившись лишь на пушки, трусливо сбежали. Мадьяры показали себя как трусливая сволочь, слабые трусы, которые подняли большой крик, а выдержать не смогли.

ИСКУСИТЕЛЬ: Gut. Besser. Am beste! Вы — блестящий полководец! А что теперь? Продолжаете борьбу?

ГОДЖА: Так спросил император. Во время аудиенции...

ГУРБАН: Да, Ваше величество.

ИСКУСИТЕЛЬ: Ваши повстанцы хорошо вооружены?

ГУРБАН: Оснащение наших отрядов могло бы быть и лучше...

ИСКУСИТЕЛЬ: Мы поддержим!

ГУРБАН: Danke.

ИСКУСИТЕЛЬ: Достоин похвалы, что ваши, — собственно говоря, и наши — словацкие воины действуют так решительно, так отважно идут в бой. Достоин восхищения!

ШТУР: Нашу борьбу мы распространим по всей территории. Из Жилины — на Раец, в направлении Приевидзы, Турца, Липтова, Оравы —

ГУРБАН: И повсюду мы будем агитировать за словацкий язык.

ШТУР: А в учреждения внедрять словацкую администрацию.

ГУРБАН: Наше войско продолжает наступать в направлении Кремницы, Штявницы, Быстрицы, Погронья, Брезно, Тисовца, Елшавы, Рожнявы, Кошиц, Левочи, Земплина, Шариша!

ИСКУСИТЕЛЬ: Я высоко оцениваю борьбу моих верных словаков за правое дело нашей монархии. В моей империи каждый народ может требовать свои права. Когда минуют эти трудные, военные, эти беспокойные, гнусные революционные годы, я обязательно оценю вашу верность! Преданность словаков, которые перешли на мою сторону, в то время как остальные предали.

ГОДЖА: Австрии приходится туго, Кошут отторг Венгрию от империи! Именно поэтому мы, словаки, вдруг стали для них хорошими.

ШТУР: Что ты бормочешь! Ты предал!

ГОДЖА: Из всего войска остался только отряд генерала Блоудека. И тот по мере отступления с востока на запад распался, начались весенние работы в поле... и мы должны признать, что словаки сражались и на стороне Кошута, вступали в ряды самообороны... у наших добровольцев не было поддержки словацкого населения, главным образом католического...

ШТУР: Что ты знаешь об этом?! Где ты тогда был?!

ГОДЖА: Христиане умеют прощать. Ты хочешь поставить меня к стенке?

XVIII. ШТУР ПРОТИВ КОШУТА (2)

КОШУТ: Ты доволен?

ШТУР: Ты выиграл?

КОШУТ: А ты?

ШТУР *(молчит)*

КОШУТ: Что я тебе говорил? Объедини свои действия с венгерской революцией. Надо было меня слушаться. 18 марта 1848 года венгерский сейм принял законы, означавшие конец феодализма! Венгрия становится современным капиталистическим государством! Свобода печати. Независимое правительство в Будапеште — Пеште, ежегодные заседания сейма в Пеште, а не в Прешпороке. Равен-

ство перед законом, национальная гвардия, общее налогообложение, ликвидация урбаний, судебное равенство, национальный банк, присяга военных конституции и оставление венгерских военных на родине, освобождение политических заключенных и союз с Семиградьем.

ШТУР: А что мы, словаки? Что сказали вы, в Пеште, по поводу наших «Требований словацкого народа»? Мы жили с надеждой на то, что революция будет общей. Мы объявили, что словаки — самобытный народ, который хочет по-братски жить с остальными народами Венгрии. Самостоятельный словацкий сейм, в словацких селениях словацкий язык должен быть принят в учреждениях, словацкие школы, в венгерских жупах должны быть кафедры словацкого языка для венгров, а в словацких жупах — кафедры венгерского языка для словаков для того, чтобы мы понимали друг друга, свобода печати, полная ликвидация барщины, тайное и равное избирательное право. В деле либерализации общества мы пошли дальше, чем вы. Мы хотели договориться. А чем вы нам ответили на это?

КОШУТ: Это противоречило венгерским законам.

ШТУР: Вот видишь...

КОШУТ: Я приехал во главе миссии депутатов К ИМПЕРАТОРУ. Австрийское революционное общество с восторгом приветствовало меня, даже молодежь, подражая мне, отрастила «революционные бороды».

ШТУР: У меня борода с давних времен.

КОШУТ: Императорский двор был напуган революционными событиями дома и за границей, австрийские военные были связаны с Италией! Поэтому-то император и принял все наши требования. Венгрия объединится с Австрией только личностью правителя!

ШТУР: Ты уничтожаешь габсбургскую монархию?!

КОШУТ: Я сформулировал три группы этих законов: трансформация общества плюс основные права граждан, новое государственное устройство, основанное на парламентской системе, урегулирование отношения страны к Австрийской империи. Язык переговоров — венгерский. Ты не чувствуешь ветер свободы? Патриотические чувства?

ШТУР: Ты готовил это двадцать лет? Тактика? Стратегия? Дипломатия?

КОШУТ: Мы осуществляем три самые главные задачи: строительство армии, собственные финансы, законодательство.

ШТУР: Боевитый Кошут...

КОШУТ: Закон о национальной гвардии. До июня — 10 батальонов в количестве 10 тысяч человек, до конца лета — 350 тысяч солдат, из них — 6 тысяч всадников.

ШТУР: А кто их будет кормить?

КОШУТ: Наше правительство. Составной частью венгерской армии будут и австрийские отряды.

ШТУР: Количество?

КОШУТ: Восемнадцать тысяч. Они будут подчиняться венгерскому правительству.

ШТУР: Ты пока говоришь сплошное «я», «мы». А что «мы»? С твоей точки зрения, — «они»?

КОШУТ: Примкнут к нам, или —

ШТУР: Или —

КОШУТ: Или — в противном случае — против политических действий представителей невенгерских народов в Венгрии правительство проявит силу!

ШТУР: Вот видишь... именно поэтому мы организовали Славянский съезд в Праге, на котором все славянские народы Венгрии и Австрии намеревались разработать план федерализации Австрийской монархии — так называемый автрославизм.

КОШУТ: Триста сорок представителей славянских народов из империи плюс несколько русских —

ШТУР: Но авторитетных...

КОШУТ: Обсуждали на Славянском съезде, что будет с революцией.

ШТУР: Святые минуты надежды по поводу единства, протест славян, страдающих от германизации и —

КОШУТ: Конечно же, и от мадьяризации. Мы знаем. Вы с Гурбаном выступили там с острой критикой нас, венгров. Нам и это известно.

ШТУР: Однако пушки генерала Виндишгреца расстреляли в Праге надежды...

КОШУТ: Так же, как этот же генерал подавил революцию в Вене! А вы верите императору...

ШТУР: А кому же мы должны верить? Тебе? Ты выдал ордер на наш арест.

КОШУТ: «Ура Гурбану, Годже, Штуру»!

ШТУР: Цена за голову?

КОШУТ: Тридцать гульденов серебром.

ШТУР: Как и за Иуду?

КОШУТ: Вы предали свою родину! Венгрию!

ШТУР: А что было бы, если бы нас поймали?

КОШУТ: Виселица. Или пуля.

ШТУР: Так же как и Голубы, и Шулек? И другие, которых вы устранили?

КОШУТ: А вы от скольких избавились? Сосчитали? И не только мадьяр, но и словаков, которые не хотели воевать против Венгрии. Как вы их называете? Мадьяроны? Ты совсем не понимаешь, что такое «европейская весна»! На всем континенте грядут перемены. Революция бушует в Италии, Франции, Австрии, в нескольких немецких местечках, в Польше. И на Балканах. Старые империи распадаются! Рассыпаются!

ШТУР: И Австрия?

КОШУТ: Само собой! И Турция! И Россия! Западная часть войдет в новую Германию.

ШТУР: Существуют и иные решения...

КОШУТ: Напрасно ты старался с этим Славянским съездом. Поляки пришли на помощь нашей, венгерской, революции!

ШТУР: Предали.

КОШУТ: Не предали, ибо они не такие наивные, как вы. Они не верят австрийцам. Рождается новая Венгрия! Венгерский народ, конечно, объединит страны Святостефанской короны.

ШТУР: Включая Словакию?

КОШУТ: Какую Словакию?! Я знаю лишь Фелвидек! В Венгрии существует лишь единый государственный венгерский народ... Иных народов нет. Запомни: Единый народ, объединенный одним языком. А против политических акций, предпринимаемых представителями немадьярских народов в Венгрии, правительство предпримет решительные меры!

ШТУР: Это уже произошло. Наш первый поход состоялся в тени ваших виселиц.

КОШУТ: Мы вас разогнали. Гурбан вел переговоры с хорватскими и сербскими представителями по поводу координации военных действий. Вы — профессионалы. Ваш поход продолжался всего лишь десять дней. Смешно.

ШТУР: Однако хорваты вам устроили. Генерал Елачич провозгласил в Хорватии ликвидацию барщины, он не подчинился твоему пештскому правительству, не принял твои законы. И пятьдесят тысяч солдат повел на Венгрию в направлении Пешта!

КОШУТ: В конце сентября при Ракоци мы победили Елачича, хотя у нас было всего лишь половина численности его войск. Это была первая большая победа нашей армии.

ШТУР: Мы не сдались. Мы поняли, что такое война. Во время второго похода мы уже опирались на императорское войско во главе с полковником Фришайсеном.

КОШУТ: Да и это тоже закончилось, бог знает как. Вена вас провела. Императору хорошо известно, что славяне не любят мадьяр. Поэтому-то они и придумали всю эту ситуацию: организовать конфликт между вами и нами, между Венгрией и Хорватией! И сербы тоже явились ко мне в Пеште: «Мы требуем признания сербского народа! Самостоятельной территории под названием Сербское княжество!» А я им: «Вы хотите ликвидировать Венгрию?!» «Если позволите нам, мы отделимся от Венгрии!» А я им: «Посмотрим. Мы готовы к военному вмешательству!» «В таком случае мы не будем больше платить дань и не станем подчиняться венгерским учреждениям!»

ШТУР: Мужественные сербы. Ты развязал революцию, и она уже не только твоя.

КОШУТ: Мы, венгерские либералы, считаем Хорватию составной частью Венгрии во главе с правительством Пешта. Мы, венгерские либералы, считаем Сербию составной частью Венгрии во главе с пештским правительством. Мы, венгерские либералы, считаем Словакию составной частью Венгрии во главе с пештским правительством.

ШТУР: Ты слышишь, что ты говоришь...?

КОШУТ: Нашу Венгрию хотят расчленить. В государственной казне всего семьдесят крейцеров! Я требую заседания сейма, которое должно провозгласить желание венгерского народа пожертвовать всем во имя защиты страны, свободы, независимости! И мы хотим это намерение исполнить, мы должны увеличить численность нашего войска на двести тысяч человек, для чего необходимо сорок два миллиона золотых.

ШТУР: Ты — диктатор?

КОШУТ: Мы дадим сорок тысяч новобранцев. Мы выпустим пять миллионов собственных бумажных денег!

ИСКУСИТЕЛЬ (*подражает Баху*). Закон об организации войск и формировании валюты неразрывно связан с интеграцией монархии! За это положено наказание! Долговременные связи Пешта и Вены разорваны...

ШТУР: Генерал Радецкий одержал победу в Италии, императору полегчало, войско может быть использовано для разрешения кризиса в Венгрии... Вы нас не одолеете!

КОШУТ: Я создаю Комитет обороны родины. Мы предпримем поход в Великую Нижнюю Венгрию и убедим мадьяр в том, что родину надо защищать! Мы объявляем народное восстание! (*Восторженно декламирует.*)

Вставай, мадьяр. Над родиной беда!
Приспело время — иль сейчас, иль никогда!
Вы рабства для себя хотите
иль за свободой полетите?
Клянемся богу мы мадьяр,
мы выбираем вольность, Божий дар!

ИСКУСИТЕЛЬ: (*подражает Баху*) Именем его величества императора: я распускаю венгерский сейм! Все законы я объявляю недействительными! События в Венгрии расцениваю как мятеж! Поэтому я объявляю осадное положение!

КОШУТ: Но ведь это предательство! Ведь император еще в апреле подтвердил наши требования! Революция в Венгрии была принята императором. В апреле 1848 года!

ИСКУСИТЕЛЬ: Сумасшедший апрель!

КОШУТ: *(Декламирует с ненавистью)*

Земля родная — бесконечно поле битвы,
Смерть скачет по нему в порыве страшной жатвы,
деревня ль, город — пламенем охвачен,
гудит весь воздух тысячами плачей:
А всё для короля, разбой, разгул кровавых бестий —
повесьте королей, вы королей повесьте!

Родина — безмерно грустное поле боя,

ШТУР: *(Собирается с силами, приободряется)*

Лучи зари нам заплесали
и над горами, над лесами:
Словацким полем гул пойдет,
свобода к действиям зовет.
Вперед, за честь, свободу
словацкого народа. *(Звук горна)*

ХІХ. ПРОЛОГ К ТРЕТЬЕМУ ПОХОДУ (4)

ГОДЖА: Что дальше?

ШТУР: *(Гурбану)* Мы должны действовать.

ГУРБАН: Вдохновить народ на борьбу во имя идеалов свободы.

ГОДЖА: Это уже было. В третий раз?

ГУРБАН: Хотя бы в сотый ! До тех пор, пока это не осуществится.

ШТУР: Однажды они поймут, что без этого нельзя жить.

ГОДЖА: Народ? Свобода...?

ШТУР: Что мы существуем. Хотя некоторые это и отрицают.

ГУРБАН: Некоторое время мы уже существовали. Но настанут времена, когда мы будем существовать всегда!

ГОДЖА: Не знаю. Я в это не верю.

ШТУР: Мы сделали все, что было возможно.

ГУРБАН: Мы должны начать бороться.

ГОДЖА: Но как?!

ШТУР: Снова вооружаться?!

ГУРБАН: Новое восстание!

ШТУР: За первым и вторым — третье! До тех пор, пока это не осуществится...

XX. ТРЕТИЙ ПОХОД И СЛОЖЕНИЕ ОРУЖИЯ

КОШУТ: Австрийская монархия не сможет своими силами завоевать Венгрию. До конца весны 1849 года мои солдаты заняли почти всю Венгрию! Мы захватили Пешт, который полгода назад потеряли. Завоеем самостоятельность!

ИСКУСИТЕЛЬ: Это правда, что твоя жена хочет жить в Будинском замке?

КОШУТ: Как вижу, сплетни распространяются и во времена революций.

ИСКУСИТЕЛЬ: *(подражает Баху)* Министр внутренних дел Австрийской монархии, Александр Бах. Каждый, кто сражается на стороне Венгрии против императора — предатель! Сопротивление мадьяр будет подавлено!

ШТУР: Наш случай!

ГОДЖА: Третий поход. *(Троица вооружается.)*

ГУРБАН: Основная задача — создать войско.

ИСКУСИТЕЛЬ: *(подражает Баху)* Право создания словацкого войска принадлежит командующему майору Левартовскому.

ШТУР: Это, должно быть, мощная армия.

ГУРБАН: Примерно двадцать тысяч солдат.

ГОДЖА: При поддержке Вены...

ИСКУСИТЕЛЬ: *(подражает Баху)* В стране должен восторжествовать порядок.

ШТУР: Что это означает?

ИСКУСИТЕЛЬ: *(подражает Баху)* В соответствии с приказом бывшие участники восстания разойдутся по своим домам и будут действовать только вблизи них.

ГУРБАН: Как что?

ИСКУСИТЕЛЬ: Вы по своему первоначальному образованию учителя? Служащие? Священники?! *(Пауза, разочарование)*

ШТУР: Мы еще представляем словацких политиков?

ГОДЖА: И мы должны прятаться дома под периной?

ГУРБАН: Никогда! Мы знаем, что нас, революционеров, уже списали. В Вене и в Пеште.

ИСКУСИТЕЛЬ: Вам не везет. Сбросили вас со счетов.

ШТУР: Это бессмыслица! Нонсенс!

ИСКУСИТЕЛЬ: Штур, Гурбан, Годжа! Кто организовал съезд славян, направленный против Австрийской империи? Кто размахивал саблями на баррикадах в Праге?!

ГУРБАН: Отставить! Давайте будем агитировать добровольцев. *(Вскакивает на стул, произносит речь.)* Люди! Недруги словаков продолжают отказывать нам в праве на самостоятельное государство. Наш император в новой конституции провозгласил в монархии «Равноправие народов». Иначе говоря, словак равен мадьяру, австрийцу. Коль скоро наши противники не хотят этого признать, мы должны завоевать это под знаменем императора! Вступайте в наш словацкий корпус! Свобода для нас, для вас, для ваших детей! *(Тишина.)*

ШТУР: Скольких вы завербовали?

ГОДЖА: Мало. Сейчас жатва.

ИСКУСИТЕЛЬ: Францисци обошел Мораву, Брезову, Врбове, призвал бывших добровольцев принять участие в походе. Он преуспел.

КОШУТ: Наша армия приступает к решительному наступлению. Мы победим!

ИСКУСИТЕЛЬ: *(подражает Баху, в панике.)* Политические вожди словаков заслужат от правительства признание за свои действия на пользу народа и империи. Правительство может им доверить руководство собственным народом.

ШТУР: Вы видите?

ГУРБАН: Наше словацкое войско отправится из Братиславы на север — в направлении шахтерских городов. Мы очистим эту территорию от венгерских войск.

ИСКУСИТЕЛЬ: Вы трое — неблагонадежные. Организовать третий поход — это не ваша забота.

ШТУР: А чья же?

ИСКУСИТЕЛЬ: Других словацких представителей. К примеру, командующего добровольческим отрядом Янко Францисци.

ГУРБАН: А еще?

ИСКУСИТЕЛЬ: Сотни капитана — Дакснера, Бакулини, Штефановича.

ШТУР: Штефановича? Этого оппортуниста?

КОШУТ: Мое венгерское войско победит! Мы выиграем!

ШТУР: Словацкие солдаты в униформах! О, Боже!

ИСКУСИТЕЛЬ: Вы мечтали об этом? Хорошо оснащенная армия. Профессиональные командиры!

ГУРБАН: Натренированные отряды пехоты!

ШТУР: Кавалерия! О, Боже...

ГОДЖА: Артиллерия...

ИСКУСИТЕЛЬ: Регулярное жалование.

ШТУР: Словацкое войско как часть большой армии. О, Боже!

ГУРБАН: Австрийской.

ИСКУСИТЕЛЬ: Императорской.

КОШУТ: Контрреволюционной! Но мы выиграем! Да здравствует либерализм! Здесь, в Дебрецине, 14 апреля 1849 года мы свергнем императора и габсбургскую монархию!

(Детонация)

ГОДЖА: Война!

ШТУР: В Кремнице находится русское войско! Русские! *(Тишина. Пауза, ничего не происходит)*

ГУРБАН: Русская армия в Словакии!

КОШУТ: Предательство! Венгрия, защищайся!

ГУРБАН: Это сон!

ИСКУСИТЕЛЬ: Нет, это реальность! Император Франц Иосиф I попросил помощи у русского царя.

ГУРБАН: 200 000 солдат генерала Паскевича с востока и —

ГОДЖА: — и австрийские части с запада — уничтожат их —

КОШУТ: Вторжение! Оккупация!

ШТУР: Тринадцатого августа 1849 года при Вилагоше русские заставили венгров сложить оружие!

ГОДЖА: Кошут отправился с правительством в Турцию! Наступает время свободы.

ИСКУСИТЕЛЬ: Да, свободы. *(Смеется)* Но перед этим все вооруженные части сложат оружие.

ШТУР: Это поражение?

ИСКУСИТЕЛЬ: Нет, предательство! Демарш. Духовой оркестр, торжественный обед! Благодарности! Экуменические службы господни. И бал! Танцы!

ГУРБАН: А как же мы?

ИСКУСИТЕЛЬ: Наслаждайтесь этим в качестве зрителей.

ГОДЖА: А потом?

ИСКУСИТЕЛЬ: Можете идти домой! В империи будет порядок!

ИСКУСИТЕЛЬ: Император погладил вас своей заботливой рукой. Благодарю за помощь, оказанную при подавлении венгерского восстания, в будущем мы вас за все отблагодарим! За свою деятельность в интересах монархии просите должности, которые вы заслуживаете!

ШТУР: Место комиссара в комитатном управлении!

ГУРБАН: Место комиссара в комитатном управлении. Или же председателя в Краевом суде.

ИСКУСИТЕЛЬ: А если вы не получите эту должность?

ШТУР: Как и прежде, буду служить своему народу.

ИСКУСИТЕЛЬ: Так краевой судья в Нитре?

ШТУР: Что сказали бы люди, если бы я довольствовался малым? Враги бы высмеяли меня.

ИСКУСИТЕЛЬ: Гурбан?

ГУРБАН: Верните меня в приход в Глбоку...

ИСКУСИТЕЛЬ: Да и революция закончилась...

ШТУР: Многие народы в ходе революции добились многого. А вот словаки — ничего.

ИСКУСИТЕЛЬ: А что вы хотели бы?

ШТУР: Приход для Гурбана и пенсию для отца.

ИСКУСИТЕЛЬ: Одобряется. А Годжа?

ГОДЖА: Пусть решает власть.

ИСКУСИТЕЛЬ: Временный шеф липтовского комитата. А затем — главный комитатный нотариус. Вы довольны?

ГОДЖА: Благодарю.

ИСКУСИТЕЛЬ: Пан Штур, в Модре скончался ваш брат Карол, осталось семь его сирот. Кто позаботится о них?

ШТУР: Я.

XXI. БАЛ ПО СЛУЧАЮ МАСЛЕНИЦЫ В ГРАССАЛКОВИЧЕВОМ ДВОРЦЕ (в Прешпороке)

ШТУР: Я смею надеяться на вальс?

АДЕЛА: Меня научил его танцевать учитель танцев позапрошлой зимой в Вене.

ШТУР: Я позволю себе пригласить на танец и пани маму? На мазурку.

АДЕЛА: Она будет рада.

ИСКУСИТЕЛЬ: Прекрасно. Еще.

ШТУР: А тебя, Аделка, еще и на польку. После полуночи...

ИСКУСИТЕЛЬ: Почему ты покраснела?

АДЕЛА: Не слишком ли много?

ИСКУСИТЕЛЬ: Ох уж эти женщины! Мечтают о нем, а когда он с трудом решится, вспоминают о целомудрии...

АДЕЛА: Я согласна.

ШТУР: Благодарю. *(Звучит вальс. Танцуют пары.)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Прекрасная пара... Если уж повезет, так повезет! *(Внезапно музыка прекращается)*

АДЕЛА: Я люблю тебя. С самой первой минуты, как только увидела. Я счастлива.

ШТУР: Однако твоим родителям полегчало.

АДЕЛА: Они подумали, что я их послушалась, и наши отношения закончились. Отец в отличие от тебя — сторонник Кошута. И теперь, когда его назначили советником судебной палаты в Вене, отношения с бывшим революционером могли бы ему навредить.

ИСКУСИТЕЛЬ: Папа запретил тебе посещать их дом.

АДЕЛА: Но мама его переубедила. Будешь приходить, когда тебе удастся получить разрешение от полиции. Это будут самые прекрасные минуты в моей жизни.

ШТУР: Я должен находиться в Модре под полицейским надзором. Вот как я закончил.

ИСКУСИТЕЛЬ: Ты еще любишь его? А, может, это всего лишь жалость к его судьбе?

АДЕЛА: Я люблю его.

ШТУР: Я люблю ее.

АДЕЛА: Ты сказал мне это впервые. Спустила столько лет...

ШТУР: Ты осталась у меня одна ...

ИСКУСИТЕЛЬ: Народ тебя покинул? Своего пророка?

АДЕЛА: Осенью в воздухе чувствуется дым сожженной картофельной ботвы.

ШТУР: Мне напоминает это родной Угровец.

АДЕЛА: А мне — Земианске Подградие. И Остру Луку.

ИСКУСИТЕЛЬ: Супружество?

АДЕЛА: К сожалению, не получится...

ШТУР: В Земианском Подградии есть парк, где мы всегда беседовали. У тебя еще сохранился тот зонтик?

ИСКУСИТЕЛЬ: О чем это вы говорите?

АДЕЛА: Ты обратил внимание? Мы говорим обо всем, но только не о том, что нас мучает.

ШТУР: Заколдованный круг. Из него нет выхода.

ИСКУСИТЕЛЬ: Выходи замуж! Даже вопреки воле родителей.

АДЕЛА: Я не могу порвать с родителями. Я должна помнить о карьере отца, связь со Штуром могла бы ему навредить. И потом: у Людовита нет работы. Как мы будем жить?

ШТУР: Я не авантюрист. Если у меня нет постоянной работы, я не могу брать на себя ответственность за другого человека.

ИСКУСИТЕЛЬ: Ну так разойдитесь.

АДЕЛА: Разойтись? Но ведь он — единственный смысл моего существования! Ради чего я буду жить?

ШТУР: Мне она нужна. И она тоже нуждается во мне. Мы не можем жить друг без друга.

ИСКУСИТЕЛЬ: Но ведь вы не можете и жить вместе.

АДЕЛА: У меня такое ощущение, словно я смотрю, как умирает близкое мне существо.

ИСКУСИТЕЛЬ: Штур? Или ты?

ШТУР: Мы еще потанцуем?

АДЕЛА: Да, но только одни. И без музыки. *(Танец макабр.)*

XXII. АНИЧКА ЮРКОВИЧОВА (1)

(В положении)

ИСКУСИТЕЛЬ: Давайте заглянем в прошлое. Приход в Глокую во время первого похода. Приход захватили, во дворе готовят виселицу для Гурбана, который, вероятно, должен вернуться домой.

АННА: Куда подевались все мои вещи? Медовое сердце с зеркальцем! Кубики с цветными картинками сказочного города, пещерой Алладина, Солнечным конем, Золушкиными туфельками?! — Солдаты все перевернули в приходе вверх ногами. И теперь я не могу найти самое необходимое! Пеленки! Свивальник! Перинку! Письмо мужа!

ИСКУСИТЕЛЬ: «Сейчас же собирайся и уходи садом из прихода в Глокую за деревню! Там тебя будет ожидать телега. Наш человек отвезет тебя в Русаву, к сестре. Йозеф Милослав».

ГУРБАН: *(Дрожа от усталости)* Прости! Мы, мужчины, должны сражаться.

АННА: Прости, мы, женщины, должны рожать...

ИСКУСИТЕЛЬ: Собираться! Только самое необходимое! И ценное...

АННА: Цепочки, которые подарил мне муж на свадьбу. Серьги, из-за которых мне прокололи уши! Да! —

ИСКУСИТЕЛЬ: Да!

АННА: Волшебная шляпа? Театр, будто дым из трубки Йозефа. Пьянящий запах, легкие облачка, в которых плавают сказочные существа из детства. И души моих детей. Через минуту все это закончится. Занавес упадет, в зале зажгутся огни, представление окончено. Ничего не осталось? Да... Или нет?

ИСКУСИТЕЛЬ: Прекрати! *(Бросает шляпу)*

АННА: Мой муж Йозеф пахнет табаком. Этот запах пропитал все его рубашки, этикетки, брюки, даже его пальцы, которые глядят мои щеки, шею, грудь.

(Выстрел)

ИСКУСИТЕЛЬ: Беги!

АННА: Мы убегаем во время революции как Мария, Иосиф и маленький Иисус бежали из Вифлеема. За границу. Они убивают невинных младенцев. К моравской границе, к сестре и зятю. В Русаву. Или в Прагу? К Фричам. Это большие господа? А нам не будет стыдно за себя? И вообще — примут ли они нас? Ведь после того, как мы отказались от чешского языка, многие в Праге от нас отвернулись... Извините, я выросла в Словакии. В Загорье. Мой отец был учителем, позже — нотариусом, у меня две сестры — Юлия и Эмилия. Нас одевали скромно. А что если в Градец? К Марии Поспишиловой? Мы — знакомые Штура. «Забудь, дорогая, о юноше дальнем...»

МАРИЯ: Это было давно. Как вы говорите: с глаз долой из сердца вон. Я вышла замуж за врача. У меня своя жизнь...

АДЕЛА: Садись на коня и уходи!

АННА: У нас нет коня.

АДЕЛА: Ты должна была сказать. В нашей конюшне их тринадцать.

КОРНЕЛИЯ: Все словацкие патриоты бедны, как церковные мыши.

ИСКУСИТЕЛЬ: Наконец-то, телега!

АННА: Трясет.

ИСКУСИТЕЛЬ: Выкидыша не будет!

АННА: *(Неожиданно поет)* Я не стыжусь того, что детская одежда ношенная, переходит от одного ребенка к другому и третьему, она залатывается, зашивается, штопается, а затем переходит к следующему. Не важно, что один из них — девочка, а другой — мальчик. Когда один ребенок умирает, его одежду носит другой. *(Она жалобно всхлипывает, начинаются роды. Слышится детский плач.)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Эй, Гурбан, чего ты добился?

ГУРБАН: Свободы. Она придет...

ИСКУСИТЕЛЬ: Ах! А ее можно есть? Или наряжаться в нее?

(Гурбан выкладывает на стол одежду того времени)

ГУРБАН: Для Анечки. Военная добыча.

(Появляется Юрковичова, она берет одежду, примеряет ее, звучит музыка, стремительный танец, искуситель отбивает в такт, восхищенный Гурбан встает на колени. Внезапно все останавливается)

АННА: Театр — это радость. И боль. Как и жизнь. *(Гаснет свет)*

XXIII. КОРНЕЛИЯ КЕЛЛНЕРОВА

КОРНЕЛИЯ: Песчинки равномерно перетекают сверху вниз и с неотвратимой регулярностью отмеривают наши жизни. *(В руке у нее песочные часы.)* Подарок от Михала из Вены. Дома у нас есть и настенные часы с маятником, но песочные часы ближе моему сердцу. Эти песчинки — моя жизнь. Каждый час, каждая минута, каждая секунда. Я — немка. Дочь местного врача Юрая Келлнера. Мне был 21 год, когда Михал Милослав Годжа попросил моей руки. Свадьба состоялась 28 февраля 1842 года. Я, немка по происхождению, стала супругой патриота — в нашем кругу его зовут «панславист», — супругой священника врбицко-микулашского евангелического прихода Михала Милослава Годжи. Я понимаю по-словацки, но читаю и пишу плохо. Поэтому помочь детям с их уроками я не могу... Я дожидаюсь мужа, он ходит к известному врачу. С тех пор, как у нас в Микулаше на моего мужа напали мадьяроны и почти забили его палками, его дела совсем плохи. Их возмутило то, что он был шефом Липтовского комитата. Доктор говорит — надо развеяться. И вернуться к повседневной жизни. *(Приходит Годжа)* Давайте танцевать. *(Годжа с улыбкой соглашается)* Гете сказал: «Потеряешь отвагу — потеряешь все!» Ты — что-то значишь! Выше голову! Будем жить! *(Танец макабр)* Мой муж, упражняясь, читает мне стихи —

Сто долгих лет изменят вас, славяне,
изменят лик всего материка,
Славянство, как весенняя река,
движенья своего раздвинет грани.

ГОДЖА: Что?

КОРНЕЛИЯ: — о той немке, которая стала прообразом дочери богини Славы у Коллара.

ГОДЖА: Ее послал Господь!

КОРНЕЛИЯ: Для того, чтобы вознаградить славян за все обиды, которые они вытерпели в ходе истории.

ГОДЖА: Мина утихомиживает гнев небес и благоприятствует славянам!

КОРНЕЛИЯ: Уж эти мне славяне! Они хотят из немки сделать славянку! А может...

ГОДЖА: И из детей...

КОРНЕЛИЯ: Мы, немки, добропорядочные верные супруги, которые поддерживают семейный очаг. Кто у нас родился в 1843 году?

ГОДЖА: Первая дочь Мария Милослава.

КОРНЕЛИЯ: В 1844?

ГОДЖА: Кирилл Рагислав.

КОРНЕЛИЯ: В 1846?

ГОДЖА: Людмила Елена.

КОРНЕЛИЯ: В 1847?

ГОДЖА: Божена Корнелия.

КОРНЕЛИЯ: В 1852?

ГОДЖА: Ольга.

КОРНЕЛИЯ: И пятеро других. Всего десять детей. *(Хвалит Годжу)* Вот это память! Доктор ошибается. Ты здоров как рыбка!

ГОДЖА: Учи словацкий или поставлю тебя в угол!

КОРНЕЛИЯ: Письмецо? Я написала его по-словацки, когда мне было 45 лет, — я, уже словацкая немка или немецкая словачка? — нашей первой дочери Марии Милославе, она хранит его в альбомчике.

ГОДЖА: «Детё моё, не будь строг (!) к моим письмам, што (!) касается всево (!) — и слога и правописания, ибо если бы ты стала меня судить, твоя мамочка выглядела бы очень смешно: не усмотри в этом ничего друго (о), только сердце и чувство материнского сердца». *(Детский смех)*

КОРНЕЛИЯ: Михал, похвали меня... *(Он целует ее)*

ГОДЖА: Давайте танцевать! *(Танцуют. Годжа кричит, закрывает себе уши).* Визг!

КОРНЕЛИЯ: Какой скрип я должна услышать, для того, чтобы ему угодить? С востока нас в тиски сжимают русские.

ГОДЖА: Нет!

КОРНЕЛИЯ: С запада — немцы!

ГОДЖА: Именно так!

КОРНЕЛИЯ: А что мы, несчастные людишки, в подунайской котловине? Куда мы должны приклонить свою голову? Австрославизм? Пангерманизм? Панрусизм? Панмадьяризм?

ГОДЖА: *(Расплакался, читает свое мессианское стихотворение)*

Вам Сатана — отец, а мать — мысль-блудница,
попутал сам ее от дома отдалиться.
Домой иду, домой, с болота-мира брода,
я добровольно верен буду моему народу.
(Начинает кричать, падает на землю, шепчет.)
Уже вся наша нация, ее все силы
ждут Яношика так, как ждут Мессию. *(Лежит на паркете.)*

КОРНЕЛИЯ: Встань! На нас смотрят. *(Годжа на коленях)*

ГОДЖА: Я не заслуживаю тебя... Все, что ты мне предлагаешь — командовать войском, стрелять в неприятеля, рубить саблех противников, подбадривать крестьян с косами, цепями, топорами, проливать кровь тех, кто против нас, — все это было неискренне! Когда мне дали ружье для того, чтобы я стрелял в людей в униформах императорской армии или в мадьярских ополченцев, я делал вид, что точно прицеливаюсь. Но мои меткие удары были направлены в воздух! Я не смог сделать так, как ты хотела. .. *(Шепот)* Родина моя... Я не могу это сделать. Мои руки трясутся, перед глазами — туман, в ушах режут чудовища! Мне стыдно. Но это именно так... *(Еще сильнее)* Родина моя!

КОРНЕЛИЯ: *(Гладит его, успокаивает)* Не опускайся!

ГОДЖА: Если бы здесь была жена. *(Зовет)* Корнелия! Ты мне нужна.

КОРНЕЛИЯ: Я здесь.

ГОДЖА: Ты понимаешь меня, я люблю тебя, после кончины отца и матери, тебя, моя родина. Твоей свободе я отдаю всю свою жизнь, ты знаешь это. На собственные деньги я издавал будительские книги, на взятые займы деньги я финансировал делегации словаков в Вену, в Пешт — у нас долги — наша семья задолжала! Мы обязаны изменить мир.

ШТУР: Михал, ты должен!

(Появляется крестьянин, Гурбан дает ему ружье, заставляет Годжу, чтобы тот научил крестьянина с ним обращаться)

ГУРБАН: Теперь ты — человек из числа командующих походом, мы все отвечаем за успех нашего дела! Давай!

ГОДЖА: *(В отчаянии совершает всевозможные действия, бросается на землю, ползает, изображает стрельбу)*

Штыковая атака, вперед! Поворот налево! Назад! Бум! Ползем вправо! Ура! *(Заставляет крестьянина подражать его действиям. Внезапно все останавливается)*

ГУРБАН: Вот видишь...

ГОДЖА: Я — не герой, думал ты и те, что рядом со мной, а я — да, моя жена, которая видит меня насквозь, понимает, что я — не герой! Ничего не поделаешь... Это — факт! — Корнелия!

КОРНЕЛИЯ: Я здесь, с тобой! Все время.

ГОДЖА: Пиши! Я видел сон! Мне приснились числа, которые выиграют в лотерею. Мы избавимся от долгов! Ведь ты знаешь: 4 000 золотых я должен добрым людям, которые одолжили мне их на издание «Требований народа словацкого». Это числа: 2, 10, 12, 25, 30. Вот последние две монетки. Купи лотерейный билет! Выигрыш обеспечен!

КОРНЕЛИЯ: Мы не выиграли...

ГОДЖА: Как же так не выиграли?! Я видел сон и в нем были именно эти числа. Наверное, когда-нибудь это произойдет. Когда поедем в Вену, купим десять лотерейных билетов. Мы выиграем там.

КОРНЕЛИЯ: Нам надо иначе решить вопрос с долгами. *(Годжа ползает на коленях)*

ГОДЖА: Guten Tag, Herr Keiser. Пан император. Entschuldigen, bitte. Это я, Михал Милослав Годжа — иначе говоря, как называл меня русский Срезневский, Миша — но это так, между прочим, я знаю: в Вене не очень-то любят русских, боятся большого медведя, хотя во время революции венский император поладит с петербургским царем-батюшкой и они разгонят повстанцев, закидают их шапками. *(Истеричный смех.)* Мы ведь знаем Вилагош. Но, по сути, пан император! Перед вами стоит, собственно лежит, преклонил колени Михал Милослав Годжа, бывший священник Микулашского и Врбицкого — евангелического прихода, который участвовал в Словацком восстании 1848–1849 годов. Да, против мадьяр, да, на стороне Вены, за Словакию как самостоятельную провинцию Венгрии — иначе говоря: за самостоятельный королевский край.

КОРНЕЛИЯ: А его геополитическая цель, Ваше Величество? Словак рожден как Всеславянин — он уже не будет другим, хоть убей его.

ГОДЖА: Я на своей коже почувствовал мадьярско-азиатскую лживость! И обратил на это внимание Вены. Я — Австрию, императора безоговорочно признаю — монархия — это великая родина народов, это этнический гений, немецко-итальянско-славянский, где и такие азиаты, как венгры, евреи и цыгане получают образование и свободу. *(Приступ кашля)* Я правильно сказал?

КОРНЕЛИЯ: Правильно. Император задумался и произнес: «Один Годжа для нас — это немного. Я отплачу тебе милостью своей».

ГОДЖА: Я плохо вижу. Теперь понятно! Катаракта... Я ненавижу революцию. Я не переносу революцию. Я проклинаю революцию.

КОРНЕЛИЯ: Ну вот! *(Прикрепляет ему на грудь императорский Золотой крест с короной за участие в Словацком восстании)* Твоя награда.

ГОДЖА: В душе я не верил в успех Словацкого восстания. Борьба была жестокая! При Сенице — четырнадцать мертвых добровольцев, распростертых на не покошенном лугу — кровь из ран растекалась по траве. Десять человек, тяжело раненных стонущих мужчин перевязали. Командир объявил, что двенадцать наших попали в плен. А я призывал этих мужчин убивать неприятеля. *(Падает на землю.)* После битвы я долго не мог уснуть.

КОРНЕЛИЯ: Давай забудем об этом, хорошо?

ГОДЖА: Долгое время после этой бойни я не мог уснуть. Меня хватали призраки и волокли по полю боя, усеянному трупами.

КОРНЕЛИЯ: Была война!

ГОДЖА: Демоны тащили меня через Турец, Липтов, над Татрами, потом вниз к Быстрице, далее завернули на восток, пролетели Кошице, Шариш, Левочу — территория Словакии была полна трупов. И не только это, Словакия была мертва! Листья на деревьях быстро пожелтели, цветы завяли, горы рухнули, реки и ручьи высохли — А — по — ка — лип — сис! Внезапно я проснулся. Пришел в себя. Страшный сон. Больше чем сон. Я быстро собрался и поехал в...

ШТУР: Удрал! Бежал! Трус! Засранец! Улизнул с поля боя!

ГОДЖА: Я намеревался в Вене объяснить цель нашего восстания и добиться поддержки. Поймите: для того, чтобы получить помощь Вены, императорскому военному командованию необходимо объяснить суть конфликта.

КОРНЕЛИЯ: Я твоя жена, я останусь с тобой до самой смерти.

ГОДЖА: Каким простым и одновременно возвышенным все это казалось. Революция! Свобода! Право на существование! На территорию! Либерализм!

ШТУР: Ты дезертировал!

КОРНЕЛИЯ: Это ложь! Просто мой муж трезво смотрел на события, в которые его втянули!

ГОДЖА: Я ненавижу революцию... Однако во мне еще тлеет отвага. Хорошо, я сражен. Но вера меня не покинула. Я воскресну.

КОРНЕЛИЯ: Император тебя выслушал! Император наградил тебя Золотым крестом! Император тебя помиловал!

ГОДЖА: 2 000 золотых ежегодно!

КОРНЕЛИЯ: Однако он выдвинул и условия. Я письменно обязуюсь, что не буду больше заниматься политикой и подстрекать. Я буду заниматься только научной работой. *(Подает ему перо)* А в качестве места проживания я выбираю для себя Липтовский Микулаш или Дольный Кубин. Лучше всего за пределами Венгрии.

ГОДЖА: Бегство? Эмиграция?

КОРНЕЛИЯ: Забудь! Я отправлюсь вслед за тобой даже в ад, лишь бы семье было спокойно!

ГОДЖА: Уходим... Мое зрение ухудшается, я вижу мир как сквозь какую-то сетку, как будто в глазах червяки. Или уже началась метель?

КОРНЕЛИЯ: У него словно камень в груди. И он давит ему на сердце, кровь приливает к голове, сердце отказывает.

ГОДЖА: Я плохо слышу. Я едва жив. Но голова еще работает, и воспоминания кружатся в голове.

КОРНЕЛИЯ: Успокойся и прими последнюю Вечернюю молитву.

ГОДЖА: Всех, кто меня обижал, кто меня мучил и преследовал, я прощаю от всей души, и даже тех, кто хотел меня убить. Ни о чем другом я действительно не прошу Господа, Бога моего, как только о том, чтобы Он всех простил и дал церкви и народу моему как можно скорее увидеть блаженные дни. И чтобы Он однажды с любовью принял и помиловал мою душу! — Прочитай мне мое последнее стихотворение...

КОРНЕЛИЯ:

В Европе ревность! Из дворцов, где ум блестит,
к нам с Запада идет седая туча,
тебе, о Русь, тебе она грозит,
и ненавистью жжет, и завистью горючей.
То небесами нас, то адом бьет и льстит.
Уже на то, что красит и блаженством одарит,
позора грязью брызжет, мучит... *(Отползает от разбросанных бумаг)*

ГОДЖА: Корнелия, мы одни? Дети умерли?

КОРНЕЛИЯ: У нас пять детей: Кирилл, Марина, Людмила, Божена, Ольга. Пятеро умерли. Вскоре после родов. Почему?

ГОДЖА: Что Господь дал с любовью, то и забрал. Чем больше мы умираем, тем больше любим, ибо, чем больше мы знаем о смерти и чувствуем ее, тем больше мы любим жизнь — и свою, и жизнь тех, кого мы любим. Чем больше мы любим, тем меньше мы умираем, ибо, чем больше того, что мы любим, забирает смерть, тем больше мы хотим жить. И чем любовь наша более совершенна, тем больше мы мечтаем о совершенной любви, иначе говоря, о совершенстве.

XXIV. АНЕЧКА ЮРКОВИЧОВА (2)

(Бал, все танцуют. Гурбан танцует устало. Анна снова в положении)

ГУРБАН: Я живу только для тебя.

АННА: С каких пор?

ГУРБАН: С тех пор, как я впервые увидел тебя в саду в Брезовой.

АННА: А разве не в Соботиште, где я играла в театре?

ГУРБАН: С тех пор я думаю только о тебе.

АННА: Ты дрожишь. Я закрою окно.

ГУРБАН: У меня болит сердце.

АННА: А еще?

ГУРБАН: Я несчастен...

АННА: А еще?

ГУРБАН: Я не могу уснуть.

ГУРБАН: Вечная любовь! *(Объятие. Поцелуй)*

АННА: *(Показывает Гурбану, в какое место на лице ее надо поцеловать)* Здесь. И здесь. Вот еще здесь...

ГУРБАН: Дорогая. Дорогая-любимая. Драго — драго — любимая! Предорогая — драголюбимая!

АННА: Я боюсь умереть при родах.

ГУРБАН: Но ведь ты будешь не одна. А потом: ведь это уже твои вторые роды...

АННА: Мне страшно. Я проснулась ночью. Слышала, как кто-то ходил по комнатам...

ГУРБАН: Привидения. Это пройдет.

АННА: Смерть бродит по нашему дому.

ГУРБАН: Ты сошла с ума?! Ты не должна об этом даже думать. Ты жена священника. Верующая. Господь справедлив. Почему бы ему наказывать именно нас? Иисус тебе поможет.

АННА: Во время родов рождается новая жизнь, но не раз тот, кто ему дает эту жизнь — Бог, его сын Иисус —

ГУРБАН: Замолчи! С именем Иисуса связано создание мира, судьбы человечества, и превыше всего — вечная жизнь грешника. С именем Иисуса связана вся история мира.

АННА: Я обожаю твои проповеди. Ты ведь не уйдешь?

ГУРБАН: «Во имя Иисуса вы должны жить и умереть, сражаться и терпеть поражение, вставать и падать, служить и господствовать, жениться и выходить замуж, служить Господу и пользоваться дарами его милости, управлять церковью». *(Снимает лютеранское облачение, надевает униформу. Наспех целует Анну, уходит).* Прощай! *(Кричит в темноту).* Коня! *(Звуки конских копыт)*

АННА: Сраные мужики! Они думают, что спасают мир! Что меняют его! Изменяют! Перестроят! А мы? «Что муж посадит, жена вырастит?!» *(Постепенно ею овладевает тоска, которая переходит в панику)* Где люди? Прислуга? Церковный сторож? Куда они исчезли? Почему не пришли отец с матерью? Ведь это всего пара километров от Соботишти? Или сестра? *(Звук конских копыт)* Может, пришли! Входите! *(Двери открываются, никто не входит, темно)* За мной пришла — тьма? Входите! Наездник — на белой — тощей кобыле... *(Искуситель принимает из темноты маленький детский гробик)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Наездница... Сядешь?

АННА: Нет! Смерть... *(Смех из темноты).* Так ангелы-хранители не смеются, а —

ИСКУСИТЕЛЬ: Дьявол? *(Звук конских копыт)*

АННА: Мне должны были принести ребеночка, мальчика или девочку, мое второе дитя, которое должно родиться? Где они?

ИСКУСИТЕЛЬ: За порогом. Выбирай: ты или ребенок?

АННА: Что за свинское предложение?! *(Судороги. Крик боли)* Позови какую-нибудь женщину. *(Проходит вокруг женщины)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Когда будет совсем плохо, выпей вот это! *(Кладет ей в рот деревянный мундштук, чтобы она не стонала).* Или бокал болиголова. Или — ! *(На подносе пистолет. Анна стонет и рождает)*

ГУРБАН: *(Стоит на коленях в темноте, с ружьем в руках)* Мы не прекратим трудиться над воскрешением всех слоев населения, над обновлением семейной жизни, над созданием идеальных характеров, без страха и политики, как прика-

зывает нам Иисус Христос, который есть единственное наше спасение, то есть Спаситель народа. *(Стреляет. Анна достает томик писем Гурбана, с болезненным выражением лица читает)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Письма!

АННА: О, где ты, мой ангел, чтобы я обнял тебя — чтобы я сжал тебя в своих горячих объятиях — чтобы я прижался своей душой к твоим сладкозвучным устам!

(Гурбан, стоя в углу, слушает. Текст, который читает Анна, кажется ему знакомым). Помнишь, как мы проводили время. Когда встречались после долгой разлуки, какие праздники были в нашем доме! *(Раздается канонада. Группа людей хватается Гурбана, связывает его, набрасывает ему на шею петлю и тащит его, чтобы повесить. Темно. Анна кричит от ужаса и от родовых схваток)*

АННА: Йозеф! Его повесили?!

ИСКУСИТЕЛЬ: Ну да! У кошки семь жизней, а у Гурбана — сто! *(Крик Анны. Затем раздается плач ребенка).*

ХОЗЯЙСТВО

АННА: Никаких покупателей?

ГУРБАН: Это наша третья ярмарка и — ничего!

АННА: Я хотела бы купить пододеяльник для перинки сына. Рубашечку для дочери. Ты ничего не выручил?

ГУРБАН: Ничего. Эту скотину не так-то просто продать. Наверное, погоним домой всех пятерых? И при этом цены упали.

ИСКУСИТЕЛЬ: Почем эти волю?

ГУРБАН: Ценник у них на рогах. Покупайте, договоримся.

ИСКУСИТЕЛЬ: Не знаю... Такие времена. Мы голодаем.

ГУРБАН: Возьмите корову. Дает пятнадцать литров.

ИСКУСИТЕЛЬ: Подожду до мая. Нет сена. Да и цены, наверняка, упадут.

ГУРБАН: Еще ниже? Вы хотите ее задаром?! Через неделю свадьба у свояченицы, а я в рванье. Думал продать скотину и купить себе что-нибудь новое из одежды...

(Анна сидит за швейной машинкой)

АННА: Отремонтирую тебе на машинке старый костюм.

ГУРБАН: Ну и дохозяйничались мы после этой революции...

АННА: «Сейчас, после революции, времена изменились. Действует закон: кто ухватил, тот и имеет. А кто имеет, тот и заслужил. А кто заслужил — тот и имеет заслуги». Ты так это говорил?

ГУРБАН: Сегодня лучше иметь десять граммов счастья, чем килограмм ума. *(Смеются, потом обнимаются)*

ДЕТИ

АННА: *(Искуситель выходит из темноты, подает Анне детский гробик)* Дочь Святослава. Почему?! *(Плачет)*

ГУРБАН: *(Крестится. Принимает гробик. Краткая проповедь)* Хозяин жизни и смерти решил призвать из этой никчемной земной сиюминутности в благословенную вечность мою доченьку в возрасте четырех лет и шести месяцев. Да будет Христом искуплен ребенок во славе святых. Пожелайте ей вместе со мной это благословение.

ИСКУСИТЕЛЬ: *(Следующий гробик)* Сын Кирилл Мефодий.

АННА: Трехмесячный.

ИСКУСИТЕЛЬ: Похоронить рядом со Святославой...

ГУРБАН: Почему?!

АННА: Сын Мефодий Ян, самый младший сынок, прекрасная душа покинула его.

ГУРБАН: Давай похороним братика возле сестрички Словенки.

ИСКУСИТЕЛЬ: *(Большой гроб)* Дочь Желмира.

АННА: Двадцать семь лет.

ГУРБАН: Почему?

АННА (*Кричит*) У могилы голодный рот, она заглатывает гробы. И этот, с Желмирой. Девочкой она ластилась ко мне.

ГУРБАН: Читала мне письма, когда я сидел в кресле и курил трубку. Мое отцовское сердце ранено до боли.

АННА: Она умерла в горячке. Десять дней спустя после того, как родила мертвого ребенка.

ГУРБАН: Кто делает так, чтобы моя голова стала водой, а мои глаза — источником слез, чтобы я днем и ночью мог оплакивать ее?!

ИСКУСИТЕЛЬ: (*Следующий гроб*) Дочь Людмила.

АННА: Двадцать семь лет...

ГУРБАН: Ну почему, Боже, Иисус Христос...?

ИСКУСИТЕЛЬ: (*Приносит письмо*) Анна Юрковичова-Гурбанова, Йозеф Милослав —

АННА: (*Вырывает у него из рук письмо, читает*) Наша дочь Людмила совершила самоубийство. (*Падает на землю. Гурбан поднимает ее...*) Муж замучил ее, не надо было ей выходить за него замуж. Я чувствовала это с самого начала...

ГУРБАН: Давайте похороним ее в тишине. В Вене... (*Как только он поднимет жену, начинает звучать музыка, все танцуют, Гурбан с новой силой кричит*) Кто любит жизнь, пусть выдерживает удары. В болях мы приходим в этот мир, с болью живем! Мы не одни, моя дорогая!

АННА: Из девяти детей выжило лишь пять. Светозар, Божена, Владимир, Константин, Богуслав.

ШТУР: (*Бродит по опустевшему залу*) С тяжелым сердцем я прощался с Поспишиловой, с Остролицкой и с другими женщинами, которые мечтали обо мне. Хотя они и нравились мне. Но ведь мы давали клятву, что сделаем все, для того чтобы Словакия существовала, мы не можем делать вид, что это можно сделать тят-ляп, наряду с семейными заботами... Но и так мне чего-то не хватает... Очень... Адела...где ты...?

ШТУР ПРОТИВ КОШУТА (3)

ИСКУСИТЕЛЬ: Лайош Кошут, по-английски Луис, по-словацки Людовит, на разговорном языке Лайош Кошут. Юрист, политик, журналист, во время революции 1848–1849 годов государственный деятель, регент — президент мадьярского королевства. Представьтесь!

КОШУТ: Родился — 19.9.1802, в Моноко, Земплинский край. Отец — Ласло, низшая протестантская шляхта, юрист. Мать — Каролина Вебер, родом из Прешова, отчасти немецкого происхождения. Я — самый старший из детей — братья Симон и Георгий, сестра Яна.

ИСКУСИТЕЛЬ: Отчасти словацкое происхождение?

КОШУТ: Семья Кошут, начиная с XIII века, проживала в крае Турец.

ШТУР: В Турце около Мартина, север Словакии.

КОШУТ: Felvidék! Венгрия!

ШТУР: Словацкое происхождение...

КОШУТ: Моя семья принадлежит к мадьярской шляхте Венгерского королевства.

Я — этнический мадьяр. В Мадьярском королевстве нет никакого словацкого народа. Я родился как мадьяр — и как мадьяр воспитан!

ШТУР: Твой дядя, помещик Юрай Кошут живет в Турце, он — известный словацкий патриот. Враг мадьяризации. Он подписал документ в пользу словацкого языка, в защиту «Словенских народных новин». Он распространял словацкую речь.

КОШУТ: Ренегат! Отступник! (*Переходит за рампу. Краткий монолог*) Это — дурной сон! Это — нонсенс! Я, недавно еще президент венгерской страны, оказался за пределами любимой мною родины! Я — эмигрант! Я — за границей! Я — в Турции! В той самой османской империи, которую наша венгерская армия столетиями гнала силой, чтобы ислам не погубил Европу! Эмиграция! Сначала — королевство или президентство, а теперь — эмиграция! Часами, бессонными ночами я с надеждой ждал, что европейская дипломатия опомнится и признает самостоятельность Венгрии. Венгерское государство! Или же вмешается в борьбу против русской армии, которая заняла Венгрию! Но старая, закостеневшая Европа, молчала...

ИСКУСИТЕЛЬ: Людовит Велислав Штур. Организатор Национального движения словаков, журналист, философ, историк, лингвист, писатель, поэт, редактор, педагог. Представьтесь!

ШТУР: Родился 28.10.1815 в Угровце. Отец — Самуэль, мать — Анна, урожденная Михалцова. Братья — Карол, Самуэль, Ян, сестра Каролина. Учился: гимназия в Рабе, лицей в Братиславе, университет в Галле, деятельность в Обществе чешско-словацком. *(Штур выходит за рампу, в одиночестве. Краткий монолог)*

ШТУР: Где мои два оставшихся брата — Гурбан и Годжа? Революция окончена! Эгоистичные мадьяры украли революцию, отказавшись договориться о свободе для других народов Венгрии.

КОШУТ: Наконец, мы согласились с правами меньшинств, а вы...

ШТУР: Это случилось тогда, когда русская кавалерия напилась воды из словацких и венгерских рек. Поздно!

КОШУТ: Русские варвары силой задушили нашу революцию! А нет ли в этом и твоей вины?!

ШТУР: Моей?! А хоть бы и да. Кто поможет более слабому, малому против спесивости большего мадьяра? Более сильный славянин.

КОШУТ: Мы бы одолели русских, если бы генерал Гёргей, которого я назначил главнокомандующим, не сдал добровольно власть над страной. Я плачу, когда вспоминаю Вилагош, то, как мои brave солдаты покорно сдали оружие!

ШТУР: Вас осталась всего лишь горсточка. А русских почти триста тысяч. К тому же у вас было полтора патрона на каждого солдата. Гёргей сделал только то, что он вынужден был сделать. Сдался.

КОШУТ: Нет! С января по август сорок девятого, после Вилагоша, мы выигрывали несколько довольно значительных боев с австрийцами, мы контролировали всю территорию Венгрии.

ШТУР: Вы осмелились пойти и на Вену, но при Швехате вы потерпели поражение и после этого уже не оправились.

КОШУТ: Если бы нам пришли на помощь силы, которые в Венгрии хвастались революционными лозунгами...

ШТУР: Сербы...?

КОШУТ: К примеру.

ШТУР: Которым вы столько раз устраивали бойню, когда подняли голову. А хорваты?

КОШУТ: Блестящие бойцы.

ШТУР: Вы бы их отутюжили, если бы у вас были силы. Ведь они претендовали на свой родной язык, у них были — как ты того требуешь — «исторические и интеллектуальные элиты», однако вы не признали их права. А румыны, словаки, русины.

КОШУТ: Славяне — одна банда, которая заодно с русскими.

ШТУР: А что еще остается униженным? Самый сильный брат...

КОШУТ: В Венгрии мы — решающая сила!

ШТУР: Я не знаю на свете государства, где бы государствообразующий народ был бы хоть и самым многочисленным, но по отношению к остальным народам составлял бы меньшинство.

КОШУТ: Нас, мадьяр, 4,8 миллионов.

ШТУР: Румын — 2,2 миллиона, словаков — 1,7 миллиона, немцев — 1,3 миллиона, сербов — 1,2 миллиона, хорватов — 900 тысяч, русинов — 450 тысяч, евреев — 250 тысяч...

КОШУТ: Это всего лишь механическая статистика...

ШТУР: Причем этот народ Венгрии, который составляет большинство, отличается от меньшинств и в плане языка, и в плане культуры.

КОШУТ: Девятьсот лет назад мы в кровавом бою завоевывали свою родину. Испытали немало бурь. Каждая пядь земли пропитана кровью. Наш народ все преодолел. Не погиб, не захирел. Мы по праву этим гордимся. За родину мы готовы отдать жизнь! Если бы мы не были мадьярами, мы все равно хотели бы ими быть! К чему все эти высокие слова? Ведь за нас говорит наша история.

ШТУР: История говорит о том, что мы без проблем жили здесь вместе 800 лет, вместе разговаривали на латыни и понимали друг друга!

КОШУТ: Кто, собственно, победил в этой гражданской войне?

ШТУР: Не я.

КОШУТ: И не я.

ШТУР: Мы оба потерпели поражение.

ШТУР: Так какой все это имело смысл?

(Гаснет свет)

ОТЗВУКИ (ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ В МОДРЕ)

ШТУР: К черту Модру! Меня не заковали в оковы, и я могу свободно передвигаться по городу. Муки надежд! Ожидание! Кого? Народ... Возможно он придет, позовет меня, чтобы я опять возглавил революцию! Ну, так где же вы? Где все те, которые утверждали, что без меня они ничего не смогут?! Я — экс-революционер. Такова политическая смерть... Что остается? Чтение. Ежедневное сочинительство. Марципан утешения интеллектуала, который думал, что способен изменить историю, чтобы, отстраненный, никем не выслушанный, он бросился писать, придумывал слова, которые позовут. Уже нет участников — одни трусливо попрятались в норы, другие, деморализованные властью, не доверяют собственным глазам. Все невозможное стало после революции реальным! Так опозорили наше дело! Так выставили его на посмешище Европы! Так выбросили нас на политическую свалку, и мы в ней задыхаемся!

ИСКУСИТЕЛЬ: Спрашиваю тебя как шеф полиции: Ваши отношения с бывшими революционерами?!

ШТУР: Никаких.

ИСКУСИТЕЛЬ: Вы лояльны к нынешнему правительству?

ШТУР: А это разве не видно по мне? Мне надо зайти в Прешпороке в библиотеку.

ИСКУСИТЕЛЬ: Покидать город Вам запрещено.

ШТУР: Я хотел бы прочитать лекцию жителям Модры.

ИСКУСИТЕЛЬ: Запрещено! Пиши словацкие поваренные книжки, разговаривай сам с собой, а к политике — не прикасайся!

ШТУР: Я могу жениться? Наплодить детей? Напиться пива? Учить детей верить в светлое завтра?

ИСКУСИТЕЛЬ: Все могло закончиться гораздо хуже! Ведь сторонниками Кошута был уже выдан ордер на арест! Ты был на волосок от смерти...

ШТУР:

Желтеют листья...
и леса редуют —
холодный ветер воет.
С ним и мы.
В полях дожинки звуками дотлеют.
С вершин всё чаще тянутся дымы.
Приказ печален —
человек уйдет когда-то...
Отчизна, болью расставания горим...
Но прежде чем придет прощанья дата,
с тобою, колыбель моя, еще поговорим... *(выстрел)*

ИСКУСИТЕЛЬ: *(Кричит, обращаясь в зрительный зал)* Доктор Майер! Прошу вас, будьте милосердны, скорее в Модру! Ваш друг и пациент Людовит Штур подстрелен на охоте. Он лежит дома, у него жар! Зовет только вас! Он бы пришел и сам, но после революции ему запрещено покидать Модру! Полиция...

ИСКУСИТЕЛЬ: Пуля проникла в его левое бедро...

ШТУР: Что нужно было, чтобы это случилось?

ИСКУСИТЕЛЬ: Один момент. Охота на зайцев... даже не на оленя...

ШТУР: Ружье висело у меня на плече. Когда я перепрыгивал через канаву, я поскользнулся и упал назад, в этот момент ружье соскользнуло с плеча. Ударилось о мерзлую землю и выстрелило.

ИСКУСИТЕЛЬ: Один момент.

ШТУР: Я хотел встать, но не мог. Когда я привстал, то увидел сожженное пальто и кровь. Я подстрелил себя сам. Правительство теперь обрадуется, когда узнает о моем несчастье! *(Надломлен.)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Ну, так помогите ему. Доктор! Кровь черная, свернувшаяся...

ШТУР: Доктор! Вы видите этих семерых сирот, что стоят возле меня? Они у меня на попечении! Вы должны мне помочь!

ИСКУСИТЕЛЬ: Это будет хорошо... *(Крестит его.)*

ШТУР: Надеюсь, что это еще не конец? Ведь Господь не позволит мне вот так, просто, погибнуть? Как ты думаешь? Почему ты не отвечаешь, Карол? Ведь здесь... мой брат Карол? Или ты, мама? Вас уже перевез Харон на другой берег Леты... *(Видение)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Юноша, я говорю тебе: Встань!

ШТУР: Всю свою жизнь я слышал зов...

АДЕЛА: Людовит — седой Людовит... *(Штур ходит вокруг по сцене.)*

ШТУР: Евреи сорок лет бродили по пустыне... выбирали ложных пророков, идолов, светских королей, вместо одного, который им с небес пообещал. Но они отвергли его... Мне сорок лет. До каких пор будет продолжаться это мое — скитание — по пустыни жизни?

АДЕЛА: Я омою твои ноги своими слезами... Они не достойны смыть пыль с твоих ног. Единственный, справедливый! Ты!

ШТУР: Я самонадеянно все придумал...

АДЕЛА: Ты думал о счастье других!

ИСКУСИТЕЛЬ: *(На лодке Харона)* Одним помогал, других спасал — помоги себе!

АДЕЛА: Сжался над ним! Дай ему еще время!

ИСКУСИТЕЛЬ: Омой ему ногу! Может, и заживет!

ШТУР: Ведь мое дело благословлял Бог? Это он помог мне высечь огонь из скалы.

ИСКУСИТЕЛЬ: Жезл.

ШТУР: Я дам Вам источник познания, словаки! *(Ударяет жезлом о скалу)* Боже мой, Боже мой! Почему ты меня покинул...? Почему меня все покинули?!

ИСКУСИТЕЛЬ: Я с тобой, твой слуга, твой благодетель. Твой день еще настает... *(Обнимает его, Штур высвобождается из его объятий.)*

ШТУР: Который час? Революция закончилась? После первого похода последует второй. А затем — и третий. Революцию надо завершить.

ИСКУСИТЕЛЬ: На чьей стороне? На стороне революции? Или контрреволюции? Против Пешта? Против Вены? С Пештом против Вены? С Веной против Пешта? Словацкая революция против революции мадьяр? Австрийская контрреволюция вместе со словацкой революцией против венгерской революции?

ШТУР: В каком походе польская часть перестала сражаться на нашей стороне и перешла на сторону мадьяр? Наша революция для них стала «менее революционной» чем мадьярская?

АДЕЛА: Доктор! Помогите ему, ему предстоит осуществить еще несколько дел!

ИСКУСИТЕЛЬ: Уже осуществляет. У него высокая температура.

ШТУР: У Европы высокая температура. Но она еще молода! Вылечится! И ее здоровье — это наша надежда. Да здравствует революция!

ИСКУСИТЕЛЬ: *(Подражает Баху.)* Тише! Я обещал порядок императору. Полиция! Виселицы! Шпики вылечат любую революцию.

ШТУР: Это ты увлек австрийские толпы лозунгами «Братство! Свобода! Равенство»? Ты ускори падение Меттерниха и стал надеждой революции в Австрии? И надеждой мадьяр? Хорват? Сербов, словаков — всех, кто проживали в империи?! Ты, Александр Бах?

ИСКУСИТЕЛЬ: *(Подражает Баху.)* Великие народы не имеют права даже во времена кризиса забыть о своей программе, которая вела Европу к миру и процветанию. Такова была и Австрия.

ШТУР: Ее грязная политика.

ИСКУСИТЕЛЬ: Как связана политика с гигиеной?

ШТУР: Словаки, мадьяры, хорваты, сербы и румыны ходили в Вену просить милостыни у императора.

ИСКУСИТЕЛЬ: Удачная манипуляция способна творить чудеса. Поддакивать словакам и немного поддаться мадьярам. Извлекать выгоду из их противостояния и способствовать процветанию австрийской монархии!

ШТУР: Предательство революции! Победили старые пердуны! Старики духа. Террор. Запугал людей! Равенство, свобода, братство подменили абсолютной властью твердой руки! Неуверенность! Доносительство, вымогательство! Вы — стая волков! Диких псов!

ИСКУСИТЕЛЬ: Не мы. Люди... Магьяры предавали в своих газетах словаков, словаки — магьяр. Чехов очень точно описали в своих книгах немцы. Поляков — русские, сербов, хорватов — турки...

ШТУР: Я должен это написать. Вы опозорили святую европейскую революцию молодых. Вы изнасиловали ее ради своих целей как самую обыкновенную потаскуху! И установили деспотический режим, который уже почти рухнул!

ИСКУСИТЕЛЬ: Мы выиграли. Наступила долгожданная послереволюционная апатия. Идеальная ситуация после революции, которая не во всем удалась. Равнодушие, бесчувственность, отупение граждан. Идеальная ситуация для восстановления системы.

ШТУР: Реакционной.

ИСКУСИТЕЛЬ: Хорошо работающего, надежного сообщества людей, которые действительно хотят стабильности. Мира. Спокойствия. Жизни...

ШТУР: Желających с вами сотрудничать немного!

ИСКУСИТЕЛЬ: Страшно много! Человек после войны, человек после революции — это чудо! Хороший полицейский сделает с ним все, что захочет. Ты хочешь знать, что о тебе говорили твои самые близкие?

ШТУР: Я обо всем этом напишу! *(Вскакивает.)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Уже не напишешь.

ШТУР: Я уже не увижу больше свою Словакию? Пролететь бы над страной... Я хотел бы еще раз заплакать над ее несчастьем.

ИСКУСИТЕЛЬ: Пойдем, со мной это можно сделать. Я дам тебе то, что твоя усталая душа пожелает. Я поведу тебя к цели...

ШТУР: Где мы?

ИСКУСИТЕЛЬ: Стена плача. Горько плачь!

ШТУР: О, недостойный народ! Почему ты забыл обо мне? Почему ты так недостойно вспоминаешь мое имя, хотя я хотел дать тебе все? Кто переворачивает

меня на вертеле, словно св. Вавринца? Кто смазывает моим жиром рот, шарниры, дверные петли?! Это ты, о, недостойный народ, не заступился за меня, когда Александр Мах утверждал, что в XIX веке я был Гитлером словаков! Разве я поджарил хотя бы одного магьяра? Разве я аннексировал хотя бы один сантиметр чужой территории?! Кто припугнул Маркса, когда тот раструбил на всю Европу, оскандалил словаков, что, мол, они растоптали прекрасные идеи революции молодой Европы и встали на сторону контрреволюции? Я хотел воскресить эту Европу. Вот что я хотел!

ИСКУСИТЕЛЬ: Я никакой не Маркс.

АДЕЛА: Ты так легко всегда танцевал...

ШТУР: Это кадрили?

АДЕЛА: Менуэт.

ШТУР: У меня ноги тяжелые. Они теряют чувствительность.

АДЕЛА: Потрогай мою кожу. Коснись моего лица, шеи, груди... Иди, сделай шаг. Отлично. Вот видишь, получается.

ШТУР: Все кончено. Пустые углы в Модре кричат.

АДЕЛА: Ты помнишь? Наш последний бал... *(Танцевальный мотив)*

ШТУР: В пустых комнатах рождалась мысль: Верни мне, Боже, дай мне любовь, ту, которой я пренебрег.

АДЕЛА: Людовит! Хромающий герой... Седой Людовит...

ШТУР: Любовь — она и в самом деле не умирает? Нет?

АДЕЛА: Она — дар небес, ниспосланный тебе...

ШТУР: Я гожусь как супруг? Как отец наших детей?

АДЕЛА: Простимся — ненадолго.

ШТУР: Адела, где ты?

ИСКУСИТЕЛЬ: Наконец-то, вы пришли в себя. *(С миской и тампоном, словно врач). Это будет хорошо... (Протирает ему кость на ноге.)*

ШТУР: Ужасный запах! Скользкое и зеленое! (*Кричит от боли.*) Страшно жжет. Нет ли чего-нибудь другого для раны?

ИСКУСИТЕЛЬ: С незапамятных времен у нас рану промывали конской мочой. .. Рана заживает... затягивается... выглядит неплохо...

ШТУР: Принесите саблю. Вы не поняли?! Саблю! Вероятно, со мной все кончено? Подай мне Библию.

ИСКУСИТЕЛЬ: Может, ему это поможет. В могилу и трубку.

ШТУР: Покайтесь, словаки, за ваше предательство! Господь дал мне язык, чтобы я говорил! Три дня я провел в животе кита под названием Вена и трижды по триста дней в Модре. Но я не изменил себе, не отказался от нее, как Йонаш... Заборский, который после революции уехал в Вену и вместе с Колларом издавал там «Словенские новости». Не на нашем сладкозвучном словацком языке, а на словакизированной чешском, иначе говоря, на языке, который называется «кошкособака». И Коллар закончил как конформист! Профессор венского университета. Калинчак отдал предпочтение жирной кастрюле, он всегда был слишком осторожен! Вы забыли присягу? Крещение? Покайтесь, словаки! (*Приходит в себя*) Кто вы?

ИСКУСИТЕЛЬ: Доктор Майер.

ШТУР: Как я вижу, доктор, эта раненая нога, с простреленным коленом, немного сократилась...она короче....

ИСКУСИТЕЛЬ: Рана заживает, закрывается...

ШТУР: Она короче! Я что, буду хромать?! Что, я должен буду вот так показываться на людях, хромым? Исключено! Попробуйте ее потянуть...

ИСКУСИТЕЛЬ: Этого нельзя делать!

ШТУР: Вы знаете, как все мои недруги будут радоваться, когда увидят меня калекой! Потяните мне ногу! Чего вы боитесь. Под мою ответственность. Я вам приказываю! Пожалуйста... Не так осторожно...

ИСКУСИТЕЛЬ: Этого нельзя делать...

ШТУР: Я вам приказываю! (*Искуситель потянул ногу, потекла кровь*) Плохи мои дела...вероятно, я умираю...

ИСКУСИТЕЛЬ: Сегодня ночью.

ШТУР: Я умираю? Исчезаю. Это еще не конец! Дух сильнее тела. Дух победит нашу телесность. До этого здесь ничего не было. Ни народа. Ни языка. Ни

территории. Ни государства. Ни культуры. Не было: Словакии, словацкого, словацкости.

ИСКУСИТЕЛЬ: А что же осталось? Где твои словаки? Умираешь одиноким в Модре...

Австрийцы разрешат три словацких гимназии, разрешат Матицу словацкую, все успокоится. А потом — проиграют войну с Пруссией, потом урегулируют австрийско-венгерскую проблему. И тогда наступит действительно жесткая мадьяризация. Но ты уже этого не увидишь. Зачем все это было нужно!?

ШТУР: Это должно было произойти, это должно было осуществиться, для того чтобы удостовериться в том, что это наверняка не получится, чтобы стало ясно, что такая попытка уже была здесь, и чтобы можно было на что-то опираться. (*Перекошенный падает на колени*) Я чувствую, что проваливаюсь.

ИСКУСИТЕЛЬ: Слушайте Пророка!

(*Штур читает фрагмент из своего трактата «Славянство и мир будущего»*)

XXVII. СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО

ШТУР: (*Истекает кровью*) Братья, славянские народы должны созреть для государственности. До революции я мечтал о самостоятельном союзе славянских государств в рамках одной Австрийской империи, о так называемом австрославизме. Однако после революции, когда я увидел, что обещания, данные нам в ходе революции, никто не выполняет, следовательно, что невозможно создание Славянской Австрии, я вижу и призываю!

ИСКУСИТЕЛЬ: Слушайте Пророка!

ШТУР: Распад австрийской монархии и освобождение славян неизбежны. Это освобождение может осуществиться только под руководством русского самодержавия и его православия. Один русский язык для всех нас. Азбука — как язык, одна православная религия. Человеческое самолюбие не позволит, чтобы наши племена добровольно решились на этот великий шаг объединения. При данных обстоятельствах, когда мы еще находимся под чужим правлением, это невозможно осуществить. На этот великий шаг во имя блага славян можно будет решиться только под воздействием важных политических событий. (*Лежит в луже крови*)

КОНЕЦ

Перевод Аллы Машковой

ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА ЛЮДОВИТУ ШТУРУ И ЕГО СОРАТНИКАМ

Памятник Людовиту Штуру (1815–1856) и его соратникам был торжественно открыт в 1972 году на площади Штура, которая в разные времена называлась по-разному (Королевский холм, Коронационная площадь, площадь Рузвельта и др.), в самом центре Старого Города, рядом с набережной.

Автор памятника — архитектор Тибор Бартфай. Скульптурная группа изображает помимо самого Штура нескольких его соратников. Памятник имеет высоту 12,5 метров, выполнен из бронзы и гранита.

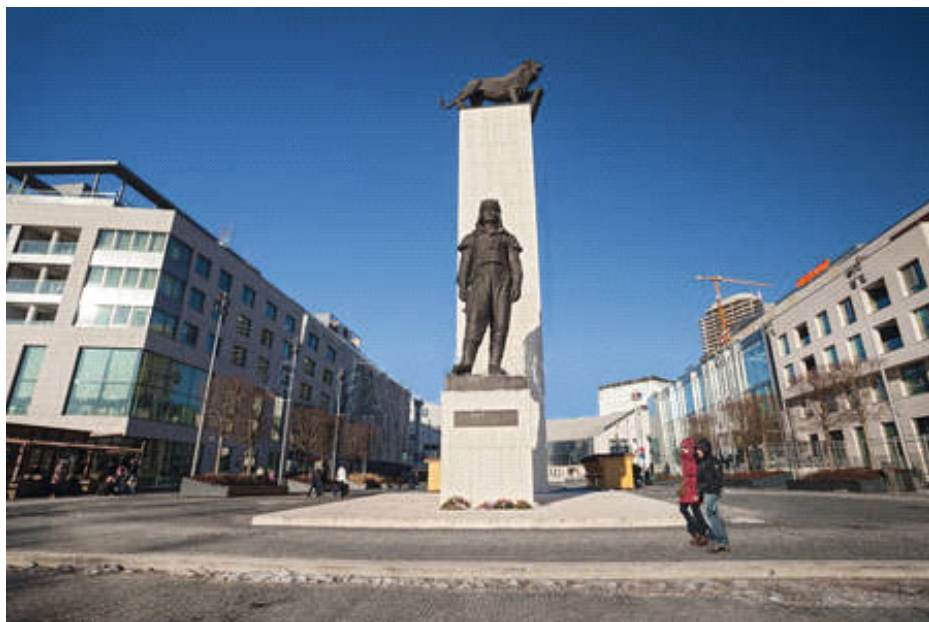
Когда-то эта площадь была излюбленным местом словацких рыбаков. А неподалеку от него располагалась городское укрепление с Рыбарской браной. После поражения венгерских войск в битве при Могаче (1526 г.) и оккупации южной части Венгрии Братислава (тогда Прешпорк) стала местом коронации королей (1563–1830).

В 1892 г. венгерский парламент принял решение о строительстве здесь памятника королеве Марии Терезии по проекту прешпоркского архитектора Яна Фадруша. В 1896 г. этот памятник был установлен. Фигуру Марии Терезии дополняли два венгерских магната и надпись *Vitam et sanguinem* (Жизнь и кровь за нашу королеву). После образования Чехословацкой Республики (1918 г.) памятник был разрушен (1921 г.). В 2012 году на этом месте появилась копия памятника, которая простояла всего несколько недель.

В 1938 году на этом месте появилась скульптура Милана Растислава Штефаника, автором которого был чешский скульптор Богумил Кафка. По слухам, Гитлер отозвался о памятнике словами «Die Katze muss gehen!» (

Этот кот должен исчезнуть). Ликвидирован памятник был лишь в 1954 году. В настоящее время памятник Штефанику установлен перед торгово-развлекательным центром «Евровеа»

Памятник Милану Растиславу Штефанику в Братиславе

Ежегодно, начиная с 2003 года, в Братиславе проходят мероприятия, которые воспроизводят исторические события 1563–1830 годов, когда в братиславском Соборе святого Мартина было короновано 10 венгерских королей, 1 королева и 7 королевских жён. Это одно из наиболее важных культурных мероприятий, проводимых в Центральной Европе, которое считается одним из основных событий Братис-

лавского культурного лета. Торжества проходят в конце июня в память о коронации Марии Терезии, прошедшей в Братиславе 26 июня 1741 года. В торжествах ежегодно принимает участие более 200 актёров. К коронационным торжествам относят также и другие сопутствующие мероприятия, такие как Братиславская ярмарка, поиск королевских сокровищ и посвящение в рыцари Ордена золотой шпоры.

СЛОВАЦКО-РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Гедвига Кубишова

О СЛОВАЦКИХ И РУССКИХ ПЬЕСАХ НА ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СЛОВАКИИ

Для всех любителей театра Словакии большим событием является посещение **Словацкого камерного театра в г. Мартин**¹, который возник в 1944 году и стал вторым профессиональным театром Словакии. О его истории известно, что возник он по инициативе заместителя председателя Общества словацких любительских театров Яна Мартака, редактора журнала «Наше дивadlo» Ивана Турзо, председателя Матицы Словацкой Йозефа Цигера-Гронского, секретаря литературного отдела Словацкого Радио Габриэла Рапоша и актера и режиссера Андрея Багара. В отличие от Словацкого национального театра в Братиславе, мартинский театр не был организован указом сверху, а возник естественным путем силами словацких актеров-лю-

бителей, воспринявших внутренний импульс города.

Первая премьера театра состоялась 22 января 1944 года при весьма драматических обстоятельствах. Режиссер Андрей Багар представил драму бельгийского поэта и драматурга Эмиля Верхарна «Филипп II», проникнутую духом антитоталитаризма. Этой постановкой Словацкий камерный театр ясно давал понять, на чьей он стороне. В свое время, в 1933 году, пьесу Э. Верхарна показывала гастролировавшая в Братиславе труппа берлинского Дойчес Театра, бежавшая от гитлеровского преследования. Постановка нового мартинского театра была сразу же запрещена, и этот факт поставил под угрозу дальнейшее его существование. В результате этих событий он утратил

¹ <http://www.divadlomartin.sk/divadlo>

финансовую поддержку государства и в последующие годы выживал только благодаря дотациям от Матицы Словацкой, типографии «Неография» и т. п. За свою историю театр в Мартине несколько раз менял свое название: в 1950 году он был переименован в Театр Словацкого Национального Восстания (*Divadlo Slovenského národného povstania*), в 1951 году — в Театр Армии (*Armádne divadlo*), в 1960 году — снова в Театр Словацкого Национального Восстания, а с 2003 года носит свое нынешнее название — Словацкий камерный театр.

Современный репертуар мартинского театра весьма привлекателен. Некоторые пьесы прямо ориентированы на словацкую литературную жизнь. Среди них — постановка пьесы «www.narodnycintorin.sk» в пяти частях, которая присутствует в репертуаре театра с 2012 года. Главные персонажи — выдающиеся личности словацкой истории, покоящиеся на Национальном кладбище Мартина: Янко Францисци, Янко Краль, Карол Кузмани, Елена Шолтесова.

Отправной точкой для пьесы Пете́ра Павлаца «Семь дней до похорон» стал одноименный роман Яна Рознера, вышедший в 2009 году и ставший в Словакии «Книгой года». Ян Рознер — публицист и переводчик, супруг известной словацкой переводчицы Зоры Есенской, без смущения открывает нам самые сокровенные уголки своей души. В своей книге он рассказывает о том, как пережил семь дней между уходом из жизни и похоронами своей жены, которую коммунистический режим буквально вычеркнул из словацкой литературы.

Премьера театральной постановки «Семь дней до похорон» состоялась 25 мая 2012 года, режиссером ее выступил Любомир Вайдичка. Главные роли исполнили Яна Ольгова, Даниэл Герибан, Ян Кожух, Луция Яшкова. Очень красноречиво звучит со сцены объявление, изданное в свое время районным советом в Мартине и адресованное директорам учебных заведений, о том, что «участие в похоронах Зоры Есенской (28 декабря 1972 года) идет вразрез с линией партии и общественными интересами». Сценическая адаптация книги «Семь дней до похорон», нарушившая спокойствие исторической памяти, была представлена на фестивале «Театральная Нитра» и в 2012 году стала лауреатом престижной награды «Dosky».

Большой успех имела и премьера, состоявшаяся в этом театре 22 января 2016 года театральной адаптации пяти рассказов Мило Урбана «Выкрики без отклика» в постановке Марека Тяпака.

Значительное внимание Словацкий камерный театр в Мартине уделяет постановкам пьес русских авторов. Так, художественный руководитель и режиссер Лукаш Брутовский поставил несколько произведений русской классики. Вначале это была пьеса А. Островского «Лес» в переводе Яна Ференчика, впервые представленная публике на сцене Словацкого камерного театра в Мартине 11 апреля 2014 года. Главной движущей силой всего происходящего в усадьбе «очень богатой помещицы» Раисы Павловны Гурмыжской (в исполнении великолепной Яны Ольговой) становятся не благородные намерения и любовь, а деньги, поло-

жение в обществе и чувственные развлечения. Мировую известность этой пьесе в свое время принесла московская постановка Всеволода Мейерхольда, которая выдержала более тысячи представлений. А что же получилось у мартинцев? Вот что пишет словацкая газета «Правда» о постановке: «Дирижирование и пение “будто кто-то свистит” — один из основных мотивов постановки. Нотные пюпитры присутствуют на сцене постоянно, и персонажи часто ищут в них опору, чтобы знать, какую ноту сейчас им спеть или сыграть. Так они напоминают нам о том, что в «Лесе» всё — театр. Постановка Л. Брутовского — это один из тех качественно сделанных спектаклей, которые заслуживают всяческого внимания»¹.

Сильное впечатление производит и спектакль «Мещане» по пьесе М. Горького в переводе Яна Штрассера, где актерская игра нескольких протагонистов передает вневременной характер произведения. В мартинской интерпретации герои пьесы не кажутся черно-белыми. В исполнении опытного Яна Кожуха невозможно однозначно оценить горьковского героя консервативного Бессеменова, старшину малярного цеха, бестактное поведение которого оказывается определенным образом обосновано. Он разочарован в своих детях, которым образование не принесло никакой пользы. Его сын Петр, бывший студент, выгнанный за участие в недозволенных студенческих собраниях, не окончил обучение и пустился на поиски легких заработков; незамуж-

няя дочь Таня (в исполнении Луции Яшковой), страдающая от отсутствия любви, не находит утешения в работе школьной учительницей, которая становится для нее лишь убежищем от тяжелой домашней атмосферы. Еще одна непривлекательная сторона личности Бессеменова — его грубое обращение с близкими и всеми остальными. Еще один герой пьесы певчий Тетерев (в исполнении музыкально одаренного актера Марека Гейшберга) критически настроен по отношению ко всем вокруг, полный нигилист и вечный изгнанник, он топчет свою горе неразделенной любви в алкоголе. Персонажи живут в замкнутом кругу мещанских предрассудков своего времени — рубежа XIX–XX веков. Несмотря на присутствие нескольких забавных сцен, в целом пьеса производит трагическое впечатление, отражая глубокие противоречия семейных отношений и всего общества.

Следующей постановкой режиссера Л. Брутовского на мартинской сцене стала комедия Н.В. Гоголя «Игроки» (словацкий перевод Л. Вайдички). В спектакле вообще отсутствуют положительные персонажи, так нет героев, наделенных высокими моральными качествами. Вместо этого — лишь непомерные амбиции. Пьеса дает простор для самореализации молодых актеров. Действие происходит в обществе картежных игроков, где всем руководит принцип: «Прожить с тонкостью, с искусством, обмануть всех и не быть обманутым самому — вот настоящая задача и цель!».

¹ <http://kultura.pravda.sk/divadlo/clanok/315009-recenzia-a-co-ak-je-to-len-divadlo/>

Значительным событием в жизни театра стала постановка пьесы «У войны не женское лицо», написанной по мотивам книги лауреата Нобелевской премии по литературе за 2015 год белорусской писательницы Светланы Алексиевич. Это произведение впервые было напечатано еще в Советском Союзе, в 1980-е годы. Оно представляет собой аутентичные исповеди женщин, прошедших Вторую мировую войну и рассказывающих о своей тяжелой женской судьбе. Эту театральную постановку осуществил приглашенный режиссер Мариан Пецко, являющийся художественным руководителем и режиссером «Театра на распутье» в г. Банска Быстрица.

Большой популярностью в Словакии пользуется и **Театр Йозефа Грегора-Тайовского в Зволене**, который был основан 28 августа 1949 года, в пятую годовщину Словацкого национального восстания, и первоначально носил название Среднесловацкий театр. Его первой премьерой стала постановка пьесы М. Горького «Макар Чудра». Среди сегодняшнего репертуара особого внимания заслуживает поэтично-драматическая композиция театрального педагога, актера и режиссера Юрая Сарваша «Орел Татранский»¹. Ранее, в 2003 году, в этом же театре он уже ставил пьесу на похожую тему — «Депутат зволенский». Пьеса «Орел Татранский» была написана Ю. Сарвашем специально для Театра Йозефа Грегора-Тайовского по случаю 200-летнего юбилея Лю-

довита Штура. Одной из отправных точек сюжета пьесы стал тот факт, что Штур был избран депутатом Венгерского сейма от города Зволен и на заседаниях сейма всячески боролся за национальные права и признание словацкого языка. Сценическое действие дополняют оригинальные цитаты из литературы штуровских времен, а также стихи Штура, представленные в виде зонгов.

Событием в театральной жизни стал спектакль «Курица» по пьесе Николая Коляды² в переводе Яны Юранёвой, которая была включена в репертуары многих театров Центральной Словакии. Пьесу «Курица» ставили многие российские театры, уже были ее постановки в Польше, Чехии, Венгрии. У этой пьесы, написанной Н. Колядой в 1989 году, интересная сценическая судьба. Премьера постановки зволенского театра состоялась 8 апреля 2016 года. Действие пьесы происходит в провинциальном театре, где неожиданно сталкиваются любовь и ненависть. Спектакль отличается оригинальный язык, а вся ткань пьесы пронизывает типичный русский смех сквозь слезы. Особенно привлекательна эта постановка для любителей сатирических комедий.

Сравнительно молодым театром Центральной Словакии является **Городской театр в г. Жилина**, который был открыт в 1992 году. К его художественным достижениям можно отнести постановки трех произведений Ф. М. Достоевского, осуществленных

по инициативе его художественного руководителя Эдуарда Кудлача. Так, в спектакле «Идиот» (премьера состоялась 11 и 12 марта 2011 года) в режиссуре Э. Кудлача по-новому прочитано одно из самых ярких произведений мировой классической литературы. В постановке сделан акцент на эмоциональном хаосе в межлических и — особенно — в любовных отношениях. Своего рода открытием в данной постановке стал комический взгляд на сюжет Достоевского. Очень сильное впечатление производит постановка в этом театре другого выдающегося произведения русского писателя — «Преступление и наказание» (премьера 08.03.2013 г.) Сам Достоевский назвал свой роман «психологическим отчетом одного преступления»¹. Режиссер Э. Кудлач так рассказал о замысле своего спектакля: «В то время, когда со смертью обращаются как с маркетинговым продуктом, когда она стала привлекательным коммерческим ходом для привлечения аудитории к различным средствам массовой информации, интересно проанализировать то, что творится в душе человека. Иначе говоря, проанализировать не сам криминальный случай, а внутренний импульс, причину и склад мыслей, приведших к этому преступлению». Раскольников вынужден, в конце концов, сознаться в содеянном, поскольку ощущение изоляции, оторванности от общества, которое охватывает его после совершения преступления, буквально убивает его. «Я сам тысячу раз в жизни уходил от людей, но вся-

кий раз возвращался. Человек всегда возвращается к людям». Помимо названных спектаклей, на жилинской сцене также была осуществлена сценическая адаптация романа Достоевского «Бесы» в двух частях (премьера 19.06.2015).

Не обошел своим вниманием Городской театр в Жилине и творчество М. Горького: 31.10.2015 года там состоялась премьера спектакля «Фальшивая монета». В Словакии эта пьеса русского классика не слишком известна и по своей сути относится, скорее, к авторским камерным произведениям. Для жилинской постановки был осуществлен новый перевод произведения, автором которого выступил сам режиссер спектакля Л. Вайдичка. «“Фальшивая монета” — это шаг писателя к созданию нового типа драмы, который так и не развился по понятным причинам. Горький стал отцом социалистического реализма, вероятно, против своей воли»², — рассказал Л. Вайдичка на пресс-конференции в Жилине.

Большим авторитетом в театральной жизни Словакии пользуется и **Государственный оперный театр в Банской Быстрице**, основанный в 1959 году и первоначально носивший название Опера Театра Йозефа Грегора-Тайовского. Создание этого театра было задумано как гастролирующая музыкально-сценическая труппа для всего центрально-словацкого региона. Но уже с самого начала своего существования театр стал ориентироваться на оперный жанр. В театральном сезо-

¹ Русский перевод пьесы Ю. Сарваша «Орел Татранский» см. в: «Девин», №1/2015. С. 26–54.

² Николай Коляда — российский актёр, прозаик, драматург, сценарист, театральный режиссёр, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат международной премии им. К.С. Станиславского.

¹ Письмо М.Н. Каткову от 10 (22) — 15 (27) сентября 1865.

² nasazilina.sme.sk/c/8053028/falosna-minca-bude-prvou-premierou.html#ixzz4YTENnRih

не 2016/2017 он представляет две словацкие оперы. Первая из них — одна из самых популярных словацких опер «Водоворот» по новелле «За верхней мельницей» классика словацкой литературы Мило Урбана. Автором либретто стал композитор Эуген Сухонь совместно с тенором Штефаном Гозой. Это история любви и ненависти, обращающаяся, как и в «Преступлении и наказании» Достоевского, драмой совести. Балладный сюжет строится на мотиве вины за убийство соперника. Спустя почти 60 лет труппа Государственной оперы вновь вернулась к первоначальной версии «Водоворота», которую когда-то, в 1949 году, представил Национальный театр в Братиславе. Сюжет предваряет дискуссия Поэта и его Двойника об очищающей силе искусства. Это вечная тема, идущая с античных времен, позднее развитая в произведениях Шиллера, Достоевского и вновь ожившая в авангарде. Поэт, ведомый верой в идеалы добра и справедливости, спорит с Двойником, который стоит на нигилистической позиции: не преступление и наказание, а грех и прощение. Премьера этого спектакля состоялась в Банской Быстрице 18.10.2008 года, а последнее представление было показано 16.02.2017.

Следующей словацкой оперой в репертуаре этого театра является «Юро Яношик» композитора Яна Циккера, которая выдержала уже три постановки на банско-быстрицкой сцене — в 1968, 1984 и 2016 годах. Над этой оперой Ян Циккер начал работать в ноябре 1950 года. Общая концеп-

ция произведения была готова через полтора года, а его премьера на сцене Национального театра в Братиславе состоялась 10 ноября 1954 года. В несколько переработанном виде опера предстала перед зрителями весной 1956 года. Сегодня опера «Юро Яношик» занимает важное место в музыкальной истории Словакии. В Банской Быстрице ею дирижирует Мариан Вах, главную роль исполняет Михал Гирошш.

Как известно, одной из самых популярных опер П.И. Чайковского во всем мире является «Евгений Онегин». Либретто оперы по пушкинскому роману в стихах написал Константин Шиловский, попытавшийся вложить в текст оперы как можно больше пушкинских строк. Впервые опера была показана в московском Малом театре в 1879 году, а на сцене банско-быстрицкого театра в настоящее время она представлена уже в пятой своей вариации. Типичную русскую атмосферу здесь попытались воссоздать команда русских постановщиков — режиссер Анна Осипенко, художник Сергей Новиков и хореограф Михаил Чайкасов. Как отмечала словацкая пресса, «Государственная опера вновь доказала, что возможно сделать постановку с совершенно молодыми исполнителями»¹.

С русским историческим контекстом связана и классическая оперетта Франца Легара «Царевич». Действие оперетты разворачивается в XVIII веке, а главным героем является сын Петра Первого царевич Алексей. Мировая премьера оперетты Ф. Легара состоя-

лась 21 февраля 1927 года, а в репертуаре оперного театра Банкой Быстрицы она была представлена с декабря 2012 до апреля 2015 года.

Названными пьесами интерес Государственного оперного театра в Банской Быстрице к русской классике не исчерпывается: еще две премьеры опер русских композиторов готовятся к маю 2017 года. В первой части представле-

ния будет показана опера Сергея Рахманинова «Алеко» по поэме А.С. Пушкина «Цыганы», во второй — опера П.И. Чайковского «Иоланта», причем исполняться произведения будут на русском языке. Русская классика всегда охотно включается в репертуары словацких театров и неизменно привлекает зрителей глубокими размышлениями о человеческой душе.

Перевод Анны Песковой

¹ <http://kultura.pravda.sk/divadlo/clanok/274931-recenzia-cajkovskeho-vaecsmi-dramaticke-sceny/>

Валерий Купка

ПЕРЕВОДЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СЛОВАКИИ С 2000 ГОДА

- Г. Н. Айги: Песня для нас двоих. Перевод: Валерий Купка, Ивана Купкова. Кошице: Издательство Тимофей, 2000.
- А. Белый: Петербург. Перевод: Ева Малити-Франёва. Братислава: Геви, 2001; Петрус, 2003.
- А. П. Чехов: О любви. Братислава: Икар, 2001.
- А. А. Ахматова: Белая стая. Перевод: Ян Замбор. Братислава: Пезольт, 2002.
- А. С. Пушкин: Евгений Онегин. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Петрус, 2002.
- С. Д. Довлатов: Чья-то смерть. Перевод: Валерий Купка, Ивана Купкова. Братислава: ПТ (с 2014 — Маренчин ПТ). 2002.
- В. С. Соловьев: Смысл любви. Перевод: Ян Коморовский. Братислава: Каллиграм, 2002.
- Н. А. Бердяев: Царство Духа и Царство Кесаря. Перевод: Ян Коморовский. Братислава: Каллиграм, 2003.
- А. Л. Гольдштейн: Расставание с Нарциссом. Перевод: Валерий Купка, Ивана Купкова. Братислава: Каллиграм, 2003.
- Н. С. Гумилёв: Огненный столп. Перевод: Ян Квапил. Братислава: Студня, 2003.
- И. Ильф и Е. Петров: Рассказы. Перевод: Валерий Купка. Братислава: Издательство Европа, 2003.
- Вен. Ерофеев: Москва — Петушки. Перевод: Ярослав Марушьяк. Братислава: Словарт, 2003.
- Л. Н. Толстой: Повести о страсти. Перевод: Ружена Дворжакова-Жьяранова. Братислава: Словарт, 2003.
- Л. Н. Толстой: Сказки и басни. Перевод: Марианна Придавкова-Минарикова. Братислава: Бувик, 2003.
- Н. А. Бердяев: Истоки и смысл русского коммунизма. Перевод: Ян Коморовский. Братислава: Каллиграм, 2004.
- И. Денежкина: Дай мне! Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Словарт, 2004.
- Д. И. Хармс: Машкин убил Кошкина. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Издательство ПТ (с 2014 — Маренчин ПТ), 2004.
- И. Ильф: Дневники. Перевод: Ивана Купкова. Братислава: Издательство Европа, 2004.
- П. В. Крусанов: Укус ангела. Перевод: Ивана Купкова. Братислава: Словарт, 2004.
- Л. Н. Толстой: Повести о русской душе. Перевод: Ружена Дворжакова-Жьяранова. Братислава: Словарт, 2004.
- И. Э. Бабель: Как это делалось в Одессе. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Словарт, 2005.
- Ю. В. Буйда: Прусская невеста. Перевод: Йозеф Марушьяк. Братислава: Каллиграм, 2005.
- Д. И. Хармс: Цирк Шардам. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Издательство ПТ (с 2014 — Маренчин ПТ), 2005.
- Вик. Ерофеев: Хороший Сталин. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Каллиграм, 2005.
- Вик. В. Ерофеев: Русские Цветы зла. Перевод: Я. Андричик, Я. Бенковичова, И. Бранска, О. Ковачичова, М. Куса, В. Купка, И. Купкова, Я. Штрассер, И. Валова. Братислава: Белимекс, 2005.
- С. А. Есенин. Хулиган. Перевод: Любомир Фелдек. Братислава: Словарт, 2005.
- А. В. Мень: Русская религиозная философия. Перевод: Ян Коморовский. Братислава: Каллиграм, 2005.
- В. О. Пелевин: Шлем ужаса. Перевод: Ивана Купкова. Братислава: Словарт, 2005.
- А. Т. Аверченко: Юмор для дураков. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Издательство ПТ (с 2014 — Маренчин ПТ), 2006.
- Н. А. Бердяев: Дух и реальность. Перевод: Ян Коморовский. Братислава: Каллиграм, 2006.
- Ф. М. Достоевский: Униженные и оскорбленные. Перевод: Ружена Дубравова. Братислава: Икар, 2006.
- Ю. Петров: Мой друг Ильф. Перевод: Ивана Купкова. Братислава: Издательство Европа, 2006.
- В. О. Пелевин: Relics. Раннее и неизданное. Перевод: Милош Ферко. Братислава: Общество словацких писателей, 2006.
- В. Т. Шаламов: Колымские рассказы. Перевод: Анна Главачова. Братислава: Икар, 2006.
- Л. Е. Улицкая: Весёлые похороны. Перевод: Ева Пиоварчиова. Братислава: Словарт, 2006.
- А. П. Чехов: Записки, Три года. Перевод: Валерий Купка, Ивана Купкова. Братислава: Издательство Европа, 2007.
- А. П. Чехов: Каштанка. Перевод: Беата Панакова. Братислава: Q 111, 2007.
- Ю. Р. Поляков: Козлёнок в молоке. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Словарт, 2007.
- Л. Е. Улицкая: Медя и её дети. Перевод: Катарина Стрелкова. Братислава: Каллиграм, 2007.
- Г. Н. Айги: Отмеченная зима. Перевод: Ян Замбор, Мирослав Валек, Валерий Купка, Ивана Купкова. Иванка при Дунае: Ф. Р. и Г., 2008.
- В. П. Аксёнов: Москва-ква-ква. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Издательство ПТ (с 2014 — Маренчин ПТ), 2008.

- А. П. Чехов: В сумерках. Перевод: Ивана Купкова. Братислава: Издательство Европа, 2008.
- Ф. М. Достоевский: Дневник писателя. Перевод: Валерий Купка, Ивана Купкова. Братислава: Издательство Европа, 2008.
- М. Л. Москвина: Моя собака любит джаз. Перевод: коллектив авторов. Иванка при Дунае: Ф. Р. и Г., 2008.
- Русская драма (М. А. Курочкин, Ю. М. Клавдиев, В. В. Сигарев, О. Мухина, И. А. Вырыпаев). Перевод: Ева Малити-Франёва, Романа Малити. Братислава: Театральный институт, 2008.
- В. Г. Сорокин: День опричника. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Каллиграм, 2008.
- В. Г. Сорокин: Лёд. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Каллиграм, 2008.
- В. Н. Войнович: Москва 2042. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Словарт, 2008.
- В. Г. Сорокин: Сердца четырёх. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Каллиграм, 2009.
- Л. И. Шестов: Власть ключей. Перевод: Ян Коморовский. Братислава: Каллиграм, 2009.
- Л. Е. Улицкая: Даниэль Штайн, переводчик. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Словарт, 2009.
- Д. А. Глуховский: Метро 2033. Перевод: Зузана Недбалова. Братислава: Икар, 2010.
- Ю. Р. Поляков: Грибной царь. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Издательство РТ Издательство ПТ (с 2014 — Маренчин ПТ), 2010.
- Вик. В. Ерофеев: Энциклопедия русской души. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Артфорум, 2011.
- А. А. Кабаков: Последний герой. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Каллиграм, 2011.
- Русский модернизм. Редактор: Валерий Купка; Перевод: Юрай Андричик, Ян Бузаши, Ивана Купкова, Ян Квапил, Ян Штрассер, Ян Замбор. Братислава: Словарт, 2011.
- Л. С. Петрушевская: В доме кто-то есть. Перевод: Валерий Купка, Ивана Купкова. Братислава: Артфорум, 2011.
- Э. Я. Володарский: Дневник самоубийцы. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Словарт, 2011.

Переиздания:

- М. А. Булгаков: Дьяволиада. Перевод: Магда Такачова. Братислава: Издательство Европа, 2002.
- М. А. Булгаков: Мастер и Маргарита. Перевод: Магда Такачова. Братислава: Словарт, 2002.
- Н. В. Гоголь: Записки сумасшедшего. Братислава: Икар, 2002.

- И. Ильф и Е. Петров: Золотой телёнок. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Издательство Европа, 2002.
- М. М. Зощенко: Карусель. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Издательство Европа, 2002.
- Л. Н. Толстой: Война и мир I, II. Перевод: Ружена Дворжакова-Жьяранова. Братислава: Словарт, 2002.
- Л. Н. Толстой: Анна Каренина I, II. Перевод: Ружена Дворжакова-Жьяранова. Братислава: Словарт, 2002; Петит Пресс, 2005.
- Л. Н. Толстой: Крейцерова соната. Перевод: Ружена Дворжакова-Жьяранова. Братислава: Словацкий писатель, 2003.
- Б. Л. Пастернак: Доктор Живаго. Перевод: Вера Гегерова, Ян Штрассер. Братислава: Икар, 2003.
- Л. Н. Андреев: Ночной разговор. Перевод: Вера Микулашова-Шкридлова. Братислава: Общество словацких писателей, 2004.
- Л. Н. Толстой: Воскресение. Перевод: Соня Чехова. Братислава: Икар, 2004.
- Ф. М. Достоевский: Игрок. Вечный муж. Братислава: Икар, 2004.
- В. Я. Брюсов: Последние страницы из дневника женщины. Перевод: Иван Изакович. Братислава: Икар, 2005.
- М. А. Булгаков: Мастер и Маргарита. Перевод: Магда Такачова. Братислава: Петит Пресс, 2005.
- Ф. М. Достоевский: Преступление и наказание. Перевод: Вера Гегерова. Братислава: Петит Пресс, 2005; Икар, 2007.
- И. С. Тургенев: Рудин. Перевод: Ружена Дворжакова-Жьяранова. Братислава: Общество словацких писателей, 2005.
- Л. Н. Андреев: Баллада о семи повешенных. Перевод: Вера Микулашова-Шкридлова. Братислава: Икар, 2006.
- А. П. Чехов: Дама с собакой и другие рассказы. Перевод: Н. Дюринова, И. Изакович, И. Слимак, М. Такачова и другие. Братислава: Икар, 2006.
- А. П. Чехов: Рассказы. Перевод: Зора Есенска, Магда Такачова, Дана Легутова. Братислава: Петит Пресс, 2006.
- Н. В. Гоголь: Мёртвые души. Перевод: Дана Легутова. Братислава: Петит Пресс, 2006.
- Л. Н. Андреев: Баллада о семи повешенных. Перевод: Вера Микулашова-Шкридлова. Братислава: Икар, 2006.
- В. Я. Брюсов: Алтарь Победы. Перевод: Иван Изакович. Братислава: Икар, 2007.
- К. П. Прутков: В свободные минуты. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Издательство Европа, 2007.
- И. Ильф и Е. Петров: 12 стульев. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Европа Паблишинг, 2006, 2010.
- Ф. М. Достоевский: Двойник. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Европа Паблишинг, 2006, 2009.
- Ф. М. Достоевский: Братья Карамазовы. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Издательство Европа, 2009.

- А. С. Пушкин: Пиковая дама и Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Издательство Европа, 2009.
- И. С. Тургенев: Отцы и дети. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Издательство Европа, 2009.
- А. Г. Достоевская: Воспоминания. Перевод: Мария Гулманова. Братислава: Издательство Европа, 2009.
- А. И. Куприн: Впотьмах: Перевод: Вера Микулашова-Шкридлова. Братислава: Общество словацких писателей, 2009.
- А. П. Чехов: Дядя Ваня. Перевод: Иван Изакович. Братислава: СноуМаус, 2010.
- А. П. Чехов: Вишнёвый сад. Перевод: Иван Изакович. Братислава: СноуМаус, 2010.
- А. П. Чехов: Иванов. Перевод: Иван Изакович. Братислава: СноуМаус, 2010.
- А. С. Пушкин: История села Горюхина. Перевод: Ян Ференчик. Братислава: Издательство Европа, 2010.
- А. С. Пушкин: Евгений Онегин. Перевод: Янко Есенский. Братислава: СноуМаус, 2010.
- Е. И. Замятин: Мы. Перевод: Надя Шабова. Братислава: Издательство Европа, 2010.
- М. А. Булгаков: Жизнь господина де Мольера. Перевод: Иван Изакович. Братислава: СноуМаус, 2011.
- М. А. Булгаков: Пушкин. Перевод: Иван Изакович. Братислава: СноуМаус, 2011.
- В. Я. Брюсов: Моцарт. Перевод: Иван Изакович. Братислава: СноуМаус, 2011.
- В. Я. Брюсов: Под старым мостом. Перевод: Иван Изакович. Братислава: СноуМаус, 2011.
- И. Крылов: Свинья под дубом и другие басни. Перевод: Ян Штрассер. Братислава: Словарт, 2011.
- И. С. Тургенев: Месяц в деревне. Перевод: Карол Подолинский. Братислава: СноуМаус, 2011.

Перевод Анастасии Быриной

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ

Дагмар Подмакова

ТЕАТР КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Словацкий театр живет полной жизнью!

Не потому, что за последние 25 лет он не пришел в упадок и не потому, что не закрылся ни один театр, финансируемый государством или непосредственно Министерством культуры, муниципальными или краевыми органами. А потому, что современный словацкий театр на самом деле богат и разнообразен.

В Словакии существует косвенный диалог между так называемыми официальными традиционными театрами и многими уже заявившими о себе театральными труппами. Наряду с ними возникают и другие различные объединения молодых актеров и преданных театру творческих деятелей других профессий. Использование новых медиа (Интернет, веб-коммуникационные системы, например Facebook, бесплатная база данных фильмов и видеозаписей на YouTube) стирает географические границы и дает поль-

зователям возможность совместного переживания.

Мир меняется, но театр продолжает существовать. Часто он имеет новое лицо, новые формы, новые подходы к содержанию спектакля, к тексту. Уже не важно, хорошо ли слышно актера, хорошее ли у него произношение, имеет ли он недостатки речи. От современного театра не ожидают катарсиса в духе Аристотеля, то есть очищения, возникающего под влиянием драматического переживания, эффект которого толкает к размышлению и дополнительной душевной работе. Предпочтение отдается скорее эвристическому подходу к восприятию произведения, часто основанному на собственном опыте, оценке. Критики и теоретики также отказываются от анализа отдельных составляющих театрального представления. Их скорее интересует общее звучание театральной постановки или перформанса.

Театральные афиши очень разнообразны. От мировой и отечественной классики и до авторских проектов. При этом отдельные произведения не повторяются. Театры (мы имеем в виду все виды театральных групп различных правовых форм) готовят репертуар целенаправленно для своего зрителя, нередко конкретно для той области, где они находятся (например, социальные театры). И потому драма как литературный жанр в современном понимании (опубликованное драматургическое произведение, написанное пьес для возможной постановки и др.) постепенно исчезает. Авторы сегодня, как правило, пишут пьесы на заказ для конкретного театра. Театры с ними договариваются и о теме пьесы (например, историческая, современная), или тексты являются результатом совместной (лабораторной) работы коллектива. И режиссер более или менее заранее известен. Поэтому эти пьесы (тексты) уже в себе содержат закодированный потенциал коллектива театра, поэтику будущих создателей. Например, если Драматическая труппа Словацкого национального театра — СНТ (Slovenské národné divadlo) закажет текст для большой сцены, то автор может рассчитывать на большее число персонажей и частое изменение места действия. И менее вместительные залы

новых театральных зданий предоставляют большие технические возможности трансформирования, чем некоторые только для театра приспособленные помещения. Хотя эти пространства, с одной стороны, ограничивают не только авторов текстов, но и постановщиков, они в то же время имеют иные преимущества, например единой поэтики или более тесного контакта между актером (интерпретатором) и зрителем. Вспомним, в частности, театр «ГУнаГУ» («GUnaGU») с неповторимым авторским и актерским вкладом Вилиама Климачека (драматурга и режиссера — *прим. пер.*). Или театральный ситком www.narodnycintorin.sk, который возник в театре Мартина — города, где на Национальном кладбище захоронены выдающиеся представители словацкого народа. Общей чертой многих молодых авторов является юмористический, местами даже переходящий в гротеск взгляд на наше прошлое и настоящее, каким бы суровым оно ни было. В театре такого типа все чаще теряются классические отношения между автором, инсценировщиком и режиссером. Автор сегодня часто является и драматургом (особенно при инсценировках), а иногда и режиссером. Эта тенденция в более крупных театрах проявляется особенно при инсценировании литературных произведений.

Значительные отечественные произведения

Более классическую форму построения с ясной сюжетной линией имеют скорее инсценировки больших романов. Вначале это было стремление познакомить с известными произведениями литературы в новой форме. На-

пример, с произведениями С. Гурбан-Ваянского, М. Кукучина, Б. Сланчиковой Тимравы, Ф. Швантнера и других. Во второй декаде нового тысячелетия интерес с точки зрения инсценировки особенно вызвали две театральные

постановки Драматической труппы СНТ.

Режиссер Роман Полак по прошествии ряда лет возвратился к роману Франтишка Швантнера «Невеста гор» и для Братиславы подготовил новую постановку (2015 г.). В то время как в необычайно успешной мартинской инсценировке 1986 года в сценическом изображении этого выдающегося произведения словацкого «натуризма» преобладали образность и лиричность, теперь режиссер решил более драматично изобразить мир героев Швантнера. Он ввел новых персонажей, расширил сюжетные линии, чем значительно увеличил текст. На сцене, полной стихий воды, огня, даже грозы и ветра, драматично напряженные обрывы чередуются с более однообразны-

ми. Постановка разделила зрительское сообщество. Одни ее принимают, другие отвергают, указывая на излишне медленное действие, местами даже монотонность. В основном, однако, за ее продолжительность.

Уже становится традицией, что на большой сцене СНТ спектакли длятся более трех часов. Такой была и инсценировка «Бал» (2014 г.), названная так по одному из рассказов Тимравы. Постановщик Даниэл Майлинг в рамках этого рассказа изображает и случай, происходящий во время деревенского бала в старом доме культуры. В тексте он использовал мотивы, персонажей и сюжетные линии из многих рассказов Тимравы. Поэтому Майлинг, наряду с Б. Сланчиковой-Тимравой, приводится как соавтор с указанием «по

«Невеста горных лугов»

Франтишек Швантнер, Роман Полак: «Невеста горных лугов». СНТ, режиссер Роман Полак, премьера 2015 г. На фото в центре Петра Вайдова (Зуна). Фото: Мартин Гейшберг. Архив СНТ.

мотивам». Постановщик-соавтор вместе с режиссером Михалом Вайдичкой перенесли действие в 50-е годы, и за счет современного языка и поведения действующих лиц сделали его значительно более грубым. Они представили жестокую картину как бы намеренно неопределенного социального слоя, который во многом косвенно соответствует современности. Так исчезли данные Тимравой характеристики действующих лиц, поддержанные их внутренними монологами. А там, где у отдельных персонажей среди гостей на деревенском балу они остались, их трагедия превращается в юмор. Зритель смеется над многими сценами (например, связанными с алкоголем, или временами даже жестокими сценами

между супругами), и только позже понимает трагичность ситуации, сопровождающую поведение людей из подобной среды. Самыми сильными являются массовые сцены замечательных сценических образов. Интересно нарисованы судьбы женских персонажей, особенно с учетом мимики, жестов, прежде всего того, как отдельные части костюма были использованы для придания окончательного вида действующему лицу. Таким образом, театральная постановка сочинений Тимравы не копирует литературные произведения данного автора. Им были более близки другие успешные инсценировки ее работ — «Великое счастье» (СНТ, 2003 г.) и «Все для народа» (Театр Андрея Багара, Нитра, 2008 г.).

«Бал»

Божена Сланчикова-Тимрава, Даниэл Майлинг: «Бал». СНТ, режиссер Михал Вайдичка, премьера 2014 г. На фото Таня Паухофова (Милина), Любош Костелный (Михал).
Фото: Коллавино. Архив СНТ.

Итак, СНТ в рамках так называемого словацкого и славянского сезона 2014/2015 г. представил гротескную зеркальную картинку безобразного общества, в котором чередуются забавные и грубоватые ситуации и сцены. Ее неотъемлемой частью является множество вульгаризмов, которые в последние годы уже становятся характерной чертой театральной жизни. Иногда это, однако, бывает излишним. Колорит улицы не обязательно всегда переносить на сцену, хотя именно в спектакле «Бал» через речь персонажей передается характер общества.

Второй успешной постановкой этого сезона является камерная пьеса Вилиама Климачека «Моймир II, или Закат империи» (2015 г., СНТ). Режиссер Растислав Баллек на мини-малистической сцене, около которой полукругом сидят зрители, изобразил

конфликт двух различных концепций национального бытия. Растислав, как мистик, на которого оказали влияние Кирилл и Мефодий, идеалистически верит в силу искренней духовной веры, которая способна найти и удержать национальную идентичность. Святоплук отрицает высокие идеалы, ведет себя как правитель-прагматик и политик новейшего периода. Как выразился Климачек, «это повествование — сновидение о гибели Великой Моравии, которое происходит в первые три минуты после смерти Святоплуга, пока его мозг имеет еще достаточно кислорода и функционирует». Баллек представил на сцене сновидение о встрече восточного и западного миров, используя параллельные действия актеров, двоянные метафоры мизансцен, слова, музыку и великолепное актерское исполнение.

Мировая классика по-словацки

Драматическая труппа СНТ осуществляет постановки произведений мировой литературы. Их лейтмотивом является возвращение сюжетов романов на театральную сцену. Роман Полак только недавно с успехом инсценировал роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (2009 г.) и роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (2013 г.; обе постановки были осуществлены совместно с Д. Майлингом). Четырехчасовой спектакль «Анна Каренина», в художественном контрасте черного и белого цвета, привел на сцену живых действующих лиц, которые постановщикам не пришлось актуализировать, поскольку они и так были современны в своих действиях и, особенно,

в образе мыслей. Спектакль по роману «Братья Карамазовы», в котором также преобладает черный цвет с несколькими мазками в виде цветных костюмов и великолепно тонко структурированной большой разноцветной тахтой, был продолжительнее еще на полчаса. Постановщики представили широко разветвленную картину зла и размышления о его способности существовать постоянно. А младшему поколению зрителей открыли, по крайней мере, одну сюжетную линию произведения Достоевского. Полак подготовил и спектакль по роману Т. Манна «Будденброки» (2014 г., инсценировка Джона фон Дюффеля), который заинтересовал своей темой и актерскими

работами, подобно спектаклям «Анна Каренина» и «Братья Карамазовы».

Инсценировки произведений мировой литературы привлекают зрителей и более молодых авторов. И в постановках по роману Ш. Бронте «Джейн Эйр» (2014 г., инсценировка и режиссура Мариана Амслера) или по роману Г. Флобера «Госпожа Бовари» (2013 г., инсценировка Ивы Клестиловой, режиссер Эдуард Кудлач) они могут сравнивать свои читательские представления с театральной версией. Самой удачной в этом сопоставлении была сценическая постановка адаптации культового фильма И. Бергмана «Фанни и Александр» (2016 г., адаптация и режиссура Мариана Амслера). Амслер исходил не только из сценария фильма, но и из его более длинной телевизионной версии и из произведения в прозе, созданного Бергманом на основе сценария. Он противопоставил друг другу два мира: открытый мир свободы, идеалов, страсти в жизни театральной семьи Экдала и аскетически строгий мир семьи евангелического епископа. Уже Бергман следил за конфликтом двух жизненных принципов глазами детей (Фанни и Александра). Амслер усилил восприятие окружающего мира детьми путем использования принципа *live cinema*, то есть прямой киносъемки происходящего на сцене и его демонстрации на двух экранах. Так он подчеркнул проблему влияния семьи на ребенка, на его формирование, а также тему домашнего физического и психологического насилия. Постановка получила несколько театральных премий и, несмотря на продолжительность (более трех с половиной часов), принадлежит к числу наиболее интересных современных те-

атральных образов большого и малого мира общества, переданных с помощью объектива открытой кинокамеры.

Влияние документального театра

Вхождение новых медийных средств в театр мы наблюдаем и в других театральных инсценировках, ориентированных на повествование о прошлом. Проекты документального театра различаются в основном формой раскрытия темы (вербатим, или документальный театр, исторические источники, мемуары, современные источники и др.). Целью является не только раскрытие прошлого с помощью (не)высказанных вопросов, но и их сопоставление с современными событиями общественной жизни (например, события из жизни отдельного лица на фоне его взглядов и поступков и их влияние на общество, как в двух постановках «Театра Арена» в Братиславе — «Тисо» (2005 г.) и «Д-р Густав Гусак — заключенный президентов, президент заключенных» (2006 г.).

Многие из них задают вопросы с философским подтекстом о личной вине индивидуума в противопоставлении с коллективной виной общества. Такими были и постановки, осуществленные к 70-летию начала депортации словацких евреев в концентрационные лагеря (1942 год). Словакии как сателлиту нацистской Германии довольно долго удавалось откладывать эти депортации, которые затем начались с согласия словацкого правительства (в то время президентом был Йозеф Тисо, которого после войны судили и казнили). Были постановки и о тех, кто помог другим людям выжить, и о тех, кто использовал и «аризировал» имущество, конфискованное у евреев (вспомним оscarоносный чехословацкий

фильм «Магазин на площади» с Йозефом Кронером в главной роли и польской актрисой Идой Каминской, 1965 г.). Частью драматургической линии «*Endloesung*» («Окончательное решение» — «Холокост») сезона 2012/2013 г. в СНТ были такие постановки, как пьеса «Раввинша» («*Rabinka*») Анны Грусковой, созданная по книге Катарины Градской «Гизи Флейшманнова. Возвращение нежелательно» (2012 г., СНТ), или «Холокост» Вилиама Климачека с подзаголовком «История, о которой Словакия лучше бы забыла. Вызванная воспоминаниями Хильды Грабовецкой и других, возвратившихся из пекла» (2012 г., «Театр Арена»). Или постановка пьесы современной австрийской писательницы, лауреата

Нобелевской премии по литературе Эльфриды Елинек «Рехниц — Ангел смерти» (2013 г.), или пьесы Дж. Табори «Матушкин кураж» (2012 г.; обе постановки СНТ).

Ряд словацких произведений в прозе посвящены послевоенному периоду. Политическим преследованиям, наряду с простыми людьми, подверглись и сами коммунисты, как это случилось и позднее, через 20 лет, из-за несогласия со вступлением в Чехословакию войск пяти стран Варшавского договора (1968 г.). На сцене Словацкого камерного театра в Мартине были поставлены два подобных произведения. Автор пьесы Петер Павлац инсценировал сначала воспоминания Яна Рознера, супруга переводчицы Зоры Есенской,

«Тогда в Братиславе»

Жо Лангерова: «Тогда в Братиславе». Автор инсценировки Петер Павлац. Словацкий камерный театр в Мартине, режиссер Патрик Ланчарич, премьера 2015 г. Сцена из спектакля: слева Яна Ольгова (Жо). Фото: Бранислав Конечный. Архив Словацкого камерного театра в Мартине.

которые вышли под названием «Семь дней до похорон» (2012 г., постановка Любомира Вайдички). Позднее Павлац подготовил для сцены и автобиографический роман Жо Лангеровой «Тогда в Братиславе» (2015 г., режиссер Патрик Ланчарич). Роман Лангеровой повествует о жизни супруги заключенного в тюрьму коммуниста, матери двоих детей. О сложном периоде 50-х годов пишут и говорят меньше, чем о событиях, происходивших во время войны в 40-е годы. Молодое поколение не может себе представить, насколько сложной была жизнь преследуемой матери, жены в период взаимного недоверия

между людьми, установленного и подерживаемого политической системой. Поэтому и в спектакле даже дочери не понимают всех обстоятельств, упоминаемых в рассказе матери о страданиях, которые они вместе пережили. Это их как будто бы не интересует, они сосредоточиваются скорее на эмиграции в 1968 году и жизни в Швеции. Большинство персонажей все время присутствует на сцене в качестве своего рода хора свидетелей, из массы которого выступают фигуры с негативными или добрыми известиями. Постановщики используют и аутентичный кино-материал соответствующего периода.

Многофункциональность здания Словацкого национального театра (СНТ)

Новое здание СНТ, в которое в 2007 году переехали все три художественных коллектива СНТ (оперная труппа, драматическая труппа и балетная труппа), наконец-то в последние годы все больше оживает. Постановки идут не только на трех сценах, но и в салоне, репетиционном зале и т. д. Именно в так называемом Голубом салоне проходят встречи со зрителями, различные дискуссии о театре и на общественные темы, которые снимает телевидение. Кроме поэтических вечеров и коротких театральных постановок там представляли и оригинальную словацкую пьесу Валерии Шульцовой и Романа Олекшака «Лени» (2013 г., режиссер В. Шульцова). В пьесе показана условная встреча двух действительно существовавших людей — легендарного телеведущего Джонни Карсона, ежедневные вечерние телепередачи которого в течение тридцати лет принадлежали к самым популярным ток-шоу Америки (1962–1992 гг.), и спорящей с ним в ходе такого ток-шоу Лени Рифеншталь, чьи документальные фильмы сделали ее активным пропагандистом Третьего рейха. Из их диалога, в который вступает и немецкая зрительница, настойчиво звучит главный вопрос об ответственности художника за свое произведение в конкретный период. Эта вневременная тема вызывает и другие вопросы, связанные с художественным творчеством при том или ином политическом режиме. Великолепное актерское воплощение Лени Зденой Студенковой получило высокую оценку во время гастролей во многих странах.

Современная эмоциональная игра словацких актеров заслуживает отдельной статьи — о способности всех поколений актеров сотрудничать с молодыми режиссерами в различных типах поэтики и пространства, при этом не

скатившись в стилизованное шаблонное изображение.

Художественный руководитель Драматической труппы СНТ дает все больше возможностей молодым людям. Так возник и проект «Десять заповедей» (2014 г., драматурги-постановщики Даниэл Майлинг, Мириам Кичинёва). Десять авторов молодого и среднего поколения написали и инсценировали мини-пьесы на темы десяти Божьих заповедей. Мини-истории — краткие размышления, полемика с основами и нормами современной жизни — разыгрываются одновременно в различных пространствах (коридор, зал для репетиций, грузовой лифт, склад и др.) для небольшого числа зрителей таким образом, чтобы в конце концов все видели всё. Несколько мультижанровых актерских работ по мотивам Десяти заповедей, использующих помещения вне театральной сцены, освобождают от театральности поднятые темы (например, изолированность, эвтаназия, неспособность к общению, работа в праздник и др.) и выносят их на общественное обсуждение.

Через два года после этого проекта молодые авторы вновь подготовили три мини-пьесы под общим названием

«Мораль 2000+» (в качестве драматурга-постановщика вновь выступил Даниэл Майлинг). Вопросы и ответы по моральным проблемам нового времени (согласие на использование замороженных эмбрионов после распада отношений, обеспечение долголетия при определенных ограничивающих условиях и результаты применения генов для решения некоторых вопросов, затрагивающих человеческие слабые стороны, например боль) непосредственно касаются сегодняшнего дня. Они являются надежным свидетельством того, что современный словацкий театр отражает темы сегодняшнего дня, является их зеркалом.

P.S.

В содержательных программах к спектаклям СНТ зритель имеет возможность прочитать весь текст пьес словацких авторов, а также переводы пьес иностранных драматургов. Таким образом, в наше время высоких технологий он имеет возможность собрать собственную библиотеку драматургических произведений.

Эта статья написана в рамках проекта VEGA № 2/0143/16–«100 лет Словацкого национального театра».

Перевод Евгении Майоровой

Дагмар Подмакова — научный сотрудник Института театра и кино Словацкой Академии наук. Сфера интересов — словацкий и русский театр. Автор и соавтор сборников-монографий о выдающихся словацких актерах, развитии словацкого театра. Ей принадлежат монографии: «Петер Ковачик — театральный драматург» (1998 г.), «Театр в Трнаве. Как велся поиск» (2006 г.), «Освальд Заградник и его предшественники: долгая предыстория спектакля “Соло для часов с боем”» (Москва, 2008 г.), «История театра. Театр, который не прекратил существование» (2009 г.).

Виктория Князькова

МИРОВАЯ ГЕОГРАФИЯ СЛОВАЦКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(о переводах словацких книг для детей на иностранные языки)

Начало восприятия словацкой детской литературы в разных странах в основном совпадает по времени и структуре. О полноценном зарубежном восприятии словацкой литературы для детей можно говорить с появлением первых книжных публикаций, оформленных именно для детского восприятия. Таковыми в первую очередь были переводы сказок **Павла Добшинского** (1828–1885). Первые переводы из собрания словацких сказок появились в послевоенный период в Советском Союзе: на русском (1949, 1950, 1955, 1956), белорусском (1956, 1958), украинском (1957, 1963, а также в Прешове в 1960), эстонском (1956), литовском (1955), латышском (1955), киргизском (1959), осетинском (1960), финском (Петрозаводск, 1958). Затем в 1960-е гг. последовали немецкий перевод, изданный в Ханау (на родине братьев Гримм), французский, изданный в Париже, и английский, изданный в Лондоне. Всего с начала 1950-х до конца 1990-х гг. сказки П. Добшинского появились почти на всех европейских языках; во многих странах вышло несколько изданий (например, в Болгарии: 1956, 1958, 1982; во Франции: 1967, 1977, 1980; в Голландии: 1972, 1974, 1975; в ФРГ: 1966, 1975, 1976, 1978; в Польше: 1984, 1986; в Югославии на словенском:

1954, 1956, 1957, 1967, 1976, на хорватском: 1967 и др.). В настоящее время словацкие сказки Павла Добшинского, переведенные в общей сложности на двенадцать языков, — это самые известные в мире словацкие произведения для детей.

Новые издания словацких сказок в обработке современных словацких детских писателей с новыми иллюстрациями, новые переводы на иностранные языки появляются и в настоящее время. Среди последних можно отметить новый английский перевод, опубликованный в Трнаве в 2004 г. В данном случае речь идет о совместной работе нескольких специалистов: словацкой переводчицы Яны Барбиратовой-Юдиниовой, американского словака, преподавателя английского языка в Словакии Франсиса Ксавера Лютера и американской исследовательницы Джин Шофранко-Олекси, имеющей словацкие корни. Словацкая переводчица и редактор Я. Барбиратова-Юдиниова свою задачу видела в том, чтобы наиболее полно отразить оригинал, работа корректоров в свою очередь имела тенденцию американизировать сказки и приблизить их к пониманию англоязычного ребенка. В конце концов была найдена золотая середина, результатом которой стала прекрасная книга, ее привлека-

тельность особенно подчеркивают иллюстрации Давида Урсини.

В восприятии американцев трудности перевода были в первую очередь связаны со словацкими реалиями, а также словацкими именами собственными. Так, например, американцам показалось неприемлемым, что два брата могут жить в одном дворе, т. е. две семьи и два хозяйства на одном участке (сказка «*Ženský vtíp*»).

Kedysi, ale nebodaj i to už dost dávno, boli dvaja dvorania: jeden chudobný a druhý bohatý. Chudobný nemal iba jedno prasiatko; aj tomu nebolo čo podhadzovať, keď na celom bydle ako na dlani. Bohatý mal zo desať tých ošipáných a často im podhadzoval jačmeňa, aj na válovci vždy mali čo lokať. Že to bolo na jednom dvore, prasiatko aj tri razy dňa dobehlo medzi čriedu bohatého dvorana a uchytilo si jačmeňa, nalokalo sa aj na válovci.

В английском переводе сказки под названием «The Power of a Woman's Reasoning» братьев расселили по разным дворам, находящимся рядом друг с другом:

Once, it had to be a very long time ago, two men lived near each other in the village. One was a poor man and the other was rich. The poor man's dwelling was as bare as a human palm and his only possession was a small pig. Being so poor, he had no fodder to feed it. The rich man had ten pigs and he often fed them with barley. His pigs always had something in their trough. Because the two men lived so near each other, the poor man's pig ran to the rich farmer's herd many times a day and always caught some barley or guzzled something from the trough.

Трудность возникла, например, и при передаче словацкого женского имени *Hanka*, вызывающим ассоциации с бранным словом *hunky*, которым в Пенсильвании в начале XX в. именовали чернорабочих, выходцев из Словакии и Венгрии. В переводе сказок имя героини опустили и именовали ее просто *girl*, что можно считать адекватным решением, поскольку даже в словацких редакциях сказок Павла Добшинского присутствуют различного рода изменения, имен собственных в том числе. Книга продается как в Словакии, так и в США, а в ее оформлении присутствует посвящение: «Эта книга создана в память наших словацких предков и посвящена их потомкам и всем детям Земли».

Продолжательницей литературной традиции П. Добшинского в XX в. стала детская писательница **Мария Дюричкова** (1919–2004). Исходной точкой ее творчества стал фольклор, которым она занималась в различных аспектах: как собиратель, как редактор и составитель сборников народной словесности и как автор собственных сказок с фольклорной основой. Обширное творческое наследие Марии Дюричковой весьма основательно представлено в переводах. В немецких, чешских и венгерских переводах издано по десять ее произведений. На остальные иностранные языки (всего пятнадцать, включая русский) переведено по одному-два произведения словацкой писательницы. В большинстве своем все переводы опубликованы до 1990-х гг. в социалистических странах. Это обстоятельство, однако, не уменьшает значимости творчества Марии Дюричковой для развития словацкой литературы, что выражает-

ся и в многочисленных премиях и наградах, полученных автором на родине. Кроме того, в 1975 г. писательница была удостоена Европейской премии по детской литературе Провинции Тренто за книгу «Zlatá brána», а книги «Dunajská kráľovná» и «Krása nevidaná» в 1978 г. и 1980 г. были внесены Международным советом по детской книге в Почетный список Андерсена. Последней публикацией на русском языке стала книга «Данка и Янка в сказке», которую выпустило в 2015 г. издательство «Мелик-Пашаев» как переиздание 1974 г.

Одновременно с Марией Дюричковой создавала свою детскую литературу ее ровесница, писательница **Клара Ярункова** (1922–2005). В 1960–70-е годы она была самой переводимой словацкой детской писательницей, до сих пор ее книги больше других произведений словацкой детской литературы известны за рубежом. Творчество К. Ярунковой — это новаторский взгляд на период между детством и зрелостью, ее герои — это уже не дети, но еще и не взрослые, мир ее книг — это мир человека в переломный момент физического и душевного созревания. Уже дебютная книга — сборник рассказов о школьниках под названием «Hrdinský zápisník», вышедший в 1960 г., — стала литературным событием. В течение нескольких следующих лет книга была переведена на болгарский (1963), эстонский (1963), немецкий (1963, 1972), русский (1962, 1965), венгерский (1965) и польский (1982) языки.

Через три года появился роман «Jediná» (1963), который сразу стал бестселлером в Словакии тех лет. Это была первая книга, которую иллюст-

рировала дочь писательницы, художница и иллюстратор Даниэла Захарова, будучи еще первокурсницей в Институте изобразительных искусств. Один из первых переводов под названием «Don't cry for me» был издан в США, где в течение двух лет оставался в рейтинге бестселлеров. Этому способствовала и талантливая работа переводчика Йиржи (Джорджа) Тейнера. Й. Тейнер родился в 1926 г. под Прагой, в 1938 г. его семья эмигрировала в Англию, а после войны вернулась в Прагу, где Й. Тейнер прожил до 1968 г., после чего вновь уехал в Лондон, где оставался до конца жизни. Работая редактором и переводчиком с чешского и словацкого языков на английский язык, Й. Тейнер делом своей жизни считал распространение и популяризацию чешской и словацкой литературы за рубежом.

В книге Клары Ярунковой есть много общего с романом Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951). Главная героиня «Единственной» Олинка, подобно Холдену Колфилду, видит самое светлое, самое чистое в маленьком ребенке, ради счастья которого она готова пожертвовать своим собственным благополучием. Подчеркнуто молодежный язык обоих произведений также сближает их. Можно сделать предположение, что измененное название английского перевода также призвано усилить сходство с романом Дж. Д. Сэлинджера. В словацком тексте подчеркивается, что многое в жизни и мировоззрении героини связано с тем, что она единственный ребенок в семье (что очень нетипично для словацких реалий). В английском переводе это отходит на второй план, а на первый план выступают отношения Олинки

с маленькими брошенными соседскими детьми. Один из них в конце повествования отправляется в детский дом, но просит Олинку не плакать об этом. В общей сложности роман переведен на тринадцать европейских языков¹.

Через четыре года после романа «Jediná» вышли книги для детей «O jazyčku, ktorý nechcel hovoriť» и «Brat mlčanlivého Vlka». В тогдашней ФРГ, где особенно затронула души немецких читателей «славянская чувственность» прозы К. Ярунковой, писательница получила премию Deutscher Jugendbuchpreis. Секрет успеха писательницы Клары Ярунковой состоит в том, что она никогда не боялась затронуть в литературе самые чувствительные и болезненные темы, многие из которых были абсолютным табу не только в социалистической Чехословакии, но и западных странах. В частности, первой в Словакии в 1978 г. она написала роман о наркотиках, об их страшных последствиях, которые она наблюдала во время своего путешествия по Индии. По словам К. Ярунковой, «очень важно проявить смелость в том, чтобы затронуть трудные общечеловеческие темы, как, например, взросление. Иностранные издательства сами ее находили; по воспоминаниям дочерей писательницы, иностранные переводчики приходили и к писательнице лично, чтобы обсудить переводческие проблемы, главным образом, при передаче молодежного сленга и архаизмов в речи бабушек в ее произведениях.

К сожалению, о переводах книг Клары Ярунковой, как, впрочем, и других писателей, на родине никто не говорил.

Один из ведущих современных словацких литературоведов Владимир Петрик отмечает, что Ярункова максимально приблизила детскую литературу к жизни. «Ее романы стали мотивацией для всех авторов, пишущих для детей и юношества. Неввероятно, насколько словацкая литература посредством ее книг пробилась в мир. За это мы должны быть благодарны писательнице», пишет Владимир Петрик. При этом исследователь отмечает, что словацкой аудитории неизвестно, какой жизнью живут книги Ярунковой за границей. Дочь писательницы кроме собственной иллюстраторской деятельности занимается и наследием матери, и по ее данным книги Клары Ярунковой вышли на 39 языках в 130 изданиях по всему миру, «до сих пор они являются обязательной литературой в школах Австралии и Италии; иногда только благодаря им многие узнают о существовании Словакии», отмечает Даниэла Захарова.

Сама писательница о своей популярности за рубежом когда-то сказала: «Я просто старалась писать настолько хорошо, насколько могла. Никогда я в своем одиноком труде не думала о том, что дальше будет с книгой, куда она пойдет, никогда я даже и не надеялась на мировое признание. Сейчас я понимаю одно: главное — никого из-за рубежа не копировать, оставаться

¹ Роман «Jediná» был опубликован в переводах на следующих языках: 1968, 1969, 1971 — на английском, 1971 — на датском, 1970 — на голландском, 1965, 1972, 1982 — на венгерском, 1968, 1970, 1971, 1974, 1979 — на немецком, 1972 — на русском, 1978, 1982 — на итальянском, 1966, 1968, 1971 — на польском, 1972 — на хорватском, 1978 — на эстонском, 1975 — на латышском, 1986 — на македонском, 1985 — на болгарском; 1998 — на турецком, при поддержке Комиссии SLOLIA LIC.

верным только себе, своей духовной сущности».

Рождение современной (а по наблюдению некоторых словацких исследователей и постмодернистской) детской литературы, связано с творчеством **Любомира Фелдека** (р. 1936), имя которого мало известно за рубежом. Смещение фокуса с нормативного воспитания на эстетическую свободу было сформулировано Любомиром Фелдеком в статье «Bude reč o literatúre pre deti», в журнале «Mladá tvorba» в 1958 г. Конкретизация программы была сразу представлена автором в дебютном произведении «Hra pre tvoje modré oči», опубликованном в этом же номере журнала. Игра, фантазия, ассоциация, аллюзия, нонсенс, пародия, автобиографичность — вот основные черты поэтики Л. Фелдека, воплотившиеся в его поэтических, прозаических и драматических произведениях для детей. Все словацкие дети выросли на знаменитых собраниях сказок Любомира Фельдека: «Modrá kniha rozprávok» (1974), «Zelená kniha rozprávok» (1983), «Veľká kniha slovenských rozprávok» (2003), «Modrozelená kniha rozprávok» (2004), «Čiernobiela kniha rozprávok» (2011)¹.

Интересно заметить, что практически все иностранные языки, на которые переведены и переводятся произведения Л. Фелдека, — это славянские языки: больше всего переведено на чешский, есть переводы на русский, словенский, македонский, сербский и хорватский, болгарский, польский.

Такую неравномерность интереса на родине и за рубежом отчасти объясняет сам автор в одном из своих недавних интервью: «Больше всего из моих книг переводилась «Синяя книга». Но боюсь, что мои книжки не могут заинтересовать никого в мире, потому что даже то, что переведено, не продается. Во-первых, потому, что никто из словацких писателей моего поколения, кроме, пожалуй, Клары Ярунковой, не смог пробиться в мир сквозь железный занавес. А во-вторых, потому, что я пробиться и не старался, наоборот, я старался писать непереводаемо. Я писал для детей больше всего поэзию, и писал ее так, что половину за меня писал сам словацкий язык. Словацкий язык — это потрясающий партнер поэта. В соавторстве с ним я всегда писал то, чем сможет насладиться, прежде всего, словацкий читатель. Социологи говорят, что самосознание не может иметь эпитетов. Боюсь, что в поэзии для детей это не так. Самосознание словацкого детского поэта — это словацкое поэтическое самосознание».

Обладал ли таким самосознанием поэт **Мирослав Валец** (1927–1991), может оценить его многолетний переводчик на английский язык Эвальд Озерс, англичанин чешского происхождения. Переводчик делится впечатлениями от работы над детскими стихами Мирослава Валека: «Перевод поэзии — это специализированный аспект художественного перевода, опыта работы с которым после публикации сорока книг переведенных стихов у меня достаточ-

но. Однако когда словацкое издательство «Modrý Peter» обратилось ко мне с предложением перевести стихи Валека для детей, я засомневался. До сих пор мне не приходилось переводить детскую литературу. Мир фантазий словацкого ребенка совпадает с внутренним миром английских или американских детей? Возможно ли весь фон детских игр и стихов перенести в англоязычную культуру? Это были мои главные вопросы. Но когда я вчитался в поэзию Валека, я ощутил, что перевод возможен, меня даже привлек брошенный вызов. И я принял предложение. Некоторые детские психологи, — продолжает Э. Озерс, — утверждают, что дети на Западе взрослеют раньше детей в центральной и восточной Европе, и что стихи, предназначенные для десятилетнего словацкого ребенка, больше подойдут английским детям восьми лет. Хотя это так и есть, но это уже проблема не переводчика, а скорее издателя или книготорговца. Стихи Валека практически не содержат ничего специфически словацкого; мне казалось, что такие стихи может написать и английский автор». В качестве примера Эвальд Озерс описывает свои решения при переводе таких стихотворений, как «Lod», «Jedná veľká opica a dve malé» и «Pampulóni». При работе с последним стихотворением, построенном на нонсенсе и игре с авторскими новообразованиями, такими как *Pampulóni z Pampulónie, pampulóvre, pampúlia, pampulovali, spampulóni sa, Pampulónec, pampulón, pampuloká, pampuláši sa* переводчик опирается на опыт английской литературы, в которой эти элементы имеют давнюю традицию со времен «Алисы в стране чудес». Эти

элементы Э. Озерс передает в своем переводе, не избегая и новообразований: *The Pampaloons From Pampalonia, pampullovers, pampupils, pampuliding, pampaloon, pampudell, pampuscipboard, pampuchink, pampulery*.

Интересно сравнить пути восприятия творчества еще двух писателей того же поколения — **Винцента Шиккулы** (1936–2001) и **Ярославы Блажковой** (1933–2017). Истоки поэтики этих прозаиков восходят к периоду политической «оттепели», а выход дебютных работ — к началу 1960-х гг., оба автора писали произведения для детей и для взрослых. Но их писательская судьба сложилась очень по-разному, различна и судьба их книг за границей. В 1968 г. Ярослава Блажкова с семьей эмигрировала в Канаду. До эмиграции она была в центре всеобщего внимания на родине. Если В. Шиккулу переводили в основном в государствах социалистического блока, то Я. Блажкова была популярна, прежде всего, в западных странах, особенно в ФРГ. Интересно, что именно тот год, когда Я. Блажкова покинула родину, принес В. Шиккуле первые успешные переводы за рубежом: повесть «Prázdniny so strýcom Rafaelom» была переведена на чешский, русский, болгарский, венгерский языки; новелла «S Rozárkou» была в том же году переведена на чешский и венгерский. Эти два произведения, самые переводимые из всего творчества В. Шиккулы, в целом были опубликованы на двенадцати иностранных языках, в основном славянских.

В 1990-е гг. на литературную сцену пришли новые авторы детской литературы. Среди них — яркие и талантливые **Душан Душек** (1946), **Петер**

¹ Подробнее о переводах сказок Л. Фельдека в статье ««Синяя книга сказок» Л. Фельдека на английском языке в контексте перевода словацкой детской литературы на английский язык» // XLIV Международная филологическая конференция, 10–15 марта 2015 г.: избранные труды. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. С. 128–138.

Глоцко (1946), Эрик Якуб Грох (1957), Даниэл Гевьер (1955), Яна Юранёва (1957), Ян Уличанский (1955), Габриэла Футова (1971). Переводы их произведений пока немногочисленны. Те из них, кто дебютировал еще в 70–80-е гг., представлены в том числе русскими, польскими, словенскими переводами. Те, чье творчество зародилось позже, стараются проявиться в западных странах: Италии, Франции, Австрии, Германии, а в последние 3–4 года также в Литве, Латвии, Венгрии, где в основном публикуются при поддержке Комиссии SLOLIA³.

Почти все из вышеперечисленных авторов имеют благодаря SLOLIA переводы на итальянский язык. Это связано со значительным событием в литературной жизни Словакии — в 2010 г. на Международной ярмарке детской книги в Болонье Словакия впервые стала почетным гостем. Словацкий стенд на выставке посетил в том числе и Умберто Эко, который восхищенно рассматривал богато иллюстрированные словацкие книги. «В Польше, Словакии и Чехии — сказал он — рождаются прекрасные иллюстрации к детским книгам. Это очень благодарная среда для издания книг. Это действительно благословенная Богом земля, где рождаются чудесные книги для детей. Там существует давняя традиция создания плакатов и иллюстраций для детских книг. И эта выставка иллюстраций прекрасна».

Нужно подчеркнуть эту важную составляющую литературы для детей. Ведь зачастую именно иллюстраторы

детских книг создают образ, который сложится у ребенка при прочтении книги. Некоторые тексты невозможно себе представить без знакомых иллюстраций, как, например, сказки П. Добшинского без иллюстраций Людовита Фуллы, книги Л. Фелдека без иллюстраций Альбина Бруновского. Нельзя обойти вниманием и имена современных иллюстраторов Петра Чисарика, Душана Каллая и молодой художницы Даниэлы Олейниковой, которая также успешно представляла свое творчество на Международной ярмарке детской книги в Болонье.

Детский писатель Ян Уличанский уверен, что сильной стороной словацкого книжного творчества для детей является именно иллюстраторская работа, которая не имеет языковых барьеров и может привлечь иностранного читателя к словацким книгам. Ведь так произошло и с переводом его собственной книги «Máme Emu» на итальянский язык. Книгу заметил итальянский издатель Паоло Акко благодаря красочности и богатству фантазии в иллюстрациях Петра Чисарика. О высоком уровне словацкой иллюстраторской школы свидетельствует и тот факт, что зачастую при переводе словацких книг на иностранные языки иллюстрации, сопровождавшие оригинальный текст, не покидают и его перевод.

Активнее всего словацкие книги для детей переводятся в Германии, хотя большинство переводов появилось до 1989 г. в бывшей ГДР. На протяжении всех этапов развития словацкой детской литературы неизменно благодар-

ной территорией ее восприятия является чешская аудитория. Далее следуют польский, английский, русский и венгерский языки. Но структура восприятия словацкой литературы в странах этих языков очень разная. На русском языке словацкая детская литература активно издавалась в 1970–80-е гг., причем в основном это были государственные издания книжного формата. На английском языке словацкая детская литература появляется, начиная с 1990-х гг., причем речь идет в большинстве случаев о фрагментах, представленных в антологиях, двуязычных словацких изданиях или журнальных публикациях. Переводы на языки бывших республик СССР наблюдаются только до 1990-х гг., в то же время со второй половины

1990-х гг. возрастает количество переводов на другие европейские языки: итальянский, словенский, болгарский, французский, финский.

Перевод словацкой литературы для детей в настоящее время представляет собой двусторонний процесс. С одной стороны, это работа литературных центров и институтов Словакии, стремящихся к продвижению национальной литературы в странах Европы. С другой стороны, это личная заинтересованность специалистов и переводчиков словацкой литературы за рубежом, зачастую выходцев из Словакии или имеющих словацкие корни, их личное желание познакомить своих соотечественников с самобытной, яркой и талантливой словацкой литературой.

Князькова Виктория Сергеевна — выпускница филологического факультета Университета Матея Бела в Банской-Быстрице (Словакия). В настоящее время — преподаватель кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера интересов — словацкий, чешский языки, славяно-германская компаративистика, проблемы перевода и др. В 2009 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Отражение лексического своеобразия прозы А.И. Солженицына в словацких переводах (на материале рассказа “Один день Ивана Денисовича”)». Автор более 30 работ по словакистике.

³ Комиссия SLOLIA (Slovak Literature Abroad) — организация, финансирующая переводы словацкой литературы за рубежом. За период 1996 г. — февраль 2016 г. при поддержке SLOLIA было реализовано 510 переводческих проектов.

ЮБИЛЕЙ АЛЕКСАНДРА ДУБЧЕКА

Элла Задорожнюк

АЛЕКСАНДР ДУБЧЕК И МОДИФИКАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ

(К 95-летию со дня рождения)

В том, что к началу XXI в. социалистическая идея в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы вовсе не отправлена «на свалку истории», как в свое время предрекал американский президент Р. Рейган, немалую роль сыграл видный словацкий (чехословацкий) государственный и политический деятель Александр Дубчек, который ввел в общеполитический дискурс понятие/метафору «социализм с человеческим лицом». Более того, эта идея как раз здесь получала новые и часто противоречивые импульсы развития в плане не только теоретических изысканий, но и политической практики.

Такого рода импульсы приводили в прошлом к серьезным последствиям для судеб тех стран, где они возникали — в частности, для вариантов или моделей национально ориентированного социализма (югославский само-

управленческий социализм или венгерский «гуляш-социализм») и др. Но наибольший международный резонанс получила идея «социализма с человеческим лицом», неразрывно связанная с жизнью и судьбой Александра Дубчека.

Анализируя непростые и в чем-то судьбоносные модификации идеи социализма в мыслях и жизни Александра Дубчека, надо вспомнить, что он — последовательный приверженец этой идеи во втором поколении. Его родители отыскивали корни настоящего социализма сначала в Америке, где и поженились, а с 1925 г. — в Советском Союзе, в Киргизии. Здесь группа приехавших в СССР словацких коммунистов организовала кооператив «Интергельпо», впоследствии семья переехала в Горький. Дубчек учился в средних школах городов Фрунзе и Горького.

В 1938 г. родители Дубчека вернулись домой в Словакию, не отказываясь от социалистических идей, сопоставляя их при этом с социализмом — в социал-демократических проявлениях — в европейских странах и категорически не приемля национал-социализм. За это Штефан Дубчек, отец Александра, был заключен в концлагерь Маутхаузен. Сын же Александр в 18-летнем возрасте вступил в Компартию, сначала идейно, а с 1990 г. и организационно переходя на платформу социал-демократии.

Что касается 1968 г., то интерес Дубчека к западноевропейской социал-демократии во многом находился на периферии — даже в ходе яростных дискуссий против «сталинизма», «догматизма» и «консерватизма».

В связи с этим можно привести фрагмент одного из последних его интервью журналу «Мериан». *«Корреспондент:* Но какая у Вас была перспектива? Хотели Вы уже тогда (т. е. в 1968 г. — Э.З.) ввести демократию? К слову, Вацлав Гавел в те времена потребовал создания социал-демократической партии. *Дубчек* — создание такой партии было исключено. Единственным нашим шансом являлась попытка реформирования коммунистической партии *изнутри*. Мы все же видели занесенный над нашими головами огромный Дамоклов меч. Нет, создание такой партии было абсолютно невозможно. Мы контактировали с другими движениями, но я им сразу же сказал: “Это невозможно”. Наши противники тогда искали случая, чтобы можно было нанести удар, и их главным упреком нам было,

что то, чего мы добиваемся, является “социал-демократическим, оппортунистическим, ревизионистским”»¹.

Правда, надо заметить, что, скажем, о попытках Э. Бернштейна излечить социализм от ужесточения классовой борьбы, равно как и о вариантах «еврокоммунизма» 1960-х он знал. Но лишь в начале 1990-х годов консультировался с В. Брандтом и Й. Фишером, создавая Социал-демократическую партию Словакии.

Все эти факты надо учитывать в ходе поисков и утверждения А. Дубчеком идеи «социализма с человеческим» — а в чем-то даже, можно сказать, «общечеловеческим» — лицом. Это побуждает к рассмотрению жизненного пути, сложнейшей политической биографии и эволюции идейных позиций Дубчека, которому суждено было стать одним из выразителей того, что писатель М. Кундера назвал высоким проявлением «чешской доли» (в его полемике с В. Гавелом). Эта доля в конце 1960-х годов сводилась к тому, что именно чешский (здесь можно сказать — *чехословацкий* — отодвинув в сторону все аллюзии на чехословакизм) народ выступил побудителем пересмотра — но не отрицания! — идеи социализма в целом.

В статье хотелось бы пунктирно рассмотреть некоторые вехи активности Дубчека-политика в данном направлении. При этом сознательно будут опущены все перипетии его деятельности, связанные с «Пражской весной», поскольку этот период достаточно детально рассмотрен в литературе.

¹ См.: Dejiny nie sú refaz víťazstiev. Exkluzívny rozhovor s Alexandrom Dubčekom (pre časopis «Merian») // Luluha I. a kolektív. Alexander Dubček: jeho doba a súčasnosť. Bratislava, 2014. S. 198–199.

Меньше внимания уделялось его отношению к социалистической идее как в целом, так и в ее модифицированном виде, в виде «социализма с человеческим лицом», после «бархатной»/«нежной» революции 1989 г. Ответ на этот вопрос в какой-то степени дает один из документов Архива Горбачев-фонда, фрагменты которого впервые вводятся в научный оборот.

Документ этот — стенограмма официальной встречи Александра Дубчека с другим носителем идеи социализма, не отказавшимся от нее в сложнейшие времена, — Михаилом Горбачевым, также пытавшимся (к сожалению, робко, непоследовательно и, главное, с огромным опозданием) эволюционировать к социал-демократизму.

Встреча проходила в весенней Москве 21 мая 1991 г. (до трагической гибели Дубчека оставалось менее полугода). В это время он занимал во многом церемониальный в своей пока единой стране пост председателя Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики (ЧСФР). Горбачеву же к этому времени пришлось в полной мере ощутить вызванные последствия им же самим спровоцированных потрясений и готовиться к занятию тоже церемониальных постов, а затем и вовсе всех их лишиться.

О чем же шла речь на встрече лидеров двух федеративных стран, вскоре распавшихся не в малой степени и из-за отказа от идеи социализма? Прежде чем изложить и прокомментировать данный документ, следует сказать несколько слов о биографических дан-

ных, определивших изменения политического лица Дубчека и его идейных позиций. Как уже говорилось, в 1925–1938 гг. он жил в СССР, куда позднее вернулся снова, но уже для обучения в Высшей партийной школе при ЦК КПСС (1955–1958 гг.). С этого времени начинается его партийная карьера: секретарь КПС в Братиславе (1958–1960), затем КПЧ в Праге (1960–1962), снова КПС в Братиславе (1962–1968), а с января 1968 г. — первый секретарь ЦК КПЧ в Праге.

Вернемся к рассмотрению уже упомянутой стенограммы. О чем же говорили два лидера, чутко предвидя и уже даже ощущая тектонические сдвиги и в своих политических ожиданиях, и в надеждах на обновление идеи социализма? В этом достаточно объемном и емком по содержанию документе отражена позиция двух реформаторов по самым различным актуальным на тот период времени для двух все еще оставшихся социалистическими государств проблемам. Это и вывод из Чехословакии советских войск, это и экономические проблемы с акцентом, в частности, на необходимости и перспективности развития многоукладной экономики. «Было бы, — сказал Дубчек, — большим политическим выигрышем, если бы удалось на ближайшие 5 лет более или менее сохранить нынешние государственные и кооперативные предприятия; к примеру, во Франции они занимают довольно прочное место в экономике; в целом следовало бы избежать монополии какой-либо одной формы хозяйствования»¹.

Это и проблемы внешнеполитического характера с предвосхищением доминирования объединившейся Германии, несмотря на все заверения в обратном стран Западной Европы и США (за исключением Франции и Великобритании). «Везде, где можно, — подчеркивал Дубчек, — я говорю нашим: «Братцы, осторожно, нельзя игнорировать объединение Германии, чрезмерно уповать на экономические связи с Западом. Можно попасть в кабалу. И тогда не поможет размахивание национальным флагом — суверенитет уйдет»». «Думаю, — заметил в ответ Горбачев, — Чехословакии важно особенно внимательно отнестись к появлению объединенной Германии»¹.

Это и проблемы развития многопартийной политической системы, проблемы федерализма, это и вопросы советско-чехословацких отношений. В связи с этим Дубчек, в частности, сказал следующее: «Для нас исключительно важно, развивая экономические связи с Западом, не терять взаимовыгодных отношений с Советским Союзом»².

Но уникальность данного архивного документа, помимо прочего, заключается еще и в том, что он дает нам возможность проследить практически на закате карьеры как Горбачева, так и Дубчека (для него это был еще и закат жизни, трагически оборвавшейся осенью 1992 г.) отношение этих знаковых фигур, государственных и политических деятелей двух стран, в разное историческое время пришедших к выво-

дам о необходимости реформирования существовавшего строя — проследить их отношение к социалистической идее как таковой и к идее ее модификации.

Горбачев высказал свою уверенность в жизненности идеи гуманистического, демократического обновления общества в интересах человека труда. Первая проба такого обновления, как подчеркнул он, была предпринята именно в Чехословакии в 1968 г. Следует отметить, что это, пожалуй, одно из первых признаний Горбачева о взаимосвязи Пражской весны и советской перестройки, которую ранее он неоднократно и категорически отрицал. «Но крутой поворот, — констатировал инициатор советской перестройки, — осуществляется как раз сейчас в Советском Союзе. Без перемен в СССР не было бы серьезных надежд на обновление социализма. Без этого было бы трудно надеяться на ускорение перемен во всем мире»³. Для этого надо по-новому осмыслить свое прошлое и настоящее, сопоставить положение у себя и у наших соседей, во всем мире, чтобы смелее заглядывать в будущее — несмотря на болезненность процессов, связанных с преодолением прошлого. Отказываться от собственной истории нельзя, ибо целыми поколениями многое пережито, но многое и создано. Тяжелые испытания прошли и восточноевропейские страны, продолжал Горбачев, каждая по-своему. «То, что были опрокинуты попытки обновления Чехословакии в 1968 году, обернулось крупным стратегическим

¹ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 — Фонд Горбачев М.С. (далее — Ф. 1). Запись беседы М.С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. 90may21doc С. 8.

¹ Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 20. Май-июнь 1990 г. М., 2011. С. 52. В этом издании публикуются лишь части беседы, отражавшие позицию советской стороны.

² Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. С. 14.

³ Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 20... С. 46.

просчетом, который негативно сказался на развитии Советского Союза. Ведь когда в октябре 1964 года к руководству страной пришел Брежнев, то поначалу были предприняты некоторые далеко идущие прогрессивные шаги. Я имею в виду мартовский Пленум по сельскому хозяйству, начавшуюся экономическую реформу, да и в союзных странах стали проявляться свежие подходы, попытки облагородить систему. Однако предпринятое военно-силовое давление в августе 1968 года, по сути дела, похоронило все эти новации и реформы. Все мы потеряли очень много времени, но без тех попыток, которые были предприняты раньше, может быть, не было бы и сегодняшних перемен»¹, — отметил он.

Советский лидер подчеркнул самое доброе отношение к Чехословакии, личные хорошие контакты с Г. Гусаком, но при этом, как он отметил, когда в ходе официального визита пришлось увидеть лозунг: «Михаил, останься у нас хоть на год», стало ясно, что зреет новый кризис доверия руководству. В результате откровенных товарищеских объяснений Гусак решил уступить свой пост новым людям, и к руководству пришел М. Якеш. «Но, думаю, — сказал Горбачев, — всяма активную роль сыграл в это время ваш земляк В. Биляк. По-моему, он руководствовался главным образом личными амбициозными соображениями. До меня дошла даже примерно такая его фраза: «Подождем, в Москве в конце концов сломают голову те, кто увле-

кается перестройкой, и придут новые люди»»².

Естественно, что оба лидера отрицательно отнеслись к подобного рода заключению. И все же именно словацкий коммунист Биляк оказался неплохим провидцем относительно судьбы Горбачева. А Дубчек подчеркнул: «К сожалению, это не только фраза. За ней стояла активная работа, а ждали на самом деле не новых людей, а приверженцев старого»³.

Горбачев заверил, что это было напрасное ожидание, поскольку советское общество в целом стало другим и к прошлому не вернется, хотя и впереди у него нелегкий путь, немало трудностей и болезненных моментов. Далее он с удовлетворением заметил заявление президента В. Гавела, который выступил против запрещения КПЧ и предъявления коллективных обвинений членам компартии. Конечно, это правильно, согласился Дубчек, подчеркнув, что у него с Гавелом на эту тему был не один разговор.

В обширной *ответной* реплике Дубчека отмечалось: «Я испытываю особое расположение к Вам, ко всей Вашей деятельности. Все мои выступления с самого начала и по сей день, на всех уровнях, в том числе и на нынешнем высоком государственном посту, неизменно звучали и звучат в поддержку советской перестройки, нового политического мышления, которое связано с Вашим именем. Я был и остаюсь защитником советской перестройки. Говорю об этом во всех своих беседах с парламентария-

ми, с которыми приходится встречаться. В 1968 году, когда я понял, что необходимы поиски новых путей, что продолжать жить и работать так, как мы жили и работали раньше, нельзя, я делал все для того, чтобы процесс начавшегося возрождения не повернулся вспять. Но не вышло. Уверен, что у вас в Советском Союзе поворот назад невозможен»¹.

Если взять пример Чехословакии, продолжал Дубчек, то там вследствие поворота 1968 г. дело дошло до тупика: из КПЧ исключили полмиллиона активных, сознательных людей. Свыше 300 тысяч из них имели партийный стаж более 20 лет и честно служили народу. В результате ослабили все его сферы: и партия, и наука, и производство. Такая дискриминация оказалась продленной во времени, хотя уже с обратным знаком: «Ведь трудно было себе представить, что в нашей стране с ее демократическими традициями и культурой разыграются такие антикоммунистические, антисоциалистические настроения, как сейчас»². Сам Дубчек отмечал в беседе, что на протяжении ряда лет он настойчиво предлагал сделать по крайней мере три шага, которые позволили бы преодолеть кризисное состояние общества: отменить исключение из партии всех тех, кто выразил несогласие с вводом войск в 1968 г., отмежеваться от одобрения ввода войск, признать, что лозунг «социализм с человеческим лицом» не был контрреволюционным. Если бы к этому прислушались раньше, убежден он, можно было бы снять напряжение в обществе и в конструк-

тивную работу включились бы многие активные и сознательные люди.

Однако ничего подобного сделано не было, поэтому ширились настроения неприятия режима, обращавшиеся против КПЧ как против чехословацкой бастилии. «К сожалению, внутри партии не нашлось никого, кто поднял бы флаг борьбы за ее оздоровление. Напротив, тщательно подбирались ссылки на то, что, мол, в Советском Союзе не намерены пересматривать оценки 1968 года»³, — резюмировал он.

Более того, благодаря карьеристам тотально дискредитировано само название «Коммунистическая партия». Мало кто осознавал необходимость полного оздоровления, идейного и организационного размежевания с людьми прошлого, чтобы вновь завоевать доверие людей. «Я об этом, — продолжал Дубчек, — говорил и говорю сейчас. В результате провала КПЧ образовался вакуум, который используют правые. И сейчас этот вакуум начинают заполнять не лучшие силы. Думаю, что это по-своему закономерно и другого пока не может быть: ведь самых активных, сознательных людей объявили антисоциалистическими, ревизионистскими, оппортунистическими элементами. А теперь ограничились, по сути дела, тем, что исключили из партии несколько человек; но ведь новой-то солидной платформы нет. Думаю, что надо было бы сохранить все ценное из того, что было наработано в 1968 году. Я до сих пор тяжело переживаю ситуацию. И теперь, уже будучи Председателем Федерального собрания,

¹ Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 20... С. 47.

² Там же.

³ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1... С. 2.

¹ Там же. С. 6.

² Там же.

³ Там же.

О ЛИТЕРАТУРНЫХ БИОГРАФИЯХ АЛЕКСАНДРА ДУБЧЕКА

нередко засыпаю с тяжелыми мыслями о том, что будет завтра, кто выйдет на политическую арену, кому освободить простор для полезной деятельности?»¹.

В 1989 г., за два года до встречи с Горбачевым, Дубчек в одном из своих интервью высказывал свое отношение к инициированию реформирования в период «Пражской весны». Интервьюер журнала «Мериан» конкретизировал свой вопрос относительно событий двадцатилетней давности: «В 1988 г. в интервью газете «Унита» Вы сказали: «Социализм и демократия неразрывны». Сегодня Вы придерживаетесь того же мнения?». В своем ответе Дубчек сделал акцент на следующем: «Нужно понять: то, что у нас было, не было никаким социализмом. Сегодня перед нами стоит задача нового направления, оправдавшего себя в западных демократиях: это курс социалистического интернационала (журнал привел эти слова не с заглавной буквы. — Э.З.). Поэтому я вступил в социал-демократическую партию даже несмотря на то, что она является всего лишь маргинальной. И вопреки этому я хочу поддерживать именно такое развитие. Считаю это важным, поскольку левая ориентация

социал-демократии формирует равновесие сил. Это та цель, которой мне хотелось бы достичь, пока еще молод...»².

Надо сказать, что уже к 90-летию Дубчека о данной разновидности социализма проводились конференции и выпускались труды, такого рода работа ведется и в 95-летнюю годовщину со дня его рождения. Но есть все основания предполагать, что в полной мере масштабы личности Александра Дубчека и результаты деятельности, так или иначе вдохновляемые идеей «социализма с человеческим лицом», будут выявлены к началу третьего десятилетия нового века, к 2021 году, к 100-летию юбилею Дубчека, когда его поиски обретут второе дыхание.

Уместно вместо заключения отметить следующее: 6 ноября 2003 г. в братиславском Горном парке была открыта Памятная доска в честь Александра Дубчека, а в январе 2011 г. в его честь был установлен бюст в итальянской столице Риме. 13 декабря 2016 г. в здании Европейского парламента в Страсбурге торжественно установлен бюст (ранее он находился в частной коллекции) выдающегося словацкого политика, ставшего символом «Пражской весны» 1968 года.

Александр Дубчек (1921–1992) — ключевая фигура словацкой политики и общественной жизни второй половины XX в., один из главных инициаторов реформаторского движения «Пражской весны» 1968 г. «Самый известный словак», «нравственный человек в политике», «символ надежды», как называли его современники, испытал на протяжении своей жизни драматические перипетии и виражи личной и политической судьбы, не была однозначной и оценка роли Дубчека в общественно-политических процессах в Чехословакии 1950–1990-х гг. Представляется вполне логичным, что наряду с многочисленными историческими исследованиями, посвященными его деятельности, возникают и художественные произведения, основанные на его биографии, чертах личности и характера. В их числе — романы Й. Банаша «Остановите Дубчека!» (2009) и Л. Юрика «Год длиннее века» (2015).

Две эти книги, разные по идейному наполнению и стилистике, во многом базируются на одном «первоисточнике» — собственных мемуарах А. Дубчека «Надежда умирает последней», увидевших свет в 1993 г., уже после его безвременной кончины. Примечательна история их написания. Дубчек, вернувшийся после «бархатной революции» 1989 г. на руководящие государственные посты, с трудом выкраивал время

для бесед с журналистами, которые записывали его рассказы о родителях, о годах детства, проведенного в Советском Союзе, о начале его сознательной борьбы с догматиками и консерваторами за обновление общества, о надеждах и крушении «Пражской весны». Последним эпизодом в его воспоминаниях стала сцена многотысячного митинга в Праге в ноябре 1989 г., который восторженно приветствовал А. Дубчека и В. Гавела. Последующие события остались уже за рамками повествования. После смерти политика журналист и редактор И. Гохман собрал и отредактировал записанные материалы, обращаясь за уточнениями к историкам, друзьям и близким Дубчека.

Рассказ Дубчека о своей личной судьбе и об исторических событиях в Словакии, в ЧССР, в Европе, начиная с 1920-х гг. — это, в первую очередь, — мемуары политика, поэтому именно политические процессы, противоборства, даже интриги — в центре интересов автора, а отдельные эпизоды частной жизни Дубчека тесно связаны с определяющей фабулой его идейного становления. И если в начале «частное» преобладает в повествовании об истории семьи, то затем перевешивают размышления, наблюдения, воспоминания о партийной борьбе, пленумах и съездах, о политических противниках и соратниках. Однако и здесь ясно

¹ Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 20... С. 7.

² Dejiny nie sú refáz vífázstiev... S. 204–205.

Элла Григорьевна Задорожнюк — доктор исторических наук, зав. Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. Историк, специалист по новейшей истории Чехии и Словакии (Чехословакии), а также стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Автор нескольких монографий и большого числа научных статей по проблемам современной истории стран региона, в том числе «Городское мелкое производство в Центральной и Восточной Европе: поиски оптимальной модели, 1940–1980-е гг.» М., 1991; «Социал-демократия в Центральной Европе». М., 2000; «Особенности транзитивных политических процессов в странах Центральной Европы»: [Учебное пособие]. М., 2006; «От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. (Август 1968–ноябрь 1989 г.)». М., 2008.

звучит авторский голос, обозначается личное, выстраданное отношение к описываемым событиям и фактам.

Воспоминания Дубчека — это история испытаний, борьбы и разочарований — в первую очередь, в унаследованной от родителей, интернационалистов и энтузиастов «чистой и полной вере в коммунизм», представлявшийся ему в юности вполне достижимым идеалом свободы и справедливости. «Ради более счастливой жизни человечества, — пишет он, — я был готов отдать свой разум, сердце и всю свою душу»¹. В книге этапы этого прозрения, кристаллизации идеи «социализма с человеческим лицом» и трагического краха его реформаторских усилий после 1968 г. прослеживаются на фоне событий жизни Дубчека. В свободной форме устного рассказа описывается его детство и юность в Советском Союзе, возвращение в Чехословакию накануне войны и участие в Словацком национальном восстании, партийная работа на разных руководящих уровнях с 1953 г., учеба в Высшей партийной школе в Москве, совпавшая с началом «оттепели», подготовка, пик и разгром «Пражской весны», гонения на Дубчека в годы «нормализации» и — в финале книги — первые дни «бархатной революции» и его новые надежды и планы, на осуществление которых оставалось совсем немного времени.

Во всем, о чем рассказывает Дубчек в своих воспоминаниях, явственно или опосредованно присутствует нравственный аспект, оценка явления, ситуации, того или иного человека с точки

зрения справедливости и гуманизма. Так, он описывает свои ощущения «ужаса», «шока» еще в ранней юности, в Бишкеке и Горьком, при первых столкновениях с фактами сталинских репрессий в СССР, а затем и в Чехословакии в 1950-е гг. Реабилитацию в 1963 г. жертв политических процессов, в которой Дубчек принимал самое деятельное участие как член специальных партийных комиссий, он по праву считал своей личной моральной победой. Дальнейшие действия Дубчека, его политическая карьера вплоть до августа 1968 г. представлены в его книге как продуманная систематическая работа по устранению деформаций, недемократических, силовых методов в руководстве компартии, по выходу на пути свободного развития общества и человека. Подробно и живо описывает Дубчек проделанные им ходы своего рода шахматной партии, которая привела к концу 1967 г. к перевесу реформаторских сил в руководстве КПЧ и к его политической победе над А. Новотным. Эта схватка проиллюстрирована в книге и в символической сцене охоты Дубчека на матерого медведя, шкура которого потом лежала у него дома. «Новотному не удалось заполучить мою шкуру, как я заполучил медвежью, — с иронией пишет он. (...) Я знал, что время работает на реформы»².

Четко и обоснованно, хотя и с личной пристрастностью говорит Дубчек о своем отношении к конкретным людям, прежде всего — в зависимости от их человеческих и нравственных качеств. Критически отзывается о ста-

ром партийном руководстве — А. Новотном, В. Широком, К. Бацилеке, негативные характеристики в разные периоды деятельности дает Г. Гусаку, с негодованием пишет о Брежневе и его приближенных в главах о событиях августа 1968 г. И в то же время — с симпатией вспоминает Хрущева, его разоблачения сталинизма, поддержку реабилитаций в Чехословакии, его «информированность о положении в Словакии», «улыбчивость и сердечность»¹.

Центральными и композиционно, и по своему значению, становятся в книге события «Пражской весны». Дубчек рассказывает о своих стратегических и тактических действиях по созданию «штаба реформаторов», о выработке и принятии в апреле 1968 г. «Программы действий», предусматривающей демократизацию партии и общества, реформирование экономики, федерализацию государства и др. Огромных усилий по политическому маневрированию требовало от него и противодействие со стороны консерваторов, как внутренних, так и внешних; Дубчек подробно пишет о нарастающем и все более жестком давлении на себя и свою команду со стороны советского руководства и руководителей компартий стран социалистического лагеря.

Событиям, последовавшим за вводом в Чехословакию войск Варшавского договора 21 августа 1968 г., посвящены главы с красноречивыми названиями «Вторжение и похищение», «В Кремле», «Московский диктат». Примечательно,

что большую часть этого повествования занимают размышления Дубчека о политическом безрассудстве этого шага, о вероломстве, о нарушении норм морали, о своих личных переживаниях, то есть — о нравственной стороне произошедшего. Скупое, немногословное, хотя и эмоциональное описание самих действий и поступков послужило затем фабулой для последующих, беллетризованных биографий А. Дубчека.

Поводом для написания книги «Остановите Дубчека!»² Й. Банаш (род. 1948) назвал незнание молодыми словаками своих национальных героев. «Я верю, — пишет он, — что она поможет нам не забыть человека, который принес нам надежду»³. Повествование в событийном плане основано на воспоминаниях А. Дубчека «Надежда умиряет последней», однако в конце своего политического романа Банаш, подчеркивая его документальную достоверность, приводит большой список использованной при его создании литературы. В их числе — и воспоминания В. Биляка, идеологического противника Дубчека, и эссе писателя и публициста В. Минача «Возвраты к переворотам», и научные сборники, посвященные А. Дубчеку и социально-политической проблематике Чехословакии второй половины XX в.

Наряду с документальными по содержанию вставками, выделенными в тексте курсивом и дающими информацию о ходе политических процессов, о выступлениях исторических деятелей и т. д., в романе много художественных

¹ *Dubček A. Nádej zomiera posledná*. New-York — Tokio, 1993. S. 66.

² *Ibid.* S. 122.

¹ *Ibid.* S. 81.

² В названии книги автор использовал реальные или вымышленные цитаты из критических выступлений в адрес А. Дубчека высших партийных деятелей соцстран — В. Ульбрихта, Л. Брежнева и др.

³ *Banáš J. Zastavte Dubčeka!* Bratislava, 2009. S. 10.

элементов, реконструкций и предположений. Дубчек выступает здесь как литературный герой с внутренними монологами, авторскими допущениями при воссоздании его внутреннего мира, сценами и диалогами не только с реально существовавшими лицами, но и с многочисленными вымышленными персонажами. Так, в романе фигурирует некий Кулифай, своего рода «тень Дубчека», сопровождающая его, начиная с эпизодов их детства в Киргизии, через их встречи по разные стороны баррикад во время Словацкого национального восстания, а затем — в период гонений на Дубчека при «нормализации». В заключительной главе, перед смертью Дубчека, Кулифай раскаивается в своих неблагоприятных поступках, просит у него прощения и получает его. Эта символическая фигура «маленького человека», пылинки в исторических бурях, призвана показать более рельефно не только цельный характер главного героя, но и атмосферу времени.

В книге охвачены события с 1912 г., когда будущие родители Дубчека эмигрировали вместе с тысячами других словаков в Америку, и до похорон Дубчека в ноябре 1992 г. Повествование в романе Банаши идет в хронологической последовательности; композиционно оно разбито на главы с названиями, говорящими о содержании той или иной сцены или эпизода из жизни героя. Главы же, в свою очередь, объединены в три части, по наполнению которых можно судить о том, какое значение придает автор отдельным этапам личной и политической биографии Дубчека. Так, часть I включает в себя события, начиная от эмиграции

родителей Дубчека в Америку на заработки и до момента, когда повзрослевший герой в 1955 г. собирается ехать на партийную учебу в Москву. Часть II охватывает период с хрущевской «оттепели» и назначения Дубчека на высокий партийный пост краевого секретаря компартии — до разгрома «Пражской весны» и переговоров в Москве с советским руководством в августе 1968 г. В части III автор повествует о периоде драматических испытаний, выпавших на долю опального политика в годы «нормализации», и заканчивает его кратким возвращением в политику и безвременной кончиной.

Банаш, автор нескольких книг в жанре политического романа, и в этом своем произведении делает упор на событийной стороне биографии героя, на остроте его столкновений с идейными антагонистами, на динамично выстроенной фабуле. Поэтому он, например, уделяет большее, чем в воспоминаниях Дубчека, внимание сценам, в которых описывается арест и интернирование руководства КПЧ в Москву в августе 1968 г., ход переговоров по подписанию печально известного Протокола. А в одной из последних глав под названием «Загадка 88-го километра» Банаш детально описывает историю трагической автомобильной аварии, в которой Дубчек получил тяжелые травмы, приведшие вскоре к его смерти. Ключевым моментом, указывающим на возможные причины этой трагедии, представлена здесь пропажа важной улики: «Чемоданчик, в котором Дубчек вез секретные документы и приглашение в Москву на заседание Конституционного суда, лежал на траве. Позднее следователи забрали

чемоданчик — и с тех пор его никто не видел»¹.

С загадки черного чемоданчика начинается еще одна книга, посвященная А. Дубчеку, — роман Л. Юрика «Год длиннее века» (2015)², который повествует о последних днях жизни политика, проведенных им на больничной койке. «Где мой чемоданчик? — спросил я. Маленький черный чемоданчик. — Главврач посмотрел на меня непонимающе. — У меня были там документы, — сказал я. — Важные документы... Кроме того, у меня была там почти готовая речь, в которой я призывал депутатов Федерального собрания не допустить распада Чехословакии».

Написанный от первого лица, роман представляет собой длинный внутренний монолог героя, в котором фрагменты воспоминаний о прожитой жизни чередуются с рефлексией, попытками осмыслить, оправдать или осудить собственные поступки. Собеседником, а часто и оппонентом Дубчека выступает здесь главный врач больницы, чья судьба была искалечена событиями августа 1968 г. и времен «нормализации», когда ему, восторженному стороннику «Пражской весны», пришлось ради выживания пойти на сделку с собственной совестью. Так, предметом их острого спора стала отставка Дубчека с поста руководителя

Встреча с сыном Александра Дубчека Миланом Дубчеком в Словацком институте

¹ Ibid. S. 348.

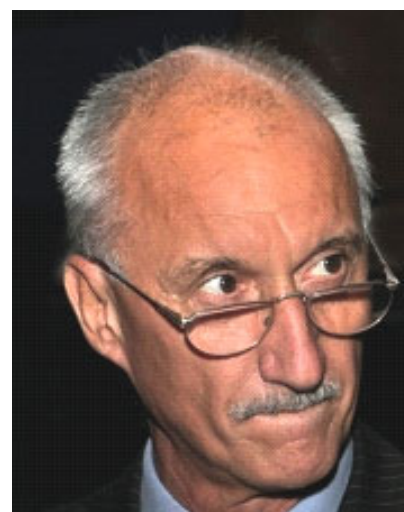
² Книжному изданию предшествовала публикация романа в электронном виде на сайте газеты «Новое слово»: http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubceka_10

КПЧ: «Вы знали, что этим кончится? — спросил главврач и в его голосе вновь зазвучал его обычный сарказм, — Знали и вели себя так, будто собирались остаться еще на пару лет... Разве это не было наивно? — Не говорите мне о наивности, — ответил я раздраженно. — Хотя вы правы, я надеялся... вывести страну из кризиса. Ведь нас все еще многие поддерживали». Дискуссии та-

кого рода представляют собой, разумеется, авторское допущение — реальное состояние здоровья А. Дубчека вряд ли позволяло их вести. Тем не менее, эти художественные приемы расширяют возможности характеристики героя, а в совокупности с прочими элементами структуры произведения позволяют по-новому представить Дубчека как выдающуюся, незаурядную личность.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

Йозеф Банаш (род. 1948) — один из самых популярных писателей современной Словакии, автор 22 книг, 10 из которых переведены и изданы в Германии, Венгрии, Чехии, Польше, Украине, Болгарии, Индии, Египте, Сирии, Македонии. Среди них: «Лучше, чем вчера» (2001), «Идиоты в политике» (2007, 2010), «Зона энтузиазма» (2008, 2012), «Остановите Дубчека!» (2009, 2012), «Код 9» (2010), «Сезон крыс» (2011), «Последняя неверность» (2012), «Код 7» (2016) и др.

Й. Банаш работал журналистом, был предпринимателем, дипломатом (он владеет пятью языками). В качестве дипломата работал в Берлине, Вене, Праге. В период 2002–2006 гг. был членом Словацкого парламента и вице-президентом Парламентской ассамблеи НАТО, имел доступ к не опубликованным ранее материалам. В настоящее время выступает с публикациями, в которых остро критикует политику НАТО.

Роман «Зона энтузиазма» был назван «Книгой года 2008» в Словакии и одной из самых значительных в номинации на немецкую литературную премию Иоганна Готфрида Зойме. Он был опубликован в Словакии дважды — в 2008 г. и 2012 г. — и вышел тиражом в 30 тысяч экземпляров, что для пятимиллионной Словакии очень много. Книга переведена на многие европейские языки, была издана в Индии, в настоящее время переводится на английский язык, готовится ее перевод и издание в Сирии и Македонии. Романы Банаша имеют колоссальный успех: одно из его последних произведений — «Код 9» — было напечатано тиражом 50 тысяч экземпляров и моментально разошлось.

Сюжет романа «Зона энтузиазма» основан на реальных фактах и представляет собой документально-художественную фреску современной истории России, Украины, Германии, Чехии, Словакии. На фоне рассказа о жизненном пути украинки и словака воссоздаются события августа 1968 года, студенческие протесты в Германии, последние дни существования СССР, смерть Брежнева, Андропова, Черненко, приход к власти Горбачева, советская «перестройка», объедине-

ние Германии, «нежная» революция в Чехословакии, возникновение Чешской и Словацкой республик, период правления Ельцина, распад СССР, появление на карте Европы Украины и России, попытка государственного переворота в Москве, приход к власти Путина. Наряду с вымышленными персонажами в книге присутствуют реальные лица — Хонеккер, Брандт, Дубчек, Гусак, Кадар, Брежнев, Андропов, Горбачев, Ельцин, Евтушенко, Меркель и др.

ЗОНА ЭНТУЗИАЗМА

(отрывки из романа)

Прага 1968

На субботу 17 августа в пражском дворце Грзанского было созвано совещание руководства КПЧ совместно с журналистами, на котором предстояло обсудить общую стратегию в канун XIV съезда КПЧ. Совещание имело ключевое значение, поскольку высшее чехословацкое руководство знало, с каким пристрастием следила Москва за средствами массовой информации Праги и Братиславы. В числе присутствующих были председатель правительства Олдржих Черник, председатель парламента Йозеф Смирковский, председатель Национального фронта Франтишек Кригель, Честмир Цисарж, Вацлав Славик и другие. Не было только Александра Дубчека. На настойчивые вопросы журналистов по этому поводу политики отвечали уклончиво. Кто-то сказал, что он в аэропорту, провожает румынского президента Николае Чаушеску, который в этот день завершал свой официальный визит в Чехословакию. Кстати, это была уже вторая «провокация» Дубчека, как назвал этот визит Брежнев. Первой стал визит югославского президента Иосипа Броз Тито две недели назад. Как Тито, так и Чаушеску удостоились в Праге великолепного приема. Только эти двое из всех коммунистических вождей открыто поддерживали реформы Дубчека и однозначно отвергли возможность любого вмешательства извне в дела Чехословакии.

Неловкие отговорки политиков прервал торжествующий возглас одного из журналистов: — Да ведь Дубчек в Комарно! Его туда экстренно вызвал шеф венгерских коммунистов Кадар!

Журналисты после этих слов вопрошающе поглядели на политиков, но те молчали. Всем было ясно, что такая встреча не могла состояться без ведома Москвы. Мрачные предчувствия подтвердил Франтишек Кригель: — Дамоклов меч висит над нами на такой тонкой нити, что невозможно даже представить. Наступило долгое молчание. — Так значит, нам объявили ультиматум, — вымолвил один из журналистов. Молчание так никто и не нарушил.

Ни кто-либо из присутствующих, ни Дубчек с Кадаром в Комарно не подозревали, что Политбюро ЦК КПСС, которое как раз в эту минуту заседало в Москве, единодушно проголосовало за предложение Леонида Ильича Брежнева о вводе войск в Чехословакию.

Братислава 1968

В студенческой комнатке зудел комар, и это в дополнение к жаре гарантировало, что Балаж вряд ли хорошо выспится ночью. Ближе к рассвету ему вроде бы удалось задремать, но будильник нарушил его сон. Балаж стал с раздражением натягивать рабочие брюки, затвердевшие от цемента. Термометр показывал двадцать градусов, хотя было всего четыре часа. Он подрабатывал на строительстве трамвайных путей до нового братиславского района Штрковец. Они возили цемент из Рогожника для огромных бетономешалок, расположенных возле карьера посреди садов. Вдоль путей строилась и двухполосная бетонная дорога до Вракуня.

Балаж жил на углу улиц Белопотоцкого и Леготского, неподалеку от Главного вокзала. Утренним поездом он ездил до Трнавы, где шофер Фери ждал его у станции, и оттуда они отправлялись на Рогожник. Настроение у него сегодня было хорошее. Они с Фери договорились, что закончат работу пораньше и вечером пойдут на матч Кубка Центральной Европы по футболу между клубами Спартак (Трнава) и Црвена Звезда (Белград). Обычно он не завтракал, а брал с собой приготовленный заботливой мамой бутерброд с кружочками лука и перца, и в полпятого уже садился в старенький поезд с деревянными сиденьями. На вокзал он обычно шел коротким путем, пересекая улицу Малиновского возле летней веранды ресторана, мимо корпусов «Десятки», потом, не доходя до туннеля под путями, вверх по ступеням и сразу оказывался на Главном вокзале.

Сегодня он тоже спешил. Но, не успев отойти от дома, с удивлением услышал необычный звук. Балаж учился на первом курсе Высшей школы экономики, а экономисты проходили обязательную военную подготовку в танковых войсках. Поэтому скрежет гусениц, долбящих твердое покрытие, он различил бы и во сне. Чем ближе подходил он к улице Малиновского, тем сильнее был этот звук, превратившись под конец в грохот.

Вверх по улице двигались танки. Т-52 и несколько старых Т-34. Некоторые поворачивали на Жилинскую, другие шли по направлению к вокзалу. Ему пришлось в голову, что танки, наверно, идут на Фиршал, где в день Победы устраивали военные парады. Обычно в этот день по улицам Братиславы проходили три танковых подразделения в сопровождении нескольких бронетранспортеров. Но тут же он подумал, что для военного парада танков что-то слишком много. Да и какой может быть парад? Сегодня не 9 мая, а 21 августа. Наверно, хотят снимать какой-нибудь фильм о войне. В те годы их снимали много. Поезд отправлялся через семь минут, надо было спешить. Перед зданием Главного вокзала тоже стояли танки. Только здесь он заметил, что на них нет знака чехословацкой армии, а нарисованы какие-то странные белые полосы, которые тянулись горизонтально вдоль корпуса и вертикально, крестом пересекая башню. Часы показывали двадцать пять минут пятого, и у вокзала было немногочисленно. Он побежал по ступеням к вестибюлю, но у входа стояли солдаты и не пропустили его. И он вдруг сообразил, что солдаты говорят по-русски.

— Пропустите меня, мне надо на поезд до Трнавы.

Солдаты, стоявшие с сигаретами во рту, безразлично посмотрели на него.

— Слушайте, — заговорил он по-русски, повысив голос. — Слушайте, мне надо на поезд. Я работаю в городе Трнава.

— Никакого поезда нет. Ничего нет. Иди домой!

— Но... меня Фери ждет.

— Иди домой!!! — раздраженно прикрикнул на него солдат. Балаж повернулся и пошел вниз по ступеням. Он включил транзисторный приемник. «Войска стран Варшавского договора в ночь с 20 на 21 августа вступили на территорию Чехословацкой республики. Убедительно просим граждан сохранять спокойствие. О дальнейших шагах высшего партийного и государственного руководства мы будем вас информировать...» Из приемника полилась траурная музыка. Балаж шагнул вниз по лестнице, и ему казалось, что все это дурной сон. Он не мог поверить, что Советский Союз так поступил с его страной, убеждал себя, что это какое-то недоразумение, и в течение дня все прояснится. Он еще не знал, что ночью 20 августа в 23 часа началось вторжение войск под кодовым названием «Операция „Дунай“».

«Мы прочитаем вам заявление Президиума Центрального комитета коммунистической партии Чехословакии». Радиостанция «Чехословацкое радио в Словакии» прервала траурную музыку, и послышался взволнованный голос женщины-диктора: «Вчера, 20 августа, около 23 часов вечера войска Советского Союза, Польской народной республики, Германской демократической республики, Венгерской народной республики и Болгарской народной республики перешли государственную границу Чехословацкой социалистической республики...»

Он сел на ступени. Рядом с ним сидели две женщины и плакали.

— Не плачь. По радио говорили, что нам на помощь придут американцы... — успокаивала одна другую. Балаж закурил сигарету и дослушал сообщение. Войска Варшавского договора начали крупнейшую с конца Второй мировой войны военную операцию в Европе: 27 дивизий, 300 000 военнослужащих, 6 000 танков, 1 000 самолетов, 2 000 орудий и неуставленное количество специальных ракетных подразделений, направленных против врага, которого не существовало...

Он докурил сигарету и бросился домой. На углу Жилинской и Малиновского русский танк только что повалил электрический столб. Возле танка стояли люди и грозили советским солдатам кулаками. Он снова включил транзистор. Диктор зачитывала «Обращение ко всему населению Чехословацкой социалистической республики», в котором Дубчек, Свобода, Смирковский, Черник, Кригель и другие руководители государства призывали граждан сохранять спокойствие и не допускать кровопролития. «Мы обращаемся ко всем гражданам нашей республики с просьбой сохранять спокойствие и не оказывать сопротивление вооруженным силам, которые сюда направляются».

От неожиданности у него на лбу выступила испарина: прямо к нему двинулся русский солдат, что-то нервно крича и целясь в него автоматом.

Чем больше Балаж узнавал прусскую натуру граждан ГДР, тем больше он убеждался в том, что если кому-нибудь и удастся построить социализм, то это будут восточные немцы. Во времена, когда Ленин утверждал, что социализм — это порядок плюс электрификация, он даже и не подозревал, как угодил словом «порядок» восточным немцам. Бесспорно, угодил он и жителю Берлина, который мог стоять в минус пять градусов на переходе неподалеку от Франкфуртер Аллее, если горел красный светофор. Балаж подошел к переходу через улочку шириной около четырех метров и спокойно, в присутствии ожидающего, когда загорится красный свет, человека пересек ее. Было половина третьего утра, и вокруг не было ни одной машины. Человек что-то прокричал ему вслед, но продолжал терпеливо ждать, когда зажжется зеленый. Потом он догнал Балажа, громко ругая его за то, что тот нарушил правила, пошел за ним. Он продолжал ругаться до тех пор, пока оба они не подошли к другому пустому перекрестку. В это время как раз загорелся красный светофор, и рассерженный мужчина перешел дорогу вместе с Балажем.

— Если вы не прекратите, я позову полицию. Это вы нарушаете правила. Вы перешли на красный! — Мужчина испугался и исчез. В эту минуту вера Балажа в смелость строителей социализма в ГДР почти исчезла.

В газете центрального комитета Социалистической единой партии Германии «Нойес Дойчланд» он прочитал, что Министерство здравоохранения объявило кампанию за здоровый образ жизни. Гедээровские средства массовой информации регулярно призывали людей заниматься спортом, рассказывали о здоровом питании и об отдыхе. «Нойес Дойчланд» печатала рецепты фруктовых и овощных салатов, а также сведения о содержании витаминов в отдельных видах овощей. Все это было великолепно, за исключением того, что в магазинах, где продавали овощи и фрукты, как правило, можно было купить лишь плетеные корзинки для овощей, садовые принадлежности и массу других полезных вещей. Единственное, что там нельзя было найти, так это фрукты и овощи. Из свежих овощей на прилавках лежал лишь зеленый лук. Люди покупали его, хотя он был без луковиц. Когда Балаж спросил продавца, где луковицы, тот посмотрел на него так, будто он свалился с неба, и сказал: — Ты — приезжий? — Балаж кивнул. — Druben... на той стороне. — На той стороне означало в Западном Берлине.

Новичок Балаж не знал, что Хагер хотя и ходит в магазины, но только в поселке Вандлиц. Он не знал, что члены политбюро и правительства ГДР не живут рядом с рядовыми строителями социализма, они живут уже при реальном социализме, в том самом лесном поселке, севернее от Берлина. В Вандлице, обнесенном высокой стеной с колючей проволокой и электронной системой защиты, были расположены десятки домов, площадь которых в среднем равнялась двумстам квадратным метрам. Средний размер трехкомнатной квартиры в панельном доме был шестьдесят метров, конечно, при условии, если человек ее получал. В Вандлице он ее получал. Однако все граждане ГДР в Вандлиц не вместились, некоторые оказывались за его пределами. Обитатели Вандлица были счастли-

вы, только вот лишних девяносто девять процентов им мешали. Те, что были внутри, имели в своем распоряжении спецшколы, садики, больницу, бассейны, спортивные площадки, но, прежде всего, — магазины, где можно было купить все самое лучшее, что было в ГДР. А все самое лучшее в социалистической ГДР было из капиталистического Запада. Ежедневно в магазины Вандлица приходили свежие товары из близлежащего Западного Берлина. А так как каждая семья имела по две прислуги, жены номенклатурных работников с радостью посещали эти магазины, потому что их огромные покупки по дотированным ценам было кому отнести домой.

Чтобы представители цвета нации могли разогнать тоску, они изобретали различные забавы: охота в государственных заповедниках, отдых в шикарно обставленных и предназначенных для избранных отелях Руаны, покупки в Западном Берлине или первомайские праздники. Последним они придавали особое значение — особое, потому что вместе со определенной частью населения представители цвета нации демонстрировали, как они любят друг друга. Товарищи наряжались в праздничные одежды и с нетерпением ждали совместного обеда в правительственной резиденции в Нидершененхаузене. А перед этим все они еще отстояли на праздничной трибуне, с которой махали переполненным энтузиазмом трудящимся. В свою очередь переполненные энтузиазмом трудящиеся махали им. Первомайские праздники во всех соцстранах представляли собой организованный энтузиазм. Однако ни в одной стране они не были организованы с таким совершенством, как в Германской Демократической Республике. В отличие от других соцстран восточно-германские товарищи поняли, что если энтузиазм будет сконцентрирован на небольшой площади, в короткий промежуток времени и на незначительном расстоянии, то он будет более мощным. Для того чтобы участие трудящихся было многочисленнее, их привлекали различными лакомствами. В уличных ларьках можно было купить фрукты, сладости, пирожные, колбасы и даже пиво таких марок, которые в обычные дни достать было невозможно. Именно поэтому участие в первомайских праздниках в Восточном Берлине было всегда высоким.

Кроме первомайских праздников в Восточном Берлине существовали и другие места, где собирались граждане, — это изысканные магазины. Например, перед магазинами «Фейнкост», где можно было купить продукты домашнего производства, или «Интершоп». В «Интершопах» покупали товары, привозимые с Запада. Кофе «Якобс», шотландский виски «100 Пайперс», жвачки, косметику, тейлоры, шоколад марки «Милка», фотоаппараты «Практика» и другие привлекательные товары. За все платили, естественно, твердой валютой. В редких случаях, когда появлялась в «Интершопах» спаржа, количество покупателей в магазинах могло конкурировать с количеством участников первомайских праздников. Балажу даже казалось, что лица тех, кому удавалось достать спаржу, светились большим счастьем, нежели лица тех, кто махал Хонеккеру, Мильке, Кренцу и другим руководящим товарищам, которые буквально толпились на трибуне, расположенной на одной из самых широких улиц — улице Карла Маркса.

Однако большинство участников первомайских праздников не знало, что такое спаржа, поэтому счастье, которое излучали их лица, было настоящим. Настоящим в зоне энтузиазма. Зоной энтузиазма народ называл пространство перед главной трибуной, обозначенное белыми линиями, которые были нарисованы поперек улицы Маркса. Балконы панельных зданий, окаймлявших улицу Маркса, обычно затягивались красным сукном, трибуна закрывалась красным полотном, на лацканы товарищей, которые стояли на трибуне, прикреплялись красные гвоздики. Красное море дополняли пионеры в белых рубашках с синими галстуками и в синих остроконечных шапочках.

Бесконечная демонстрация трудящихся медленно тянулась от Штрассбергер Платц к трибуне. На трибуне были расставлены телевизионные камеры ГДР, которые снимали все, что происходило в зоне. Усталые и скучающие трудящиеся стояли на улицах с раннего утра. Они собирались на отдаленной Франкфуртской аллее и в прилегающих к ней улицах. Все думали только об одном: скорей бы уж все прошло, чтобы они могли отправиться в пивные и съесть колбаски с пивом. Они немного нервничали, так как колбаски с пивом были дешевые и аппетитные. Поэтому их могли раскупить дармоеды, пассивно взиравшие на все происходящее с тротуаров. Однако перед тем как колбаски станут реальностью, необходимо было проявить энтузиазм. Ларьки с ароматными колбасками были расставлены уже за пределами зоны. Трудящиеся их уже чувствовали, они вдыхали ноздрями их аромат, у них текли слюнки, животы нетерпеливо предвкушали. Чем ближе были они к линии перед трибуной, тем внимательнее каждый из них смотрел себе под ноги, чтобы ее не пропустить. Трудящиеся с длинными волосами быстро убрали их назад, курящие гасили сигареты, женщины поправляли блузки, поспешно красили губы.

— Они чемпионы мира в спорте и в притворстве. Не могут дождаться, когда начнут славить тех, кого ненавидят, — ворчал себе под нос Балаж, наблюдая за демонстрантами, приближающимися к трибуне. Он презирал их. И сразу же ему пришла в голову мысль, что, если бы он был там, он бы вел себя так же. — Счастье, что тебя туда не послали. Может быть даже, ты бы пробрался в первый ряд, чтобы лучше видеть.

После того как демонстранты вступали в зону энтузиазма, раздавались крики во славу ГДР, СЕПГ, Хонеккера и других товарищей. Горбачева никто не славил. Если во времена Брежнева, Андропова и Черненко трудящиеся носили над головами и их портреты тоже, то теперь они уже не поднимали портреты Горбачева. Они несли в руках огромные изображения членских книжек СЕПГ и лозунги «Я — кандидат в СЕПГ», «Выполним указания XI съезда СЕПГ», «Навеки со страной Ленина», «За мир, за социализм» и т. п. Производители транспарантов имели возможность выбрать один из пятидесяти лозунгов, которые за три недели до первого мая опубликовала газета ЦК СЕПГ «Нойес Дойчланд». Другие лозунги не разрешались. Однако пятидесяти было достаточно даже для самых требовательных создателей лозунгов. Больше всего было тех реквизитов, которые могли быть одобрены любым цензором — красные флаги, флаги ГДР и других социа-

листических стран. Те, кто находился внизу трибуны, демонстрировали тем, что стояли на ней, как они их любят, а стоящие на трибуне, в свою очередь, платили им тем же. Когда демонстранты преодолевали белую черту с левой стороны трибуны, каждому было ясно, что они находятся вне зоны видимости камер. Зона энтузиазма закончилась. Трудящиеся выбрасывали транспаранты и остальные реквизиты в заранее приготовленные контейнеры, которые сразу же по окончании демонстрации оказывались на свалке. Разница между демонстрацией в Берлине и в Братиславе была только в том, что грязь после ее окончания на улицах Братиславы оставалась дольше, чем в Берлине.

Перевод А. Машковой и Л. Широковой

ВСПОМИНАЕМ...

Алла Машкова

ПОИСКИ УТРАЧЕННОЙ ЧЕСТИ, ЛЮБВИ И ДОВЕРИЯ ЛЮДЕЙ...

(К 110-летию со дня рождения Доброслава Хробака)

За свою недолгую жизнь Доброслав Хробак (1907–1951) написал немного. Кроме повести «Дракон возвращается» (1943 г., в 1967 г. на ее сюжет режиссером Эдуардом Гречнером был снят фильм), вошедшей в золотой фонд словацкой литературы, он был автором нескольких новелл, рассказов, критических статей по проблемам литературы и искусства. Будучи одним из основоположников течения словацкого натурализма, он активно использовал в своем творчестве достижения романтизма, которые уживаются в его произведениях с экспрессионистическим началом, символистской поэтикой, фольклорной образностью, а также с традициями западной литературы и русской классики (Ж. Жюно, К. Гамсун, Л. Франк, Ф.М. Достоевский). Подобная эстетическая неоднородность его прозы свидетельствует о постоянных творческих поисках писателя.

Родился Хробак в местечке Гыбе. В период 1918–1922 гг. учился в гимназиях Рожнявы и Липтовского Микулаша. Затем поступил в Высшую промышленную школу в Братиславе, а позже — в Чешскую высшую техническую школу в Праге (закончил в 1934 г.). После ее окончания работал инженером, директором Чехословацкого радио (1947–1951), преподавал электротехнику и электроакустику в Высшей электротехнической школе в Братиславе.

Человеческая и творческая судьба сложилась непросто, что отчасти определили некоторые свойства его натуры: он был человеком очень скромным, тонким, ранимым, постоянно сомневался в себе, был недоволен собой. Мало кто из словацких литераторов подвергался столь яростным нападкам критиков, как Хробак.

Сразу же после публикации дебютного сборника новелл «Приятель Яшек» (1937 г.) вокруг книги развернулась острая дискуссия: писателя обвиняли в плагиате. Однако, как оказалось, эти обвинения были напрасными: он всегда творчески относился к достижениям зарубежных авторов, руководствуясь лишь стремлением приблизить словацкую литературу к уровню литературы мировой, что было для того времени очень актуальным. После дискуссии критика на время как бы забыла о Хробаке. Да и сам он, глубоко переживая случившееся, не часто напоминал о себе: небольшие статьи, заметки, рецензии о словацкой культуре — это все, что он опубликовал. Ситуация изменилась после выхода в свет повести «Дракон возвращается», которая стала своеобразным ответом автора на злобную и несправедливую критику.

В новеллах сборника «Приятель Яшек» писатель воссоздает особую модель мира, призванную напомнить читателю о вечном, о божественном происхождении человека, о проблемах, имеющих общечеловеческую значимость, космический смысл. Изображаемый им мир призван поведать читателю о некогда существовавшем архаичном мире гармонии, первозданной чистоты («Лес», «Мужской разговор», «Последний раз» и др.). Однако герои некоторых новелл уже покидают этот мир, ибо их уже коснулась цивилизация, символом которой в новеллах стал город. Оказавшись в новом для себя городском пространстве, персонажи Хробака не находят там счастья: кто-то бежит из него («Авель Яриабек»), кто-то заканчивает жизнь самоубийством («Смекалистая Марта и заботливая

Дом в местечке Гыбе, в котором родился
Доброслав Хробак

Мария»), а кто-то морально деградирует («Приятель Яшек»).

Однако в связи с мотивом города Хробак видит и другое решение проблемы: возвращение в прежнее пространство, в деревню, к природе как олицетворению моральных и духовных ценностей. Именно в возвращении главной героини новеллы «Приятель Яшек» Этелки домой, в лоно природы, к настоящей любви автор усматривает единственный способ возрождения человеческой личности. Эта новелла, как и некоторые другие, где присутствует образ города, сочетает в себе поэтику натурализма с чертами экспрессионизма. Основу ее сюжета составляет повествование о похищении деревенской красавицы — Этелики — человеком без имени, без прошлого, бродягой, которого все называют «харкун». После довольно длительных поисков девушки, которые ведут молодой парень по имени Яшек, с первого взгляда влюбившийся в нее, и герой-рассказчик (автор именует его Сойчак), последнему удастся обнару-

жить ее в городе, где она зарабатывает для «харкуна» деньги проституцией. В итоге Сойчак доставляет Этелку в назначенное Яшеком время и место, чтобы влюбленные могли воссоединиться.

Все последующее повествование раскрывает и уточняет смысл и значение образа каждого из героев, а, следовательно, представление о добрых и злых силах, олицетворением которых является городское и деревенское, природное пространство. Образ Яшека поэтизируется, обретает характер сказочного персонажа, способного творить чудеса. Этому подчинены средства изображения, в частности, портрет, поступки героя, свидетельствующие о необычной внутренней силе и отличающие его от обычных людей: «...его глаза излучают свет звезд и солнца, и весь он переполнен соками, вытекающими как из здорового пня, когда в него глубоко вонзается топор. Он таит в себе всевозможные чудеса, дающие возможность траве расти, птицам летать, ветру дуть, огню гореть, а зеленой хвое благоухать...» и т. п. Библейские мотивы, обращение к библейскому пространству, характерное для многих новелл Хробака, в новелле «Приятель Яшек» не только активизируется, но и обретает новый смысл: оно придает трансцендентный характер образу «естественного» человека и миру, его окружающему.

Соединение природного, естественного начала и начала божественного присуще и образу Этелки. Дитя природы, она, оскверненная (в данном случае город — злая сила, виновник несчастий), остается чиста, подобно Деве Марии (именно такие ассоциации вызывает ее облик у Сойчака, когда он за-

стает Этелку в комнате проститутки). Символична сама сцена переодевания девушки в крестьянские одежды перед возвращением в родной дом (переход из замкнутого пространства комнаты в как бы распахнутый мир природы). Эта сцена носит обрядовый характер, олицетворяя собой освобождение от злых сил, вхождение в мир добра. Вместе с тем, она — приговор городу и его морали, который в дальнейшем подкрепляется романтическим пейзажем, сопутствующим встрече Яшека и Этелки (своего рода вхождение в пространство «райского сада», в мир гармонии).

Особую группу в творчестве Хробака составляют новеллы, действие которых происходит исключительно в городском пространстве и которые написаны в русле экспрессионизма («Голые стены», «Силуэт», «Адю, Чарли»). Уже герою новеллы «Авель Яриабек» были присущи черты персонажей многих городских рассказов — героев-одиночек, немного странных людей, а порой и просто чудаков. Все они тяготеют своим одиночеством, стремятся избавиться от него, меняя образ жизни или пытаясь совершить поступок. Однако это редко им удается: их попытки, как правило, заканчиваются крахом. Обычно герои экспрессионистических рассказов Хробака умирают либо духовно, либо физически. Изображая поединки человека со смертью, автор возводит ее в ранг истины, которая обнажает изначальную суть человека. При этом каждый из героев умирает в одиночестве и у каждого из них — свой путь к этому пределу. Кербель («Голые стены») умирает в больничной палате, Эвелина («Силуэт») — в своей комнате, Карол

(«Адю, Чарли») — на сцене, в танце, который стал для него своеобразной попыткой бегства от одиночества.

В русле экспрессионизма написана и новелла «Возвращение Ондreja Балажа», действие которого происходит после окончания Первой мировой войны. Проведя семнадцать лет в сибирском лагере в качестве военнопленного, Ондрей Балаж возвращается домой, в Словакию. При входе в деревню на глаза ему попадает надгробие, на котором выгравировано его собственное имя: все, в том числе и его жена, считают его погибшим. При встрече жена не узнает Ондreja. Чтобы не разрушить ее счастье, герой, выдав себя за друга Ондreja, рассказывает ей вымышленную историю о своей смерти, передает вещи, якобы принадлежавшие погибшему. В свою очередь от жены он узнает о смерти дочери, о новом муже и детях. В итоге, так и не узнавший собственной женой, Ондрей покидает деревню.

Вершинным произведением Хробака стала повесть «Дракон возвращается», основная идея которого сформулирована автором в эпиграфе, заимствованном из романа Дж. Конрада «Лорд Джим» (1900 г.): «Поиски утраченной чести, любви и доверия людей — вот благородный сюжет для героической повести». Эти слова, содержащие глубокий философский смысл, относятся к центральной фигуре произведения — Мартину Лепишу по прозвищу Дракон. На его примере автор пытается осмыслить проблему, имевшую и для него самого большое значение, а именно: проблему возвращения человеку доброго имени, реабилитации его чести и достоинства. Вспомним историю с изданием книги «Приятель Яшек», незаслуженным обвинением ее создателя в плагиате. Вероятно, именно эти события подтолкнули Хробака к раздумьям над проблемами судьбы, чести, достоинства, доверия людей.

Доброслав Хробак

ЛЕС

Лес, лес, лес. Всюду лес...

Это был лес особенный, густой, лес, к которому не прикасался топор, лес, вечно шумящий в унисон с твоим настроением. Он был, словно мудрая женщина. Тебе грустно — и он опускал свои ветви, начинал плакать, постанывать, запевал песню о прошлом, тихонько, без слов, спокойно. Тебе весело — и он отзывался: расправлял ветви, посвистывал... Это был старый, нетронутый, чистый бор; он мог понять твою печаль, умел порадоваться с тобой.

Таков был этот лес, теперь таких уже нет!

Хотя до ночи было еще далеко, однако уже начало темнеть. Целый день в лесу царил тишина, только издали приближался шум ветра; он нагибал кривые сосны вправо и влево, танцевал по вершинам ровных высоких елей. Закрутился, промчался, но не остановился. Лес закачался, пригнулся, загудел. Его вздохи становились все сильнее, глубже. Лес нахмурился!

— Вон, сова ухает, — подумал парень, который гнал волов в направлении темных елей. — Знаю я, почему она ухает. Боится, ушастая; дракон, наверное, появится, и ураган будет, деревья попадают. Вон, и осина боится, она всегда что-то шепчет, молится, озорница, — ничего-ничего, она всегда так, а вот береза, девочка, съежилась. Ну, да, да, я точно знаю, беда будет!

Лес нахмурился. Деревья пели жалостливым, глубоким голосом странные грустные псалмы. Ели стонали, сосны гудели, осины дрожали, ветер завывал в расщелинах и дырах.

Начинается буря!

А парень — ни то чтобы он боялся бури, а так, на всякий случай, зашел в пастушью хижину. Псы лаяли, пастухи, готовясь к дойке, относили ушаты на телегу. Возле стены сидел старик и строгал из ракиты ковш: несмотря на плохое зрение, он был мастером в этом деле.

— Пошли, Господи, вам счастья! — приветствовал парень пастухов.

— Пошли, Господи! — поблагодарил чабан — мужик крепкий, но сгорбленный от постоянных нагибов в хижине; он не обращал на парня внимания. Не положено.

— Помоги тебе, Господи, деда; но ведь ты же не видишь, что строгаешь.

— Благодарствую, услышь тебя, Господи, сын мой. Куда же ты собираешься и ты ли это?

Старик всегда вот так спрашивает, никого не узнает, память у него ослабла, глаза не видят, а с прошлой зимы начал кашлять.

— Так, так, знаю, ну да. Это ты, но как же ты вырос. Ну да, ведь твой отец, вечная ему память, ведь его медведь заломал, тоже ведь был особенный, дуб с корнем вворачивал, пока это несчастье с медведем в Жуберовой не случилось.

— Эх, деда, в голове у тебя все перемешалось, ведь ты много всего повидал на свете, ведь это дядю Хомовых медведь прикончил.

— Ну да, ну да, правда, запомнил, голова стала как сито. Садись сюда. На бревно. Расскажи, что нового в мире, Юро Махалу, который еврея поджег, уже выпустили?

— Ну да, выпустили, уже давно выпустили, — он присел рядом с дедом на бревно.

— Так, так, парень, пора заканчивать с хозяйством, надо отдохнуть, много всего я испытал, много повидал на свете. В далеких краях побывал, со многими людьми познакомился.

Старик покачал головой, посмотрел белесыми глазами в пространство между ветвей деревьев. Казалось, он вспоминал дальние края, минувшие времена.

Два существа, лес и старик, смотрели друг на друга. Старые, мудрые, испытанные временем они смотрели друг другу в глаза. Оба ждали смерти: старик покончит с хозяйством, а лес повалится, как лавина, под ударами топора дровосеков и под ногами дракона. Лес был страшен, серое облако нависало — чем дальше, тем страшнее — из-за растущих вокруг поляны с хужиной сосен, которые склонялись, тряслись под гулким отдаленным продвижением дракона. Страшней леса не было, исчез пестрый ковер цветов, от которых исходила лесная свежесть; цветы склонили свои головки, закрыли чашечки, шепча Отче наш. Время от времени слышалось гудение тетеревов, крик ястреба, торопящегося в гнездо. Совы сегодня не охотились. Весь лес дрожал. Еще вчера, год назад, сосны сопротивлялись ветру, а сегодня — Боже, сохрани и помилуй — сегодня они стали старше, сил у них поубавилось, может, они и не выдержат. Лес был будто покойник: страшный до жалости. Старик был тоже похож на покойника; они походили друг на друга. Они совершали соборование.

Тень пробежала по лицу старика, его губы шевелились (что они шептали?), а глаза, почти не видящие глаза, в упор смотрели между ветвей. Старик вспоминал, лес шумел, сосны гудели. Странно и тоскливо было у парня на душе, он смотрел на лицо старика и слышал стоны гор. Временами эти стоны были тихие, едва слышные, будто где-то грешная душа просила о помиловании, а порой они превращались в настоячивые жалобные крики, напоминавшие завывания тура, корчившегося в предсмертных судорогах. Потом они переходили в рыдания, которые затихали в дуплах деревьев. В шалаше горел костер, легкий свет струился

сквозь его щели в темноту. Пастухи створжили жинчицу, а затем, покурив, начали ее сцеживать. Той ночью они почти не будут спать — они боятся за овец, которые сбились в кучу, толпились в углу сарая в ожидании молнии.

Становилось душно; раздался рев рогача, старик вздрогнул.

— Давай сядем на порог, парень, здесь так не дует! — Они сели. Старик откашлялся: что-то попало ему в горло.

— Эх, сынок! — Он стал вспоминать. — Хочешь, я тебе что-то расскажу? Другим я бы не стал рассказывать — они бы начали смеяться надо мной, не поверили бы старику. Помню, было это давно. Ну, так слушай, если хочешь, я тебе поведаю.

Было это так. Знаешь, этот Юро, что лежит на лавке, ведь он тебе какая-то родня. Ну, да. Да, по отцу. Хотя тот его и не знал, это я его воспитал, сироту несчастную. А его отец был человек крепкий, волка не побоялся, когда тот забежал в хлев. Да, не побоялся, храни тебя, Господь, а если бы на своем участке он поймал тебя за браконьерство, душу бы из тебя вытряс. Знаешь, ведь он был лесником; однажды он понравился пану, потому что, как я уже говорил, был он человек крепкий, безжалостный к преступникам. Он любил только три вещи на свете: свою жену, ружье и гору — за них он бы голову в капкан засунул. Вот такой это был человек.

Ну, да, как я уже тебе говорил, понравился он пану, а тот ему без обиняков и говорит: — Ну и дурак же ты, Кубо, гоняешься за овцами, да баранов за мошонку тащишь. Вот только, — говорит он, — время впустую тратишь. Нет, чтобы придти ко мне лесником работать, зверей сторожить.

Кубо ничего не ответил, не произнес ни звука, не хотелось ему с пастбища уходить.

Эх, не хорошо это, — говорит пан, — другой бы от радости до потолка прыгал, если бы его позвали. В пастушьей хижине валяться, — продолжил он, — не грех ли это. А тебе было бы хорошо у меня. Дом, сторожку построю, так что из леса не уйдешь. Хорошо?

Кубуш молчит, мнет в руках шапку, боится пана разгневать, но из пастушьей хижины ему уходить не хочется.

— Нет, — говорит, — не пойду, пользы вам от меня никакой.

— Ну, что ты за человек такой, Кубо, — молвит пан, — я тебе ружье дам, жену себе приведу. — Пан хорошо знал, чем заманить Кубо, — пообещал ружье, двустволку.

— Коль так — пойду!

— Ну, и хорошо! — Взял Кубуш кочергу; повесил на нее мешок с сыром, галенуи пошел за паном

Жил Кубо в горах с женой, которую он привел из долины. Поверь, молодая она была и красивая, и любили они друг друга. Вот так, парень, ты слушаешь? Жил он поживал, привык к лесной сторожке, браконьеры его боялись, правда, боялись. Некоторые жизнью заплатили. А бабу, жену свою, держал в строгости, хотя и любил ее. Ага, в самом деле, вот такой он был чертов мужик. Не раз он ее, беднягу, прутьями угощал — она должна была слушаться, он только

глазом поведет, а она уже дрожала. Эх, правда, такого человека и с фонарем не отыщешь, сын мой. У него есть жена, он ее любит, руку бы за нее положил на плаху, а вот приласкать — не умел. А она — и в огонь бы за ним пригнула. Бедняга несчастная, лишь ночью, когда он спал, она ему крпец поправляла. Вот так, трудно поверить, но я-то знаю, сам видел, как все было. Ночевал у них. Вот так.

Никогда ни хорошего человека, ни зверя Кубо без причины не обидел. Любил он только серн, диких коз (как он их называл). Он бегал за ними, гонял их по ущельям, ловил веревкой. Бог знает, почему они так ему нравились, может, потому, что были такие юркие и могли увернуться, а может, еще почему-либо. А эти серны — пусть они подохнут — те были его погibelью. Ох, Кубуш, Кубуш не был плохим человеком, но он был упрямец: никто не смел ему воспротивиться, а если вдруг такое случалось, он долго свистел по луговине.

Однажды, парень, Кубо встал, обул крпцы, взял валашку и отправился к откосу за сернами. Как я уже сказал, любил он их, порой и целый день мог за ними бегать, карабкаться по склонам, в кровь раздирать себе руки и ноги, но раны он всегда себе зализывал. Гана, жена его, даже в эти минуты не смела к нему прикасаться. А была она молодка гладкая, правду тебе говорю, парень, теперь уже женщин таких и нет. Другой бы, даже мертвый, ожил бы под ее руками, а он — нет; она даже приближаться к нему не смела, а не дай Боже прикоснуться, вот как она его боялась, несчастная.

В тот день сам дьявол — Господи прости — встретился ему на дороге козел-самец; ей-богу, это был юнец, ему и года не было. Хмыкнул Кубо себе под нос и двинулся за ним. Сначала он осторожно ступал по мху — ни камня не коснулся, ни глазом не моргнул. Умел он бегать. И вдруг — гоп, он уже держит его за заднее копыто. Однако это был мощный зверь — встряхнул задом, и Кубо распластался на земле.

Нет, парень, не найти тебе такого мужика. Морда у него была вся разбита, был он весь в крови, но серну не отпустил. Вбежал за ней на скалу, да так высоко, что другой бы уже сто раз скатился, пока на нее забрался, а он — два — три прыжка — и уже отплясывает наверху. Однако на сей раз ему не повезло: серна уже давно прибежала к стаду, а Кубо — Господь его знает как это случилось — кувыркнулся, — может, у него крпец поскользнулся, а, может, потому что был он злючка, или ему так уж было ему суждено, — упал, несчастный, скатился прямо в долину.

Ждет Гана мужа, ждет, шерсть прядет, в муже все нет. Вечер наступил, а Кубо нет, ни слуха, ни духа о нем. Не идет Кубо.

Испугалась голубка моя Гана, отложила полотно и пошла искать. Боялась она, что он побьет ее, когда вернется и не застанет ее дома, и побьет ее, обругает легкомысленной, но все же пошла. Знала она, несчастная, что утром он взял с собой веревку для серн, и отправилась прямо к скалам, где видела их.

Ах, Боже, была ночь, а она — такое слабое создание, одна-одинешенька, при луне ищет мужа, плачет, причитает: — Люди добрые, сжальтесь, найдите его! Якубко, Кубуш мой дорогой, Кубушко, голубок, где же ты. Ах, соколик мой яс-

ный. — Вот так она говорила, давала ему разные имена, такие, которых даже ангелы не заслужили бы.

И тут — Боже милостивый — она видит его, он лежит, сокол ее несчастный, растянувшись на мху, месяц на него светит, рубашка его белеет, пряжки сияют на ремне, валашка с ободком возле него блестит.

Увидела она его, подбежала к нему: кровь у него на голове, кровь на руках, кровь на белой рубашке.

Слезам его оживила, знаешь, сынок, трудно поверить, но слезы имеют животворящую силу. Слезам его оживила, слезам умыла.

— Ах, Ганушка, душа моя, Бог меня покарал, наказал. Прости меня... извини! Мучаюсь я... не выживу. Все во мне разбито, — говорит он, едва переводя дыхание, неподвижный, весь был переломанный. — Там возьми... возьми валашку, ударь меня обухом... Доброе дело сделаешь... облегчишь мои страдания... Прости тебя, Господи.

Смотрит Гана, голубица сизая, смотрит сквозь слезы на Кубуша — не понимает его.

— Ударь меня, — снова говорит он, — ударь вот здесь, над ухом. И помолись надо мной, грешен я был, людей бил, тебя мучил. Помоги мне, Господи! — Говорит он ей. Пока он это молвил, кровь трижды его заливала. А она стоит перед ним на коленях и опять ничего не понимает. Только целует его, кровь вытирает.

Видит Кубуш, как тяжело ей, и думает: — С бабой конца не дождешься. — Зарычал на нее. Она вздрогнула и уставилась на него. А он ей, несчастной, так резко, чтобы, мол, она его этим обухом ударила. Боялась очень Гана мужа, знала, что никогда, пока вместе кашу с молоком ели, никогда ему не перечила. Боялась его и сейчас, а, может, тогда уже и умом двинулась. Взяла она валашку, ударила его, и настал ему конец.

Вот так, парень, скончался Кубуш. Утром нашли его пастухи, сказали пану. Пан Куба пожалел, поплакал и поставил памятник. Там он и лежит под елью в долине. Теперь нет таких людей, да и время совсем другое, эх, помню я. Грош был с лопату, торчал из кармана, а ложка на два-три глотка. Теперь таких нет.

— А Ганка, что с Ганкой, деда?

— Что? С Ганкой? О ней ничего не известно; отец небесный знает, что с ней стало. Некоторые поговаривают, будто она, мол, разумом тронулась, сошла с ума и умерла в горах; другие утверждают, что от тоски покончила с собой — кто его знает. Бедняжка, тяжелая у нее была жизнь, но на то воля Божья. — Вот так, сынок, я тебе все рассказал, что сам знаю. Ну, пошли спать, молоко уже сцедили. Пора.

Они долго не могли уснуть, костер все еще горел, пастухи, беспокоясь об овцах, все время выходили из пастушьей хижины, чтобы их проведать. Еще долго слышалось блеяние овец вперемешку с раскатами грома. По всему склону раздавались глубокие стоны. Деревья пригибались до самой земли, гора трещала и стонала, ветви обламывались на ветру. И вдруг, словно меч пронзил завесу темноты, мрачные вершины елей осветились ясным голубоватым светом. Сверкнуло!

Раздался гром! Заревел склон, затряслась пастушья хижина, послышался резкий размеренный звук, будто два больших камня ударились друг о друга, а затем последовало сто громахающих, ужасных и мощных раската. Казалось, что в темноте ссорятся духи леса, визжат, колотят, воют, завывают, зовут. На минуту стихло — пошел дождь, который большими каплями бил по деревьям, ударял на ветру по крыше пастушьей хижины. Вода в канавках, подхватывая щепки и камни, неслась в долину. К шуму дождя примешивался грохот умирающих деревьев и раскаты грома, которые отражались от оврага десятикратным эхом, а затем затихали слабым ревом в долинах. Пастухи были на чеку, они постоянно заклинали дракона, бегали к овцам. Старик сидел на лавке, спустив ноги, смотрел на догорающий костер и, когда молнии освещали хижину, крестился и читал молитву. Парень прятал голову в полубух, чтобы ничего не видеть. Так продолжалось до тех пор, пока дождь ни стих, и пастух ни вошел в хижину со словами: — Ну, все закончилось, Господь помог.

Перевод Аллы Машковой

Наталия Шведова

Мирослав Валек

СЛОВО ПОЭТА

(К 90-летию со дня рождения Мирослава Валека)

Мирослав Валек (1927–1991) — выдающийся словацкий поэт второй половины XX в. Обостренная чувствительность соединяется в его стихах с бесстрашным погружением в философские глубины. Он блистательно владел как силлабо-тоническим рифмованным стихом, так и верлибром, создавая порой гибридные формы. От юношеских лирических миниатюр Валек пришел к современной, свободно скомпонованной поэме. Многие в его стихах — неожиданные образы, столкновение несочетаемого, эпатирующие детали и другое — связывает его со словацким сюрреализмом (надреализмом), расцвет которого парадоксально пришелся на годы Второй мировой войны. Окружающий мир в стихах Валека предстает нередко в трагических изломах, но две ценности — любовь и поэзия, — как и у надреалистов, для него становятся спасением, порой мучительным.

Валек опубликовал первые стихи в 1940-е гг., но его дебютный сборник, «Прикосновения», вышел только в 1959 г. За ним последовали книги «Притяжение» (1961), «Беспокойство» (1963), «Любовь в гусиной коже» (1965). Он писал также замечательные, полные игровых неожиданностей стихи для детей, узнаваемо переводил Андрея Вознесенского и других поэтов, в том

числе Поля Верлена, публиковал литературно-критические статьи. В 1970-е гг. у Валека выходят поэмы «Слово» (1976) и «Из воды» (1977), сонетный цикл «Картинная галерея» (1980). С переводами на русский язык ему до поры не везло: даже именитые поэты, переводя стихи по подстрочнику, часто теряли стиль, а иногда и содержание оригинала. Автором этих строк подготовлена большая книга переводов, которая — хочется верить — дождет издания.

Судьба Валека — министра культуры Словакии в 1969–1988 гг. — сложилась далеко не просто, но нам остается главное: стихи высокой пробы.

Спички

Печали спичка ловит потихоньку
(нет, имени давно не важен звук),
и одиночество уже в прихожей,
напоминает мне итог разлук.
Сквозь полночь тянется; вдруг загорится
и то, что сожжено, — где край тех мук?
Дождь пальцем за крыло поймает птицу,
и капель, как камней, в окошко стук.
А спичка давности зажжется снова,
и, как тогда, огня тревожит круг;
ее любил я; но не нужно слова,
ведь имени давно не важен звук.
Вот локон русский сонно заструился,
и серых глаз туман в изгибе рук —
другая ты, я тоже изменился,
и имени давно не важен звук.
Ломаться спичка стала утром ранним,
дымок, колеблясь, поползет за ним,
всем выдаст сущность тех воспоминаний,
создав рисунок тонкий, словно нимб, —
сломлено сердце, губ призыв упруг,
но лгут они: давно не важен звук.

Осенняя любовь

Любовь — убийственный богач и всё пообещает,
но изменивший любит вновь, а кто любил — нищает.
Пыль долгих, грустных летних дней опавший лист покрывала.
Она лишь после поняла, что так его любила.
И ежегодно осенью свет из души уходит,
а человек, как дикий конь, от сердца к сердцу бродит,
готов пред каждым умирать, не хочет жить с тоскою,
хотел одно б себе забрать; и всё равно, какое.
Картинку, может быть, всего, а может, тень былого.
Но перед целью встанет он: *его* где сердце снова?
От всех картиночек идет дурман витиеватый:
любовь была или разлад? Любовь, была глупа ты,
хотела сразу всё иметь — терять на самом деле.
А в ночи майские они так на луну глядели,

но май им мало счастья дал, и лето не продлилось,
лишь осень знает обо всем, но осень затаилась.
Зима скользила вдоль долин, и май дрожал, задетый:
мечтал он, ждал, дождался всё ж, ушла, и нет ответа.
Любовь — убийственный богач и всё пообещает,
но изменивший любит вновь, а кто любил — нищает.
Пыль долгих, грустных летних дней опавший лист покрыла.
Она лишь после поняла, что так его любила.

Проблема

Ты королева. При тебе всего лишь
я подданный, совсем как в старину.
Улыбкой, как петлей, меня неволишь,
когда, бездомный, я к руке прильну.
А может быть, я твой король? Кто знает...
Тот ли король, кто духом не падет,
когда она уже коня седлает,
и скажет: «Ключ потерян от ворот»?
Потерян ключ! Слова-то всё пустые.
Как мне решит вопросы непростые?
Вот если б неприступный замок был,
тебя б там запер, как бы ни просила.
Ты подданного править научила,
я слушаться тебя не научил.

С головой в огне

Я хотел бы, чтобы ты была утром искрой,
чтобы каждый раз на рассвете я глаз на тебя положил.
Искра в моем глазу,
ночь обступает изо всех сил.
В такой ночи я бы к небу взлетал не даром.
А в полдень ты могла бы стать моим тепловым ударом.
Чтобы обо мне говорили: он весь горит.
Чтобы я был любви, как болезни, открыт.
А в полдень:
с головой в огне мечтать о тебе.
Полвосьмого вечером: долго пробую звук струны.
Чтобы тебя сыграть
по золоту звезд
и по крови луны.
Полвосьмого вечером:

чтобы просторы вселенной были тобой полны.
И еще я хотел бы, чтобы однажды ночью ты стала «да».
«Да» на сердце и «да» на губах.
Искра в глазу, голова в огне,
ночь обступает изо всех сил.
Я глаз на тебя положил.

Непостижимые вещи

Непостижимые вещи среди нас.
«Зачем это и на что это похоже?»
Колесико, раскрученное в пальцах, совершает свое
суверенное движение.

Но часы не идут.
Яблоня, расцветшая в конце января.
Но зима продолжается.
Явственное ощущение, что тебя кто-то зовет.
Но на улице пусто.
А еще другие вещи,
сто раз слышанные:
«...Он оставил ее, потому что любил...»
«Они отравляли друг другу жизнь,
потому что не могли жить друг без друга...»
Откуда приходят эти слова
без логического обоснования,
без взаимных связей,
непостижимые
и странные?
Непостижимые вещи,
возьмите меня к себе,
войдите в меня через органы чувств,
мы будем соприкасаться,
как смычок прикасается к скрипке.
Непостижимые вещи,
вы в нас.
Я тихо произношу слова
и жду, пока вы не зажжетесь.

Грустный утренний трамвай

Грустный утренний трамвай,
я в нем, как ни странно,
и везут уже меня,
как в гробу стеклянном.

Перед нами грустный звон,
грустный звон за нами вслед,
грустью красит день печальный,
грустный выезд погребальный.
Если я к тебе так еду —
плачу, горе не гоню,
словно смерть идет по следу.
Похоронно песня льется,
вечно что-то оторвется,
вечно что-то хороню.
И весь город грустен ныне.
Грусть повсюду, на виду.
Я в жестокой паутине:
если позовешь — прибуду,
не зовешь — я всё иду.

За минуту до сна

Я видел птицу с оперением пурпурным
Мои глаза полны прекрасных диссонансов
В ночи что ее крылья зажигают
я всегда один
страдаю
плачу
придумываю
с тобой минуту среди роз
тебя там всю учу я наизусть
тобой дышу
пока не скажешь Хватит
Я знаю что это невозможно
Но где б ты ни коснулась тела моего
исходит от него отчетливо дрожащий тон
Так хватит Уже хватит
Я твоя музыка
мелодия что не идет из головы
меня насвистывать ты можешь
думая уже о других вещах
Ты меня насвистываешь
думаешь уже о других вещах
она всё не идет из головы
Позволь уснуть
позволь уснуть
Фантазия Пурпурная та птица

Элементарное стихотворение

Где я? Порой я как будто лечу.
Значит, уж новая ноша на мне. По плечу?
Свет ко мне хлынул, так ярко, что вызвал шок:
тысяча смыслов размолота в нем в порошок,
тысяча смыслов — опоры лишился я вмиг,
страшно знакомый вкус ощущает язык:
вроде любовь, но как будто на соль похоже.
Я ведь люблю тебя, но — ты забыта мной всё же.
Падает пыль, оседает, и в глину уйдут постепенно
лица, разбитые в кровь, опустевшие стены.
Тяжко, я в раму окна головой упираюсь,
палец слюня, я бывшее стираю, стираю.
Вроде огонь, вроде дым, что-то не различу.
Где я? Скажите мне, где я? Когда полечу?
Гулом морским оглушенный, хочу я уйти,
канула в воду во мне тысяча Атлантид.
Тяжесть Земли на моих повисает ногах.
Только пылинки одна. Всё — только прах.
Мир — воротник, удушает меня, хоть и нежно.
Провозглашаю сейчас, что смерть неизбежна!

Из поэмы «Из воды»

Привык я пить, как алкоголя бездну,
твое лицо. И жажда вечно тут.
Бессонница — вот так лицо зовут.
Я принял порошок, но бесполезно.
Я вспомнил вдруг: могу без философий
отправить телеграмму — жжет беда, —
чтоб ты пришла. (Во сколько. И куда.)
И пью тебя, как горький черный кофе.
Другого предпочтешь — но знай развязку,
в любой любви отмеривают срок
часы: итог, итог, итог, итог...
Тот милосерден, кто отпустит ласку.
А мозг тяжел, как будто яд в крови.
Любовь течет, и час иной любви —
как смена караула у солдата.
Над сердцем белый флаг. Грядет утрата?

И что-то нежное в конце настало:
как матовые стекла, шел в ней снег,
дверьми как будто хлопнула навек,
а в сущности — плечами лишь пожала.
Так сжался, раз склонился пред тобою;
сочувственная ложь пригодна тут.
Коль вещи обнаженно предстают,
во благо и предчувствие дурное.
А здесь так тихо. Чистота в ответ.
Всю пыль сметет неведомая сила.
Скажи — полфразы бы ему хватило, —
уверен будь: уверенности нет.
А ей известно, кто и где, какой,
и что любовь — движенье круговое,
двух чувств слова — одно через другое.
Всё будет отрицать, взмахнув рукой.
Холодный глаз Луны, и шум затихнет,
и вот во мне ее портрет живет:
бледнеет, точит кровь, угаснет, вспыхнет.
Так света луч ломает толща вод.

Из цикла «Картинная галерея»

Усталость давит — слева, справа.
Она с картины сходит вниз,
на скрипке грустный экзерсис
играет, призрачно-кровава.
А он всё смотрит почему-то —
но издали, из прошлого, где мгла...
Она вдруг, улыбнувшись, поплыла.
Будь милосердна к ним, минута.
Ни чар не знал, ни слов заветных,
а красота уже обнажена.
Как боязлива и смела она!
Нет, не тянитесь к яблоку на ветке,
его убьет морозом предрассветным.
Ах, время, помоги же нам.

Перевод Натальи Шведовой

ПИСАТЕЛЬ «СЛОВАЦКОГО ЮГА» (К 75-летию со дня рождения Ладислава Баллека)

Ладислав Баллек по праву считается классиком современной словацкой литературы. Автор более десятка книг, он прославился, прежде всего, как создатель романов «Помощник» и «Акации», которые известны далеко за пределами Словакии. Его творчество обычно относят к литературе, именуемой «южная проза», получившей свое название по месту рождения ее создателей. К их числу относятся Ф. Гечко, А. Худоба, И. Габай и др. Юг Словакии во многом определил специфику их произведений: они как бы впитали в себя своеобразие края щедрого солнца, янтарного винограда и благоухающих южных акаций. Вместе с тем, это место

всегда было населено представителями разных национальностей, разных культур и традиций, что также наложило свой отпечаток на атмосферу жизни этого общества и ее отражение в творчестве «писателей юга».

Баллек родился в местечке Тераны. Закончив в 1959 г. школу в Шагах, он поступил в Педагогический институт в Банской Быстрице по специальности словацкий язык, история. После окончания (1963 г.) служил в армии, работал учителем в школе, на радио, в газетах. С 1972 г. был редактором в издательстве «Словенски списоватељ», работал в Министерстве культуры Словакии, в Словацком литературном фонде. В период 1984–1989 гг. являлся секретарем Союза словацких писателей. В 1990-е гг. преподавал в университетах г. Нитра, Коменского в Братиславе, в Высшей школе музыкального искусства, был депутатом Национального совета. В 2001–2008 гг. Баллек — посол Словацкой Республики в Чешской Республике, позже — председатель Общества Ладислава Новомеского. (Сам Баллек сожалел о потерянном для творчества времени, когда он был послом. В разговоре со мной он как-то заметил, что его «отправили в Прагу и забыли про него».)

В литературу Баллек вступил в середине 1960-х годов, когда в Чехословакии шел процесс демократизации

всех сфер жизни общества. Раннее творчество писателя складывалось в русле исканий «Поколения “Младой Творбы”», к которому он принадлежал и для которого были характерны поиски альтернативных тем, героев, средств художественного выражения. Первые произведения Баллека — новеллы «Бегство на зеленую лужайку» (1967), «Прекрасное, словно лилия, путешествие» (1969), «Белый воробей» (1970), рассказы сборника «Южная почта» (1974) — навеяны воспоминаниями детства. Герои, как правило, — люди разочарованные, мечущиеся, которые не могут примириться с несправедливостью, стремятся найти свое место в жизни, свою мечту. Экспериментируя с поэтикой, писатель использует достижения натурализма, новомодных течений западной литературы, что проявилось в ослабленности сюжетов, моделировании повествовательной структуры, использовании символики цвета и т. п.

Некоторые персонажи, мотивы, да и само место действия этих книг перейдут затем в романы «Помощник» (1977) и «Акации» (1981). С ранними произведениями их роднит выраженное философское начало, обращение к неизменным жизненным ценностям, к истокам человеческих характеров, стремление доискаться до корней процесса формирования личности. Писатель уже не ограничивается изображением таких человеческих качеств, как доброта, готовность прийти на помощь другому человеку, верность своей мечте и т. п. Характеры героев обретают социальную наполненность. Это, в свою очередь, предполагает наличие таких качеств в героях, как честь, долг,

чувство справедливости, принципиальность, четкая жизненная позиция. Однако в отличие от предыдущих произведений, в которых сюжеты довольно размыты, время действия здесь четко определено.

События, описываемые в романах «Помощник» и «Акации», происходят в вымышленном городке Паланк. Его прообразом стала родина писателя — Шаги. В одном из своих интервью по этому поводу Баллек сказал: «Паланк я строил годы, сознательно и подсознательно я конструировал его как место действия моих будущих произведений... Я строил его долго, значительно дольше, чем пишу; он создавался по частям, примерно так же, как библейский мир... Хотя его и нет на географических картах, но, тем не менее, по крайней мере мне так кажется, Паланк воплощает и олицетворяет собой мир в действительности существующий — южную Словакию, ее города, чарующие своей красотой окрестности. На моей карте Паланк — это городок, расположенный в нижнем течении реки Ипль с восемью-десятью тысячным населением...»

Время действия романа «Помощник» — первые годы после освобождения Чехословакии. Атмосфера, которая царит в Паланке, унаследована городом из прошлого. Она определяется царящим в нем духом мещанства, приверженностью к привычному, торгашеству, страстью к накопительству. Обитатели Паланка — торгаши, перекупщики, спекулянты, бывшее так называемое светское общество — озабочены лишь тем, чтобы нажиться и разбогатеть любыми путями. Для этого они занимаются спекуляциями, заклю-

чают незаконные сделки. А потом, сытно поев, веселятся и развратничают. Типичным представителем Паланка является помощник бежавшего после войны хозяина мясной лавки Валент Ланчарич, хорошо усвоивший местные нравы и образ жизни и не гнушающийся никакими средствами для достижения своих целей. Автор показывает как бы агонию послевоенного Паланка. Конец всему этому положили февральские события 1948 года, открывшие новую страницу в истории города и жизни его обитателей. Новый этап в жизни Паланка начинается с приезда туда Штефана Риечана — участника Словацкого национального восстания, который получил в наследство от прежнего хозяина не только лавку, но и помощника.

Роман «Акации. Вторая книга о Паланке» — вольное продолжение предыдущего романа. В сравнении с романом «Помощник» временные границы действия в нем существенно расширены: первые послевоенные годы, период 1917–1947 (глава «Дневник аптекаря Филадельфи»), в главе «Письма бакланам» действие доведено до 60-х гг. XX в. Место действия то же — Паланк, ставший по-своему главным действующим лицом книги, который обретает здесь символическое звучание. Как и в «Помощнике», здесь показана повседневная жизнь городка и его обитателей, которая представляет собой своего рода микрокосм послевоенного словацкого общества. Писатель характеризует его следующим образом: «Паланк — это огромная опереточная сцена... Однажды он погибнет от лжи, мошенничества, лицемерия, безумства, притворства. Паланк умрет, подобно

великому актеру на сцене, до последней минуты, как это и предписано ролью и костюмом, играющему здорового и гордого кутилу, которого никто не одолеет и ничто не победит...». Таким образом, Баллек создает собирательный образ определенной социальной среды и человеческой отношений, который он обозначил термином «подлинный паланчанин».

Мы встречаемся в этом романе со многими персонажами «Помощника» (Ланчарич, Гампл, Филадельфи, портниха Тишлова и др.) и некоторыми сюжетными линиями. Только теперь главные герои стали второстепенными, отошли на второй план, а второстепенные стали главными.

Одна из особенностей поэтики романа «Акации» — выраженное хроникальное начало. На него указывает уже подзаголовок романа («Вторая книга о Паланке»). Кроме того, это и дневник Филадельфи, который представляет интерес не только в плане личной судьбы героя, но и как своего рода летопись времени. Ярковыраженный хроникальный характер носит глава «Паланк — письма бакланам», построенная в форме писем, которые пишет молодой солдат Ян Юркович бакланам. О том, что это хроника, говорит и отсутствие единого конфликта, главных, центральных персонажей; судьбы паланчан, как правило, раскрываются в эпизодах, не связанных между собой причинными связями. Принадлежность к хронике подтверждает и спокойная, неторопливая манера повествования. Из девяти глав романа, которые составляют две его части, непосредственно Паланку посвящены четыре: «Паланк — квартал кошек», «Паланк — город на грани-

це», «Паланк — площадь республики» и «Паланк — письма бакланам».

Оба романа пользуются в Словакии большой популярностью, многократно переиздавались, переведены на многие языки мира. По роману «Помощник» режиссер Зоро Загон в 1982 г. снял фильм; он был поставлен на сценах различных словацких театров (в городах Мартин, Нитра, Кошице, Комарно и др.), а также в Праге. В 2016 г. состоялась премьера фильма «Агава» на сюжет второй главы романа «Акации» (режиссер Ондрей Шулай).

В последние годы жизни Баллеком было написано еще несколько романов. Некоторые из них создавались

еще в 60-е гг. («Тринадцатый месяц», опубликован в 1995 г.), другие — тесно связаны с предшествующим творчеством писателя (роман «Лесной театр», 1987 г.). В романе «Станный соня из Словацкого рая» (1990) предпринята попытка проследить судьбу интеллектуала в условиях нормализационного процесса.

Наряду с прозаическим творчеством Баллек писал эссе, которые вошли в книги «Летящие годы» (1998 г.) и «Золотой стол» (2000 г.).

Ладислав Баллек скончался в 2014 году.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из романа «Помощник».

ПОМОЩНИК

(отрывки из романа)

По утрам люди разговаривали приглушенно, безрадостно, с оттенком горечи и усталости, вполголоса, потому что вокруг царил тишина. Собственно говоря, круг тем был всегда один. Чаще всего речь шла о детях, об ужасах войны, о сегодняшнем положении, бедности и богатстве, полном и пустом столе, о политике, мужчинах и женщинах, религии и национальных проблемах. (...)

Сегодня женщины вполголоса обсуждали события в восточной Словакии, куда из Польши проникали бандеровцы и зверски убивали не только представителей новой власти, но и лесников, лесорубов, женщин, работающих в поле. Особенно их потрясла гибель некоего молодого вахмистра, которого посредине какой-то деревни в предгорье повесили на флагшток вместо флага. (...)

Филадельфи подошел и начал приставать к женщинам с разговорами. Он не хотел их обидеть, он просто философствовал на их счет, и Риечану запомнилось, что говорил аптекарь — трясущийся, жалкий, изнуренный: дескать, обе мировые войны выиграли женщины. Взрыв смеха, которым ему ответили женщины, не сбил аптекаря с толку, он продолжал развивать свою мысль. «Что стало с мужчиной? — Вопросал он. И сам отвечал: — Он стал дерьмом, жалкой марионеткой, существом без воли и характера; лишенный своих законных прав, мужчина разучился действовать на свой страх и риск».

Это было уже поинтереснее для собравшихся, простых, большей частью бедных женщин, склонных восхищаться богатством, образованием и высоким положением в обществе, поэтому смех постепенно смолк. Аптекарь вдохновился их вниманием и разошелся еще пуще. «Две мировые войны, экономические кризисы, политика и засилье техники настолько дискредитировали мужчину, что из великого зодчего, охотника, первооткрывателя и властелина он превратился в такого засранца, которому на все наплевать, так что пройдет немного времени, и женщины, чтобы возбудить его, должны будут превратиться в размалеванных потаскух».

Скоро, пророчествовал он, женщинам придется тосковать по обыкновенной мужской любви, а в мире не будет больше честного мужского слова, на котором некогда зиждились не только государства, учреждения, но и каждый порядочный дом.

Хотя и этого было вполне достаточно, чтобы совсем разбередить старые женские раны, аптекарь заявил, что дети, родившиеся в войну и сразу после войны, осиротеют рано, и многие из молодых не будут даже знать, что такое достойная старость. По его мнению, у третьего поколения не будет бабушек,

дедов, собак и кошек, ведь те старики, которые доживут, будут ни на что не годными, так как война превратила их в ничтожества. Только с приходом четвертого поколения можно будет сказать, что Вторая мировая война, наконец, закончилась!

Но все это волновало в городе тех, кто был победнее, у так называемого хорошего общества в Палаке были другие, более специфические заботы. Оно бешено богатело и больше всего любило насыщаться. Состоятельные люди ели и ели и всякий день наедались, так что на несколько часов теряли способность соображать, утрачивали предприимчивость, самоуверенность и самоуважение. Но, начав снова ощущать голод, они изыскивали возможность его утолить, как и полагалось состоятельным людям. А по вечерам? Ну, по вечерам они чувствовали себя прекрасно и блестяще употребляли свои способности в самых разных направлениях. А ночью? Ночь и тьма здесь очень сильно влияли на людей. После возлияний богачи и нувориши распоясывались вовсю. Тут уж давала о себе знать другая сторона личности, деформированная войной, темная, зловеще жестокая и сластолюбивая. Они развлекались, кто во что горазд, кутили, развратничали, их манил грех, скандал, дикие прогулки в колясках и автомобилях, а то и верхом, им нравилась охота на девушек и зверей, драки, стрельба, визг, дикие оргии с цыганками... Потом наступало утро, свет, оживали краски — и приходило отрезвление, умиротворение, оздоровляющие прогулки, деловые и интеллектуальные разговоры, исповеди, раскаяния, обещания, добропорядочная жизнь с церковью, торговлей, работой, детьми, женами... и подчеркнутая вежливость... а через некоторое время снова дикий взрыв искусственно подавляемых желаний. О мужских кутежах ходили легенды, но и женщинам темперамента было не занимать, у женщин тоже были свои способы развлечений. Паланк — город веселый, если говорить о богачах, а ночь имела над ними особую власть, многие, даже и не самые богатые, ночью сбрасывали бремя забот и условностей своей дневной жизни, чопорной, аффектированной и респектабельной.

Паланк одинаково сильно и непрестанно, быстро и пагубно действовал на всех своих обывателей; проходили дни, и уже старые и новые паланчане становились похожими друг на друга. Город засасывал каждого, кто в нем оказывался, как бы он этому ни пытался противиться поначалу. Казалось, достаточно вам остановиться в этом городе, сойти с поезда, пройти квартал или улицу, пообедать в гостинице, посидеть в кафе, и у вас появлялось желание выразиться витиевато и напыщенно, хотелось быть респектабельным и уметь солидно молчать. И вы крепко-накрепко усваивали манеру изображать, что все можете выдержать, все узнать, что вас ничем не удивит, что вы умеете ждать своего часа и если уж поставите себе какую-то цель, то обязательно добьетесь. Это если вы только новичок в городе. А если постоянный житель?

В Паланке, в этом старинном центре одной из южных столиц, в городе военном, сельскохозяйственном, торговом, ремесленном и чиновничьем, все эти условия благодаря местоположению города имели большой вес и силу, и в горожанках настолько было развито самосознание, что, казалось, его излучали даже кам-

ни на мостовых, даже старые стены, подстриженная зелень и ухоженные клумбы, статуи, вывески, названия кварталов, парков, зданий и улиц.

Действительно, стоило человеку пройти по городу, и он превращался в хитреца с благородными манерами.

Типичный житель Паланка, города в национальном отношении необычайно пестрого, где соседствовали все нации старой монархии, равно как и потомки разнообразных ее наемников, отличался следующими особенностями: он был рассудителен, с ленцой, впрочем скорее показной, медлителен, амбициозен, солиден, умел обращаться с ножом и вилкой, ухаживать за дамами, знал, как вести себя в конторе, в кафе и в купальнях недалекого курорта, умел разбираться в людях, мгновенно соображал, с кем надо держать ухо востро и кого не принимать в расчет; из-за близкой и часто меняющейся границы паланчанин волей-неволей должен был более или менее разбираться в политике, у него вырабатывалась своя концепция жизни, он умел ждать, гнуть спину, трепетать, но в нужную минуту безжалостно ударить, у него были хорошо развиты способности к любому виду торговли, он мечтал разбогатеть, умел, если надо, отбросить принципы, проглотить обиды, но никогда не забывал их, понимал, куда не надо совать нос, думал только о себе, любил хорошо поесть, выпить, знал толк в вине и грехе, был надменным и самоуверенным, надменным, пожалуй, даже чересчур, был похотливым, как кот, но умел сдерживать себя, чрезвычайно берег свою репутацию, семью и детей и при этом содержал любовниц... Одним словом, паланчанин умел многое, но знатоком жизни его делало прежде всего умение блюсти золотую середину: иметь все и ничего не терять, избегая чрезмерности, быть и не быть на глазах, чтобы о нем знали, но знали не все, чтобы не слишком возвышаться над толпой, но и не снижаться до среднего уровня. Таков подлинный паланчанин, таким он оставался, даже уехав отсюда, везде и всюду он знал, что должен вернуться назад, как возвратились почти все, кто до войны уехал из города. Одно слово — паланчанин! Он всегда бойко и быстро соображал, но у него никогда не оставалось времени думать основательнее о чем-то одном, так что он, собственно, никогда ничему безраздельно не отдавался. Все здесь были хитрыми, сметливыми, интеллигентными и талантливыми, во всяком случае, сами они в это верили, но возвышаться над общей массой люди остерегались, да у них на это и времени не было. В общем, здесь больше всего любили поесть и помечтать о жизни без забот. Мечтали и грезили довольно много, строили всевозможные планы, которым не суждено было сбыться, потому что в противном случае в погребках стало бы не о чем говорить, не над чем плакать, не о чем грустить, рыдать, сетовать и рвать на себе волосы.

Таким был паланчанин, житель старого столичного города, пограничного не только по местоположению, затерянного в необъятных южных просторах, где-то у черта на куличиках, среди полей кукурузы, табака, подсолнухов, арбузов, широких нив, гряд свеклы, помидоров, стручкового перца, среди лугов, акациевых лесов и рощ, в густой зелени садов, цветов, запахов, жары, высокого неба и облаков белой пыли, сочных фруктов и совсем особой грусти, навеваемой тяжелыми

душными ветрами с усадеб, пыльных дорог, винокурен, от испарений медлительной, теплой, таинственной реки.

Тяжелая и душная атмосфера царила и над послевоенным Паланком.

Перевод Наталии Замошкиной

Из книги: Ладислав Баллек. «Помощник». М., 1980.
(Ladislav Ballek. Pomocník. Bratislava. 1977)

Ладислав Баллек, Вера Швенкова, Алла Машикова, Анна Шидулова (2011 год)

ХРОНИКА

РАЗГОВОР С ПАВЛОМ ВИЛИКОВСКИМ

Поколение писателей, начинавших свой творческий путь в 1960-х гг., часто характеризуют как поколение борцов, стремившихся к свободе творчества, а само время называют временем больших экспериментов. Как бы Вы охарактеризовали эти годы?

Борцами мы не были. Но мы чувствовали себя более свободно в литературе и культуре: это была общая тенденция времени. Литература 1950-х гг. — это так называемая схематическая литература, соцреализм, причем весьма неудачный. В 1960-е гг. все началось с поэзии. Наиболее яркими поэтами были Мирослав Валек¹ и Милан Руфус². Руфус внес в поэзию новые темы, но он писал классическим, традиционным языком.

И он был скорее «деревенским» поэтом. А Валек был интеллектуальным поэтом, который играл и с современными словами, и с современными реалиями. Была также группа «конкретистов», или «Трнавская группа»³, — поколенческие товарищи Валека. То, как они работали со словом, весьма отличалось от того, как это делали до них. Эти поэты «развязали языки» прозаикам.

«Борьба» же была такой, какую нам позволяли. Само собой, были в том поколении люди, которые пытались (я тогда не пытался) писать по-новому. Новизна заключалась в том, что в литературу вошел субъект с его личными, субъективными проблемами. Не с проблемами общества — о проблемах

¹ Мирослав Валек (1927–1991) — выдающийся поэт второй половины XX в., в 1969–1988 гг. — министр культуры Словакии.

² Милан Руфус (1928–2009) — известный словацкий поэт второй половины XX — начала XXI в.

³ «Конкретисты» (Ян Стахо, Любомир Фелдек, Ян Ондруш, Йозеф Мигалкович, Ян Шимонович) вошли в словацкую литературу в 1958 г. и оказывали на нее существенное влияние в 1960-е гг. Печатались в журнале «Млада творба» (1956–1970). Считали, что поэзия призвана выражать конкретные чувства и переживания, а не идеологию.

общества говорить не полагалось, ведь в нашем обществе не было никаких проблем. Но говорить об этих проблемах, по возможности, пытались.

Все изменилось в конце 1960-х гг. с приходом оккупационных войск. Конечно, это не означает, что все вернулось на старую колею, но в итоге процесс развития литературы затормозился на целых двадцать лет.

При написании произведения Вы более полагаетесь на свои научные знания или на интуицию?

Я всегда действую интуитивно. Начиная писать, я не знаю, что будет в конце. Я могу думать, что пишу рассказ, а он вдруг начинает разрастаться. Я расскажу историю из школьных времен. Мы писали итоговое сочинение. Я выбрал тему, звучавшую примерно как «Словацкое национальное восстание в словацкой литературе». А к ней был подзаголовок «Размышление». Мы начали писать. Учительница ходила между столами. Когда она подошла ко мне и увидела, какую тему я выбрал, она сказала: «Виликовский, обрати внимание, что это — размышление. Не пиши, пожалуйста, как обычно, фельетон». Что ж, она была права. Я всегда пишу фельетоны, но только теперь — большие. Я не люблю в книгах размышлять или рассказывать истории, а вот шутить — люблю. И все это исключительно интуитивно.

Вас часто называют писателем-постмодернистом, однако в Вашем творчестве последних лет можно отметить лишь элементы постмодернистской поэтики. Считаете ли Вы себя постмодернистом?

Я всегда стремился быть писателем-модернистом, никак не постмодер-

нистом. Я не понимаю в полной мере, что такое постмодернизм. Я использую некоторые его приемы, но никогда не делаю это намеренно. Проводя, например, аналогии с другими литературами или приводя цитаты из других книг, я не ставлю себе целью создать именно постмодернистское произведение. Для меня эти тексты столь же реальны, как стол, за которым мы сидим.

Помимо всего прочего, меня можно назвать также и соцреалистом, ибо я не позволяю себе ничего придумывать. Я имею в виду, что всегда стремлюсь сохранить реалии, взятые мной за основу. Мне необходимо знать, что что-то подобное существовало или существует. Однако с этой реальной ситуацией я могу обращаться свободно, ведь порой слишком подробные знания о том, как все было на самом деле, связывают руки. Например, ситуация, описанная в рассказе «Телохранительница», — реальна. И история о неходячей пациентке в Пиештянах, которую изнасиловал медбрат, — реальна. Я «извлекал» их из реальности, дабы вскрыть проблему. Если меня интересует проблема, я стараюсь ее осмыслить, не решить до конца, но хотя бы понять ее. Также меня интересуют исключительные ситуации, и в книгах я стремлюсь их реалистично изобразить. Кстати, цитата, приведенная в конце рассказа, в которой речь о том, что медбрат пришел на повторное свидание, но вместо девушки его ожидали сотрудники полиции, была взята из газеты. Я считаю, эта цитата лучшее, что есть в рассказе. В довершение всего, у меня не получается хорошо написать о том, что я придумываю. Так что, по большей части, я так не делаю.

Когда я начинал писать роман «Молётный снег», я думал, что это будет рассказ о человеке, которому не нравилось его имя, и он решил его сменить, назваться Чимборазкой. Другой герой — Штефан (а возможно, альтер-эго героя или его настоящая жизнь, это не имеет значения) — послужил мне примером ученого, занятого тем, что никого не интересует. На примере его книг о билабиальных консонантах в языке индейского племени меноминов я хотел продемонстрировать, какая существует неоправданная, никому не нужная литература. Само слово меномини мне встретилось, когда я листал энциклопедию, и я его использовал. Так меномини получили собственную жизнь. Да и Штефан поначалу не должен был быть таким значительным. У меня есть знакомый доктор, онколог, он рассказал мне, что долго лечил одного пациента. И тот с гордостью говорил ему, что он — меномин. После своей смерти он оставил доктору волшебное перо, а, может быть, оно было вовсе и не волшебное.

Имя героя, Чимборазка, забавное и ничего не значащее, также пришло ко мне интуитивно. И я очень боялся, что оно могло быть из детской книги, что я уже где-то его встречал, что случайно позаимствовал его. Одна рецензентка рассказала мне впоследствии, что существует вулкан с похожим названием — Чимборасо. Не исключаю возможность такого происхождения этого имени. Однако само слово мне понравилось чисто по звучанию. Повторюсь, это не было сознательно.

В качестве еще одного примера реализма в романе могу вспомнить сцену с доктором, который играл на флейте, когда рассказчик, или Чимборазка,

пришел к нему удалять родимое пятно. Это реальный случай. Потому я и говорю, что я соцреалист. Мне необходимо понимание, что все случилось на самом деле. А потом уже я могу это немного видоизменить. И таким вот образом детали скапливались, и, в самом деле интуитивно, я двигался вперед.

Вы вводите в произведение персонажей из книг других авторов и проводите аналогии с другими литературами по тому же принципу?

Персонажей из других литератур я использую по законам фельетона. Могу упомянуть Гамлета или Офелию, но герои из других литератур никогда не играют в моих произведениях важную роль. В фельетоне, если необходимо провести аналогию или сказать что-то «запускающее» процесс, чтобы обойтись без долгих объяснений, говорят «Каин» — и каждый понимает, что это тот, кто убил Авеля. И лишь в такой мере, не более, я использую имена знаменитых персонажей.

Язык и слово интересовали Вас еще до того, как Вы поступили в Университет Коменского, или интерес появился благодаря учебе?

В том возрасте я еще ничего не понимал. Я думал, что Джек Лондон, например, ни в какой университет не ходил, ему это было ни к чему. И я пошел работать: помощником автомеханика в автосервисе. И вот там я понял, что лучше уж идти учиться. Я ведь думал, что после восьмичасового рабочего дня буду писать. Но после этих восьми часов я был рад, что могу дышать, — не то что писать.

К точным наукам, к физике и химии, у меня способностей не было, потому я пошел на гуманитарную специаль-

ность. Английский язык я выбрал потому, что моя мама, когда я был ребенком, изучала английский в вечерней школе и брала нас с братом с собой. И я решил, что английский потребует от меня меньше усилий. К тому же мой брат — он на четыре года старше — уже получал ту же специальность. Тогда я не думал о том, что где-нибудь буду этот язык использовать. Время было такое, что я и мечтать не мог встретить англичанина в Братиславе, уехать куда-нибудь, где буду говорить по-английски.

Особого интереса к слову у меня не было. Я писал с четырнадцати лет, как мог, соответственно возрасту, без особой уверенности в том, что делаю. Человек, который работает со словом, рано или поздно начинает испытывать к нему интерес, но это не был тот интерес, о котором Вы говорите. Это была жажда писать, проще сказать, графоманить. Должно быть, именно графоманом я и был тогда: мне нравилось создавать фразы, красивые фразы.

Создавая произведение, используете ли Вы материал других литератур? Какие это литературы: словацкая литература, западноевропейские литературы, русская литература?

Намеренно я ничего не ищу. Скорее наоборот, это темы или сюжеты находят меня. Я пишу в несколько замедленном темпе: иногда проходит десять лет после появления первой идеи. И после того, как эта идея вылеживалась десять лет, я пробую писать.

Что касается русской литературы, то, я думаю, в Словакии она всегда присутс-

товала. Была она и в нашей домашней библиотеке. Моя мама писала докторскую работу по философии, а дипломную работу она писала о Достоевском, так что у нас дома были русские книги в чешском переводе (по-словацки они тогда еще не публиковались). В тринадцать лет я прочел «Бесов» и «Преступление и наказание». Также мне нравились «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» Толстого. Уже по-словацки я читал «Кавказского пленника». Меня привлекало то, что Толстой писал об искусстве, об отрицании искусства. Но его крупные произведения — не знаю почему — мне не нравились.

Когда-то я взял за правило никогда при чтении не позволять себе скучать. Конечно, я могу попробовать, но, если книга меня не захватит, не заинтересует, я не буду чувствовать себя обязанным ее читать. Я не хотел убивать в себе вкус к чтению, и, несмотря на это, я, на данный момент являюсь «выгоревшим» читателем. Еще в университете я начал работать в «Словенских поглядах»¹ и переводить. Я всю жизнь был редактором и переводил, поэтому чтение меня уже не развлекает. Однако в 1960-е гг., когда я был моложе, и когда у нас издавалось много хороших книг, я с удовольствием читал: Пильняка, Платонова, Андрея Белого в словацких переводах, а в конце 1960-х гг. — «Теорию литературы» Шкловского.

Фигура Ильи Муромца не случайно оказалась в Вашем произведении?

Мы знали русские былины. Хотя мне, пожалуй, больше нравилась сама

предыстория, о том, как человек, который был изолирован и рос и вырос под защитой, знакомится с миром. Когда он может сравнить то, что видит, с тем, что рассказывал ему отец. Мне казалось, что это фигура столь же говорящая, как ранее упомянутый Каин. В словацких сказках есть свой похожий герой — Пецивал¹, и я не знаю, почему в рассказе у меня вдруг «выпрыгнул» не Пецивал, а Илья Муромец.

Правда ли, что известные литературные образы Вы в своих произведениях оживляете, снимая с них «мифическую шелуху»?

Илья Муромец — не лучший пример. А вот Странный Янко, или же Янко Краль², в самом деле, был написан по этой причине. Нам преподавал один профессор. Он написал учебник по словацкой литературе, в котором были такие клише о Янко Крале, как «если бы не засохло его перо...» и подобное. И мне очень захотелось «отшелушить» эти отжившие, окаменевшие характеристики. В результате я написал три таких «слова»: «Слово об Илье Муромце», «Слово о Странном Янко» и «Слово о Турчине Поничане»³. В последнем мне хотелось показать чувство неуверенности, чуждости миру в подростковом возрасте, когда человек начинает приспосабливаться к обществу, и какие сложности он при этом преодолевает.

Роман «Собака в пути» является весьма провокационной книгой. Герой-повествователь не слишком по-доброму ворчит. Что послужило причиной написания этого произведения?

Директор издательства «Каллиграм»⁴ — мой хороший знакомый. Ему пришла в голову идея, чтобы я написал эссе о словаках, некую критическую книгу или книгу размышлений. Подобные книги, в которых венгры строго оценивали венгров или как-то высказывались о них, в Венгрии уже выходили. И он посчитал, что я способен создать нечто в том же духе. Так что это не я провоцировал, а меня спровоцировали.

В этот текст я ввел одно вредное для литературы явление, которое посчитал интересным. Дело в том, что последнее время редакторы и шеф-редакторы перестали исполнять свои обязанности, и для издателей их содержание стало обходиться слишком дорого. Издатели дают им текст на редактуру, чтобы те его вычитали, а они не выполняют работу, которую делали когда-то.

Также я ввел в роман размышления об американских писателях, знакомых мне более остальных. Например, Говард Фаст, а также другие прогрессивные американские писатели интересны мне тем, как они создавали свою прозу. Этих писателей я люблю, потому что с ними я рос. Их книги появились в то

¹ «Словенске погляды» — журнал, посвященный литературной, научной, общественной и политической жизни в Словакии, был основан в 1846 г. Йозефом Милославом Гурбаном, соратником Людовита Штура. Издание журнала неоднократно прерывалось. Павел Виликовский работал в «Словенских поглядах» в качестве редактора с 1964 г. по 1970 г.

¹ Пецивал, или же Пополвар, — (от словацк. popol — пепел, зола) герой словацких и чешских сказок. Имя является синонимом излишней скромности, пассивности и лени.

² Янко Краль (1822–1876) — словацкий поэт и участник национально-освободительного движения, представитель романтизма.

³ «Турчин Поничан» — стихотворение словацкого поэта-романтика Само Халупки (1812–1883), наряду с Яном Ботто, Янко Кралем и Андреем Сладковичем, относящимся к поколению «штуровцев».

⁴ Издательство «Каллиграм» (образовано в 1991 г.) — издает художественную литературу, а также ряд периодических изданий на словацком и венгерском языках.

время, когда американская литература в принципе не могла издаваться. И по мере того, как я выросл, эти писатели становились мне все ближе. К тому же американская литература и литературная критика были мне доступны, поскольку я знал английский язык. Еще и поэтому я ощущал внутреннюю близость с ними.

Почему героя в его путешествии сопровождает именно Томас Бернхард?

Возможно, это случайность, а, возможно, это было связано с тем, что Томас Бернхард неслестно высказывался об австрийцах, а мне, по сути, хотелось неслестно высказаться о словаках. Кроме того, Бернхард интересовал меня как автор. Я выразил эту мысль в книге: Бернхард мой любимый нелюбимый писатель. Однако я предъявил ему и ряд претензий, например, к его позиции относительно писательства. Помимо всего этого, меня интересовали австрийские города, где он бывал и лечился, — эти места мне очень нравятся. Любовная же линия, с той австрийкой, — выдумана.

Существует мнение, что писатель — это в определенной степени учитель. Однако Ваши книги не производят впечатления учебника жизни. Вы являетесь писателем, который предлагает читателю идею или материал для размышлений, а выводы тот должен делать самостоятельно?

Учителем быть я бы не хотел. Часто у людей создается впечатление, что все написанное мной отражает мои собственные взгляды. Однако однажды я даже написал, что согласен далеко не со всем, о чем пишу. И дело даже не в том, что я пытаюсь какие-то идеи скомпрометировать. Я предлагаю чита-

телю как бы «правду в кавычках». Я не верю в однозначно высказанную «правду», читатель сам должен до всего дойти. И если он, прочитав фразу в книге, подумает об абсолютно противоположном, если после размышлений он придет к иным выводам, то он прав. Это окажет ему гораздо большую помощь в формировании собственных взглядов, чем мой готовый «рецепт», который бы он безоговорочно принял. Я не столь самонадеян, чтобы считать, что мои взгляды кто-то должен принимать. Да и сам я не хочу принимать все подряд. Писатель, пускай ему и не всегда это удастся, пишет то, что сам хотел бы прочитать. Я более всего люблю именно такие книги. Я не имею ввиду, что хочу быть согласным с каждым словом. Хватило бы, чтобы прочитанное заставило меня задуматься, — в этом все удовольствие.

У меня нет ни одной истории, которая могла бы запасть кому-то в душу. В моих книгах ничего не происходит. Как я говорил, меня интересует ситуация, в которой высвечивается проблема, и я описываю эту ситуацию, и более — ничего. Хотя порой мне и приходится писать, что герой пошел направо или налево или выпил воды.

Как Вы оцениваете уровень современной литературной критики, профессионализм критиков?

Современной литературной критики не существует, если сравнивать с 1960-ми или с 1970-ми годами, когда, несмотря на сильное политическое давление, критика функционировала, пускай и не очень хорошо. Однако она существовала и делала столько, сколько ей удавалось. Она не могла творить чудеса, но она выполняла свою роль. Сейчас — нет.

И не в том дело, что литературной критики на данный момент действительно не существует. Просто никто не хочет печатать литературную критику, потому что никто в ней не заинтересован, да и в самой литературе тоже никто, в сущности, не заинтересован. Разве что пара отчаянных, которые этой самой литературой живут, что-то исследуют или же, в худшем случае, пишут. И это не чисто словацкий феномен, это феномен Центральной Европы, Восточной Европы — всей Европы. О большем я говорить не осмелюсь, я не знаю масштабов данного явления за пределами Европы.

Когда-то, в 1990-е гг., в Словакии приезжал шеф-редактор крупного итальянского издательства «Фельтринелли» (Feltrinelli). Он говорил похожие вещи: что, по сути, литературная критика вымерла, что в прежние времена она присутствовала в ежедневных изданиях, в газетах. Целую страницу отдавали литературной критике или же одной книге. Литературной критике была посвящена регулярная рубрика — в ежедневной газете! Потом от нее отказались, решив, что литературная критика читателей не интересует. В Словакии этот процесс проходил медленнее, но сейчас и у нас он уже завершился.

Раньше художественная литература заменяла учителя, произведения, рассказывающие о жизни общества, литературную критику — тайно, между строк. И потому люди её читали, были заин-

тересованы в ней. А сейчас у людей нет времени даже на самих себя. Потому и ни о какой литературной критике говорить не приходится. Само собой, печатаются какие-то статьи, выходят «Ромбоид»¹ и «Словенские погляды». Как пожилой человек я их читаю, и как пожилой человек я могу лишь сетовать, насколько плачевно выглядит то, что я читаю. Возможно, Петер Заяц или Валер Микула напишут статью, и это можно будет читать.

Какую литературу Вы читаете?

Я, к сожалению, плохой читатель. Прочитав три предложения или какую-то сценку, я устремляюсь прочь, вслед за своими ассоциациями, начинаю размышлять. И, возможно, в тот день я уже к этому тексту не вернусь. Может быть, я преувеличиваю, но, грубо говоря, иногда я, прочитав название книги, показавшееся мне интересным, погружаюсь в свои мысли на этот счет. И это абсолютно неправильно. Так что я вполне заслуженно называю себя поверхностным, плохим читателем.

В тексте всегда присутствует писатель. Потому я очень люблю читать дневники, причем разных людей, например, людей из мира искусства. Но издают, в основном, именно дневники писателей (графоманы вроде меня ведут ещё и дневник). При этом интересно не то, что автор пишет о времени, в котором живет, или о людях этого времени, а то, какие свои тайны он раскрывает, когда это описывает.

15 августа 2016 г.

*Беседовала и перевела
Анастасия Бырина*

¹ «Ромбоид» — литературно-критический журнал, издается с 1956 г. Его первым главным редактором (1966–1967) был поэт Мирослав Валек. Павел Виликовский был главным редактором журнала в 1995–1996 гг.

Марина Котова

О СЛОВАКИСТАХ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В XXI в.

В самом начале XXI в., в 2000 г., произошло историческое для петербургской славистики событие: в Санкт-Петербургский государственный университет, на филологический факультет поступили студенты на открытую впервые специальность «Словацкий язык и литература». Через пять лет, в 2005 г. группа из пяти человек окончила словацкое отделение, защитив дипломы по словацкому языку и литературе.

Это первое словацкое отделение появилось в СПбГУ как естественное воплощение исследовательской научной словакистики (в трудах ее преподавателей Тугушевой Розы Хасановны, Лилич Галины Алексеевны, Мокиенко Валерия Михайловича и др.).

Учебные программы для нового словацкого отделения 2000 года базировались на опыте программ по словацкому языку как третьему славянскому (для богемистов) и второму славянскому (для других славистов). Почти все эти программы вышли из-под пера Р. Х. Тугушевой — автора учебника словацкого языка (в соавторстве с Й. Мистриком), по которому мы все учились. К сожалению, Р. Х. Тугушева (1937–2004) не смогла уже поздравить своих студенток с окончанием университета. Незадолго до кончины она защитила в СПбГУ докторскую диссертацию по сопоставительной лексикологии чешского и сло-

вацкого языков — фундаментальный труд, дело всей ее жизни.

Кроме Розы Хасановны на словацком отделении работали и другие преподаватели кафедры (доценты Н. К. Жакова, М. Ю. Котова и др.), словацкие лекторы и российские молодые преподаватели, выпускники словацких вузов, которые в свое время были командированы с чешского отделения на включенное обучение в Словакию и домой вернулись дипломированными магистрами, — Анна Владимировна Аниконова и Виктория Сергеевна Сергеева (впоследствии — Князькова).

А. В. Аниконова родилась в 1977 г. в Ленинграде, поступила на чешское отделение СПбГУ в 1995 г., была направлена на включенное обучение в Словакию в 1996 г. В 2002 г. она окончила Прешовский университет в г. Прешов по специальности «Словацкий язык и литература» — русский язык и литература — с защитой магистерской диссертации на словацком языке на тему «Интерпретация переводных вариантов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (научный руководитель — профессор Анна Валцорова). С 2003 г. по 2007 г. В. А. Аниконова преподавала на кафедре славянской филологии СПбГУ (словацкий язык, теория перевода, словацкая литература). В настоящее время она завершает обучение

в заочной аспирантуре кафедры, работает над кандидатской диссертацией на тему «Стилистика сатирических романов словацкого писателя Петера Пиштянека и их английских переводов» (научный руководитель — проф. М. Ю. Котова).

Виктория Сергеевна Князькова родилась в 1980 г. в Санкт-Петербурге, поступила на чешское отделение СПбГУ в 1997 г., была направлена на включенное обучение в Словакию в 1998 г. В 2003 г. окончила Университет Матея Бела в г. Банска-Бистрица по специальности «Словацкий язык, английский язык» с защитой магистерской диссертации на словацком языке на тему «Стилистические особенности лексики в оригинале и переводе («Александр Солженицын в потоке времени») (научный руководитель — доц. В. Патраш). С 2003 г. она преподает на кафедре славянской филологии СПбГУ, ведет словацкий язык (для бакалавров и для магистрантов), теорию и практику перевода, стилистику словацкого языка, историю словацкого языка и др. В настоящее время доцент В. С. Князькова работает над докторской диссертацией, посвященной вопросам перевода словацкой литературы на иностранные языки (в частности, чешский, русский, английский, немецкий). В область ее научных интересов входит славяно-германская компаративистика, вопросы стилистики современной словацкой литературы, особенности перевода современной словацкой прозы на иностранные языки. Всего В. С. Князьковой опубликовано тридцать научных и методических работ по словакистике, среди которых — учебник «Словацкий язык. Базовый курс», Санкт-Петербург

(2015 г.), получивший положительную оценку рецензентов и студентов.

Знаменательно, что 2005 год стал одновременно годом окончания первыми словакистами «специалитета» и годом первого набора в магистратуру кафедры. Одна из выпускниц, Светлана Юрьевна Бажина, литературовед, поступила в магистратуру и в 2006 году защитила под научным руководством профессора Сергея Ивановича Николаева магистерскую диссертацию о Св. Гурбане-Ваянском и И. С. Тургеневе. Для кафедры это была первая магистерская защита по славистике (и словакистике).

Опыт преподавания на словацком отделении лег в основу создания нового профиля бакалавриата — «Словацкий язык, английский язык», набор на который в СПбГУ впервые состоялся в 2010 г. Было принято пять студенток, окончило словацко-английское отделение четыре (Ю. Гурба, А. Копылова, О. Перепелкина, О. Тарараева). После окончания А. Копылова и О. Тарараева поступили в магистратуру кафедры на профиль «Славяно-германская компаративистика», а О. Перепелкина уехала продолжать образование в Братиславу.

В 2016 г. состоялись защиты магистерских диссертаций А. Копыловой (Колмогоровой) и О. Тарараевой, обе — «с отличием».

В том же году, одолев непростой конкурс, О. Тарараева поступила в аспирантуру кафедры на специальность «Славянские языки» и начала работать над кандидатской диссертацией на тему «Сопоставительная чешско-словацкая паремиология как инструмент ималогии» (научный руководитель — проф. М. Ю. Котова).

Ольга Николаевна Тарараева, ученица В. С. Князьковой, М. Ю. Котовой. М. С. Хмелевского, Кристины Новаковой (нашей словацкой аспирантки, которая проходила педагогическую практику в их группе), родилась в 1993 г. в Санкт-Петербурге, в 2014 г. с отличием защитила диплом бакалавра на тему «Контекстная реализация словацких пословиц в интернет-пространстве». За время студенчества дважды прошла семестровое обучение в Университете им. Т. Г. Масарика в г. Брно (в 2012–2013 гг. и в 2016 г.), в 2014 г. была слушательницей Летней школы SAS в Братиславе.

К числу научных достижений петербургской словакистики нельзя не отнести кандидатскую диссертацию старшего преподавателя Олеси Сергеевны Сергиенко (род. 1980), богемистики, выпускницы чешского отделения СПГУ 2004 года. Ее научная монография «Нормативность и вариативность чешских и словацких пословиц» издана в издательстве СПбГУ в 2015 г.

Ниже мы приводим список диссертаций, защищенных на кафедре, которые являются фактическим дополнением изложенной информации.

Докторские диссертации (DSc.):

Котова М. Ю. Славянская паремиология. Докторская диссертация. СПбГУ, 2004.
Тузушева Р. Х. Особенности исторического развития лексики чешского и словацкого языков. Докторская диссертация. СПбГУ, 2004.

Кандидатские диссертации (CSc.):

Князькова В. С. Отражение лексического своеобразия прозы А.И. Солженицына в словацких переводах (на материале рассказа «Один день Ивана Денисовича»). Кандидатская диссертация. 2009 (научный руководитель — проф. М. Ю. Котова)
Сергиенко О. С. Вариантность чешских и словацких пословиц. Кандидатская диссертация. СПбГУ, 2010 (научный руководитель — проф. М. Ю. Котова)

Магистерские диссертации по словакистике, защищенные в Словакии:

Anikonova, Anna (Аниконова А. В.). Interpretácia prekladových variantov románu M. A. Bulgakova Majster a Margaréta. Prešov: Prešovská univerzita, 2002 (školiteľ — Prof. PhDr. Anna Valcerová, CSc.).
Sergeeva, Victoria (Князькова В. С.) Štylistika slovnej zásoby v origináli a preklade (Alexander Solženicyn v súradniciach času). Banská Bystrica: Univerzita M. Bella, 2003 (školiteľ — doc. PaedDr. Vladimír Patráš, CSc.).

Магистерские диссертации по словакистике, защищенные в Санкт-Петербурге:
Бажина С. Ю. Св. Гурбан-Ваянский и И. С. Тургенев (проблемы влияния). Диссертация магистра филологии. — СПб.: СПбГУ, 2006 (научный руководитель — проф., член-корреспондент РАН С. И. Николаев)

Колмогорова А. С. Фигура англоязычного писателя Джозефа Конрада в романах чешского писателя Й. Шкворецкого «Инженер человеческих душ» и словацкого писателя П. Виликовского «Последний конь Помпеи». Диссертация магистра филологии. СПб.: СПбГУ, 2016 (научный руководитель — проф. М. Ю. Котова) URL: <http://hdl.handle.net/11701/3076>

Тарараева О. Н. Типы преобразований словацких, чешских и английских пословиц в интернет-пространстве. Диссертация магистра филологии. СПб.: СПбГУ, 2016 (научный руководитель — проф. М. Ю. Котова) URL: <http://hdl.handle.net/11701/3109>

Котова Марина Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, с 1998 г. — зав. кафедрой славянской филологии СПбГУ (Санкт-Петербург). Сфера интересов: славистика, межславянские и славяно-германские культурные контакты XIX — XXI вв., паремиография. Автор более 100 научных трудов, в том числе 8-язычного «Русско-славянского словаря пословиц (с английскими соответствиями)» (СПб., 2000).

Дарья Ващенко

КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА BIBLIOTEKA В БРАТИСЛАВЕ

гвардия», представлявшего свою прославленную серию «Жизнь замечательных людей». Особенно хотелось бы отметить выставленные в рамках российского стенда переводы со славянских языков, выпущенные издательством «Центр книги Рудомино»: в последние годы в данном направлении ведется колоссальная работа, которая приносит свои несомненные плоды: славянские литературы в России читают и любят. В состав российской делегации входили сотрудники Института перевода во главе с Н. Литвинцев, писатели А. Варламов и П. Басинский, директор издательства «Молодая гвардия» Р. Косыгин,

С 10 по 13 ноября 2016 г. в Братиславе проводилась ежегодная книжная выставка-ярмарка BIBLIOTEKA. Вновь в этом году на ней был представлен книжный стенд Российской Федерации «READ. RUSSIA». На стенде были выставлены книги самой разнообразной тематики: это и детская литература, и переиздания классиков, и самые востребованные и кассовые на сегодняшний день российские авторы, и массовая литература. Отдельно располагалась экспозиция издательства «Молодая

представители российской академической славистики научные сотрудники Института славяноведения РАН Ю. Созина и Д. Ващенко. За четыре дня работы книжной ярмарки российская делегация успела представить чрезвычайно интересную и насыщенную программу, в которую входили как мероприятия в рамках самой выставки — презентации, интервью и мастер-классы на российском стенде, так и масштабная научно-практическая конференция «Образ России в слове», в которой при-

нимали участие ведущие славянские слависты, А. Элиаш, М. Куса, Й. Сипка и др., а также встреча писателя П. Басинского и Р. Косыгина со студентами-русистами Университета Коменского. Как и в предыдущем году, внимание участников выставки и представителей средств массовой информации привлекала деятельность Общества Людовита Штура в Москве. Д. Ващенко подробно рассказала о функционировании общества и его плодотворных усилиях по укреплению словацко-российских культурных связей: очень многое предпринимается для того, чтобы словац-

кая литература нашла в России своего преданного читателя, и в этом сложном и прекрасном деле Общество Людовита Штура, несомненно, играет ключевую роль.

Дарья Ващенко (Анисимова) — выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник Института славяноведения РАН.

Ольга Тарараева

УЧАСТИЕ В ЮБИЛЕЙНОЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА ПРИ УНИВЕРСИТЕТЕ КОМЕНСКОГО В БРАТИСЛАВЕ *STUDIA ACADEMICA SLOVACA*

Studia Academica Slovaca (SAS) является специализированным центром изучения словацкого языка как иностранного на философском факультете Университета Коменского в Братиславе.

Одно из направлений обширной деятельности SAS — ежегодная организация Летней школы словацкого языка и культуры, которая существует с 1965 г. Автор этих строк принимала участие в юбилейном 50-м проекте в 2014 году вместе с одной из четырех студенток словацко-английского отделения бакалавриата СПбГУ А. Копыловой. Поездка состоялась благодаря возможности, предоставленной Посольством Словацкой Республики в Российской Федерации, а также при поддержке кафедры славянской филологии СПбГУ в качестве поощрения за академические успехи и при содействии кафедры русского языка и литературы Университета Я.А. Коменского в Братиславе. Тогда же в Братиславу прибыли еще 179 заинтересованных в словакистике представителей из 38 стран мира, что свидетельствует о масштабности проводимого мероприятия, гостеприимности организаторов и высоком интересе к языку, культуре и истории словацкого народа.

Детально разработанная трехнедельная программа летних курсов от-

личалась не только насыщенным учебным расписанием (минимум 6 занятий в день), но и разнообразными культурными и развлекательными мероприятиями. Церемонии открытия и закрытия Летней школы SAS проходили в торжественной обстановке в парадном зале здания философского факультета в присутствии министра образования, науки, исследований и спорта Словацкой Республики Петера Пеллегрини, руководителя проекта SAS д.ф.н., проф. Яны Пекаровичовой, а также преподавательского состава университета.

Методическая концепция курса лекций, семинаров и практических занятий позволила каждому из участников составить индивидуальное расписание согласно профессиональной ориентации и личным предпочтениям. Однако предварительно обучающиеся были распределены на основании письменного теста по группам, отвечающим тому или иному уровню владения словацким языком.

Дидактическим фундаментом курса послужил комплект учебных пособий *Krížom-krážom*, изданный центром изучения словацкого языка как иностранного *Studia Academica Slovaca*. Полный комплект состоит из пяти красочных книг (4-х основных частей учебника

и рабочей тетради уровня A1-A2) с аудио-приложением на CD-дисках. Каждый слушатель курса получил в подарок книгу и диск, соответствующие его уровню владения словацким языком. Кроме того, организаторы обеспечили участников Летней школы сборником с материалами лекций, традиционно выпускаемым на словацком и английском языках. В 2014 г. авторы выпуска посвятили его 100-летию начала Первой мировой войны.

Выбор лекций для посещения ранжировался в зависимости от уровня сложности (начальный, средний и продвинутый) и тематической ориентации (перевод, литература, история и др.). Особого внимания заслуживает интерактивное обеспечение занятий — подача материала сопровождалась наглядными презентациями, использованием современной технической аппаратуры (в т.ч. помещения, оборудованного для практики синхронного перевода).

В дополнение к названному, на протяжении всего трехнедельного участия в проекте SAS для его участников регулярно организовывались познавательные экскурсии в разные уголки Словакии (предлагалось посетить такие места, как град Девин, Кремница, Банска-Штьявница, Модра, Скалица, Трнава, Бойнице и т. д.). Учебный процесс включал всевозможные творческие мероприятия, кружки, концерты.

По окончании курса в торжественной обстановке выпускникам были вручены сертификаты об окончании Летней школы.

Экскурсия в град Девин: О. Тарараева

Описать весь спектр впечатлений, который произвело на автора участие в необычайно интересном проекте SAS, — непростая задача. Очевиден высокий профессионализм, масштабная методическая подготовка и незаурядный творческий подход к тому, чем по праву может гордиться не только Университет Коменского, но и современная славистика, — Летней школе словацкого языка как иностранного SAS в Братиславе.

За возможность участия в проекте хотелось бы выразить отдельные слова благодарности Посольству Словацкой Республики в Российской Федерации (за стипендию на условиях бесплатного обучения, проживания и питания в период пребывания в Летней школе), кафедре славянской филологии СПбГУ, а также руководителю центра изучения словацкого языка SAS Яне Пекаровичовой, преподавателю кафедры русского языка и литературы в Университете Коменского в Братиславе Ирине Дулебовой, лектору Михаэле Мошатёвой и другим организаторам, преподавателям и ассистентам Летней школы SAS.

Ольга Тарараева — аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета.

Евгения Майорова

НОВОСТИ ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА

29 ноября 2016 г. в Словацком институте в Москве состоялось очередное заседание Общества Людовита Штура, в котором приняли участие члены и друзья Общества. Впервые на встрече присутствовал и гость из Санкт-Петербурга — кандидат филологических наук Виктория Князькова с кафедры славянской филологии СПбГУ. Во вступительном слове директор Словацкого института в Москве, советник по культуре Ян Шмигула отметил большой интерес в Москве и Братиславе к деятельности Общества Людовита Штура и к альманаху «Девин», выпускаемому этим Обществом. В частности, он ознакомил присутствующих на заседании с официальным письмом, полученным из Посольства России в Словакии, в котором посол РФ в СР А.Л. Федотов дал высокую оценку альманаху «Девин» и отметил, что деятельность Общества Людовита Штура играет важную роль в укреплении российско-словацких культурных связей.

В текущем году отмечается 95-летие со дня рождения выдающегося государственного и общественного деятеля Чехословакии Александра Дубчека. На заседании Общества с глубоким, содержательным докладом «Модификация социалистической идеи. К 95-летию со дня рождения А. Дубчека» выступила доктор исторических наук, зав. отделом Института славяноведения РАН Э. Г. Задорожнюк. Она подробно рассказала о жизни «самого известного в мире словака, который продвигал политику

с человеческим лицом». Докладчик отметила, что и сегодня фигура А. Дубчека воспринимается неоднозначно, но он «несомненно, вошел не только в историю Словакии, но и во всемирную историю». Большой интерес слушателей вызвал доклад «О литературных биографиях Александра Дубчека» кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН Л. Ф. Широковой. Автор доклада обратила внимание на то, что книга воспоминаний А. Дубчека «Надежда умирает последней» (1993 г.) была опубликована на многих языках, но на русском языке она до сих пор не издана.

Председатель Общества Людовита Штура, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова А.Г. Машкова представила новый, третий выпуск альманаха «Девин». Она подчеркнула, что все рубрики альманаха практически определились. Среди них — «Творчество Л. Штура», «Л. Штур в воспоминаниях современников», «Наши современники о Л. Штуре», «Словацко-русские культурные связи», «Культура Словакии», «Представляем», «Вспоминаем», «Поздравляем». Новый выпуск содержит много интересного, ранее неизвестного и познавательного. Таковым, например, является отрывок из неопубликованного романа Винцента Шиккулы о Людовите Штуре «Над Моравой деревянный мост». В номере также были напечатаны переводы современных словацких поэтов Рудольфа Юролека, Даны Подрацкой и Эрика Якуба Гроха.

В завершение мероприятия кандидат филологических наук А. Пескова поделилась своим опытом работы над переводом романа современного словацкого писателя П. Криштуфека «Суфлёр», презентация которого прошла на

заседании. Профессор А.Г. Машкова во время дискуссии обратила внимание собравшихся на то, что роман «Суфлёр» — первый после 20-летнего перерыва современный словацкий роман, опубликованный на русском языке.

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ ОБ АЛЬМАНАХЕ «ДЕВИН»

В среду 8 марта в библиотеке Словацкого института в Москве состоялась очередная встреча русских переводчиков художественной литературы. С основным докладом на ней выступил член Союза русских переводчиков, педагог и поэт Владимир Пресняков. Он подробно информировал присутствующих об альманахе «Девин», который издает Общество Людовита Штура, действующее при Словацком институте. В. Пресняков очень высоко оценил это периодическое издание, которое выходит дважды в год, начиная с 2015 г. Он оценил его как «выдающееся». Далее докладчик обратил внимание присутствующих на то, что альманах содержит богатую информацию о личности Людовита Штура, о которой прежде широкий читатель практически ничего не знал. В. Пресняков не только упомянул об идее славянской

взаимности, которая так вдохновляла Штура, но и говорил о поэтическом творчестве великого сына словацкого народа и даже прочитал два стихотворения — «Девин» и «Кривань» в собственном переводе. В заключение докладчик подчеркнул, что из альманаха «Девин» читатели имеют возможность не только познакомиться с жизнью и творчеством Штура, но и многое узнать о словацкой литературе, что, как он отметил, особенно ценно. Затем участвующий в заседании поэт, прозаик и переводчик Сергей Мнацаканян обратил внимание присутствующих на то, что после разделения Чехословакии российский читатель очень редко встречается со словацкой литературой и что именно «Девин» с большим успехом заполняет этот вакуум, ибо в нем публикуются литературные статьи, поэзия, проза, драма.

Перевод Аллы Машковой

TOP NOVINKA: ZÓNA NADŠENIA V RUŠTINE!

on 17. marec 2017. Posted in Zaujímavosti

Neuveriteľná a úžasná správa!

Jozef Banáš žne mimoriadne úspechy s knihou **Zóna nadšenia** aj po rokoch od jej vydania. Už vyšla vo viacerých prekladoch a v krajinách ako Česko, Nemecko, Poľsko, Ukrajina, Bulharsko a India.

A oddnes je Zóna nadšenia aj v ruskom preklade.

Zona entuziazma.

Na malej slávnosti sa zišli nielen ľudia z vydavateľstva Ikar, ale prišla aj prekladateľka, zástupcovia ruského vydavateľstva a dokonca veľvyslanec Ruskej federácie na Slovensku, ktorý veľmi ocenil preklad takejto skvelej knihy do ruštiny.

Ako povedala riaditeľka vydavateľstva MIC Moskva **Jelena Parškova**, „knihy Zóna nadšenia je pozoruhodná sonda, ktorá by mala byť povinným čítaním pre mladú generáciu, ktorá o časoch totality nevie prakticky nič. Pre ruského čitateľa má kniha o to väčší význam,

že Jozef Banáš popisuje nielen pozadie sovietskej invázie do Československa v auguste 1968, ale aj reálny život vo vtedajšom Sovietskom zväze.“

Prácu na preklade si veľmi pochvaľovala prekladateľka profesorka **Alla Maškova** a k vydaniu Zóny nadšenia v ruštine zblahoževal všetkým veľvyslanec Ruskej federácie na Slovensku **Alexej Leonidovič Fedotov**.

Riaditeľky vydavateľstva Ikar **Gabriela Belopotocká** a **Valeria Malíková** sa nesmierne tešia z takého úspechu svojho autora, ktorý dokazuje, že jeho knihy presahujú naše

hranice a dokážu osloviť aj v zahraničí. Jozef Banáš patrí k najprekladanejším slovenským spisovateľom a na domácej pôde zbiera každý rok množstvo ocenení.

Oficiálne uvedenie knihy Zóna nadšenia v ruštine bude 30.mája v Moskve.

Pozrite si fotografie zo stretnutia vo vydavateľstve Ikar.

Zlava vydavateľka MIC Moskva **Jelena Parškova**, **Jozef Banáš**, veľvyslanec **Alexej Leonidovič Fedotov**, prekladateľka **Alla Maškova** a riaditeľka vydavateľstva Ikar **Valeria Malíková**.

О НАС ПИШУТ.....

Деятельность Общества Людовита Штура оказалась в поле зрения многих словацких изданий, в частности, таких как «Словенские погляды», «Литературный журнал», «Учительские новости», «Актуальности», «Словенские народные новости» и др. Вот что пишут некоторые из них:

Spoločnosť Ľudovíta Štúra v Moskve

Na pôde Slovenského inštitútu v Moskve vznikla začiatkom júna Spoločnosť Ľudovíta Štúra. TASR o tom informoval Martin Braxatoris, zakladajúci člen spoločnosti a lektor slovenského jazyka a kultúry na Moskovskej štátnej univerzite M. V. Lomonosova.

Členmi sa stali pedagógovia, doktorandi a vedecko-výskumní zamestnanci Moskovskej štátnej univerzity M. V. Lomonosova a Ruskej akadémie vied.

„Chceme popularizovať slovenskú kultúru a literatúru a tvorbu jej predstaviteľov,“ uviedol Braxatoris.

Za nosnú aktivitu označil každoročné vydávanie almanachu Devín, obsahovať má odborné a umelecké texty týkajúce sa nielen štúrovskej generácie, ale aj slovenskej kultúry vo všeobecnosti.

Predsedníčkou spoločnosti sa stala profesorka Alla Germanovna Maškovová (Filologická fakulta Moskovskej štátnej univerzity M. V. Lomonosova), podpredsedníčkou Ľudmila Fjodorovna Širokovová (Ústav slavistiky Ruskej akadémie vied).

Aktuality.sk. 14/06/2015

Spoločnosť Ľudovíta Štúra aj almanach Devín majú výbornú budúcnosť

TASR

11.november 2015, 14:55

Dôležitou súčasťou Spoločnosti Ľudovíta Štúra v Moskve je vydávanie almanachu Devín.

Profesorka Lomonosovovej štátnej univerzity v Moskve (MGU), predsedníčka Spoločnosti Ľudovíta Štúra a šéfredaktorka almanachu Devín Alla Germanovna Maškovová. FOTO TASR — Igor Calpaš

BRATISLAVA — Cieľom Spoločnosti Ľudovíta Štúra, ktorá vznikla v Moskve v júni tohto roku, je realizovať záujmy slovakistov týkajúce sa Slovenska, slovenskej kultúry a literatúry. Pre TASR to povedala profesorka Lomonosovovej štátnej univerzity v Moskve (MGU) a predsedníčka Spoločnosti Ľudovíta Štúra Alla Germanovna Maškovová v rámci knižného veľtrhu Bibliotéka. Jeho 23. ročník sa konal v dňoch 5. — 8. novembra v bratislavskom výstavisku Incheba. Maškovová pred odletom povedala, že členovia Spoločnosti Ľudovíta Štúra sa dnes v Slovenskom inštitúte v Moskve majú stretnúť s hercom, režisérom a pedagógom Jurajom Sarvašom. Podujatie na webovej stránke avizuje Slovenský inštitút v Moskve.

Myšlienka vytvoriť spoločnosť, ktorá by zjednotila všetkých slovakistov, všetkých, čo sa zaujímajú o Slovensko, jeho kultúru a literatúru, v nás dozrela dávno, uviedla. «Taká príležitosť sa vyskytla v tomto roku. A nadišiel 4. jún 2015, keď 20 našich slovakistov, bývalých absolventov MGU, sa stretlo na pôde Slovenského inštitútu s cieľom založiť túto spoločnosť. Naša spoločnosť je otvorená nielen pre slovakistov, ale pozývame do nej všetkých, ktorí sa zaujímajú o Slovensko, o slovenskú literatúru. Na prvom našom zasadnutí sme schválili stanovky spoločnosti, vypracovali sme program, podľa ktorého chceme pracovať, okrem toho sme schválili rozhodnutie, že budeme vydávať minimálne dvakrát do roka časopis, almanach a rozhodli sme sa ho pomenovať Devín,» objasnila.

Predsedička Spoločnosti Ľudovíta Štúra ďalej konštatovala, že «chceme sa navzájom informovať o udalostiach kultúrneho života na Slovensku, ktoré sa tam dejú, informovať o tom, čo každého z nás slovakistov zaujíma, čítať nové diela, čítať svoje práce, ak sa stretneme so spisovateľmi, prípadne vedeckými pracovníkmi. To je okruh našich záujmov a našej činnosti.»

«Na našom prvom zasadnutí sa rozhodlo, že spoločnosť pomenujeme Spoločnosť Ľudovíta Štúra. Všetci vedia nielen na Slovensku, ale aj za jeho hranicami vrátane Ruska, že tento rok je vyhlásený za Rok Ľudovíta Štúra v súvislosti s jeho 200. výročím narodenia,» pripomenula.

«Pokiaľ ide o Rusko a o osobnosť Ľudovíta Štúra, máme tu osobitný príbeh. Ľudovíta Štúra dobre poznali v Rusku v polovici 19. storočia. Aktívne spolupracoval s poprednými ruskými vedcami slavistami, udržiaval s nimi tesné styky, viedol s nimi korešpondenciu, stretával sa s nimi, ruskí vedci mu posielali literatúru, ktorá ho zaujímala. V roku 1861 jeden z našich najstarších časopisov *Russkaja beseda* uverejnil podrobný životopis Ľudovíta Štúra. Čiže vzťahy Ľudovíta Štúra k Rusku a vzťahy ruských vedcov a ruskej inteligencie boli osobité,» vyzdvihla.

«Nie náhodou, keď napísal svoje posledné dielo, filozofický traktát *Slovanstvo a svet budúcnosti*, pred smrťou rukopis odovzdal práve svojim ruským priateľom. Po prečítaní tohto diela sa ruskí vedci rozhodli preložiť ho. Na dielo boli kladné reakcie, niektorí vedci konštatovali, že je to Štúrov závet slovanskému svetu, preto nie je nič divné, že o nejaký čas, v roku 1909, sa traktát dočkal druhého vydania. Tentoraz práca vyšla v Sankt Peterburgu. Čiže pre nás je Ľudovít Štúr známy, pre nás je to osobnosť, ktorú naša inteligencia, vedci, publicisti dobre poznajú. Preto nie je nič zvláštne, že v svetle týchto faktov sme sa rozhodli našu spoločnosť nazvať Spoločnosťou Ľudovíta Štúra,» prízvukovala.

Dôležitou súčasťou Spoločnosti Ľudovíta Štúra v Moskve je vydávanie almanachu *Devín*. Prvé číslo je už v tlači, v novembri má byť almanach publikovaný, v decembri ho chceme predstaviť. Autormi statí sú slovenskí aj ruskí prispievatelia. «V budúcnosti chceme oboznamovať čitateľov so súčasnými autormi, so súčasným stavom slovenskej kultúry. Už teraz sa pripravuje druhé číslo almanachu, ktoré chceme uverejniť na jar budúceho roku.»

«S veľkou nádejou pozeráme do budúcnosti, lebo samotná idea na založenie spoločnosti už dlho lietala vo vzduchu. Všetci spolupracovníci, absolventi, študenti slovakistiky mi hovorili, že im chýba priamy kontakt so Slovenskom, prostredie, v ktorom by mohli diskutovať o kultúre, literatúre, takže si myslím, že spoločnosť aj almanach majú výbornú budúcnosť,» vyzdvihla Alla Maškovová.

Spoločnosť Ľudovíta Štúra už má aj webovú stránku: <http://stur.ucoz.org/>.

Alla Germanovna Maškovová (rod. 1941) je slovakistka, bohemistka, prekladateľka, profesorka na Katedre slovanskej filológie na Filologickej fakulte MGU. Je autorkou viacerých odborných prác o slovenskej literatúre, učebníc, ale píše aj predslovy k preloženým dielam slovenskej literatúry do ruštiny. Je predsedníčkou Spoločnosti Ľudovíta Štúra v Moskve a šéfredaktorkou almanachu *Devín*.

V Moskve vznikla Spoločnosť Ľudovíta Štúra

Moskva 23. júna 2015 (HSP/Foto: slovenský inštitút v Moskve)

Na Slovenskom inštitúte v Moskve sa konalo ustanovujúce zasadanie Spoločnosti Ľudovíta Štúra, na ktorom sa zišlo takmer 20 účastníkov. Znova sa potvrdilo, že to v Rusku so slovanstvom a priateľskými vzťahmi so slovanskými národmi myslia vážne

Riaditeľ Slovenského inštitútu Ján Šmihula v úvodnom príhovore vyjadril radosť z toho, že k vzniku spoločnosti dochádza necelé dva týždne po medzinárodnej konferencii venovanej životu a dielu vedúcej osobnosti slovenského národného obrodenia v polovici 19-ho storočia, ktorá sa konala na Moskovskej štátnej univerzite M. V. Lomonosova.

Zároveň ocenil, že k vzniku spoločnosti dochádza v Roku Ľ. Štúra, pričom tento krok vníma ako významný vklad ruských pedagógov, vedeckých pracovníkov, prekladateľov a študentov k popularizácii slovenskej kultúry a umenia v Rusku. Profesorka Alla G. Maškova z Katedry slovanskej filológie na Moskovskej štátnej univerzite poukázala na to, že otázkou vzniku Spoločnosti Ľ. Štúra sa zaoberali už dlhší čas. Zdôvodnila, prečo nesie meno práve po tejto osobnosti moderných slovenských dejín a vyjadrila presvedčenie, že spoločnosť prispeje svojou činnosťou v Rusku k ešte väčšiemu, tematicky pestrejšiemu a kvalitatívne vyššiemu šíreniu znalostí a vedomostí o slovenskom jazyku a literatúre, o slovenskej kultúre a umení celkove.

Členovia novovzniknutej Spoločnosti Ľudovíta Štúra, ktorá bude pôsobiť pri Slovenskom inštitúte v Moskve, potom pristúpili ku schváleniu stanov, zvoleniu predsedníctva, založeniu internetovej stránky a dohodli sa na obsahu prvého čísla almanachu „Devín“, ktorý bude spoločnosť raz ročne vydávať. Predsedníčkou Spoločnosti Ľudovíta Štúra sa stala profesorka Alla Maškovová.

Mozaiku podujatí, organizovaných pri príležitosti „Roku Ľudovíta Štúra“ rozšírila ešte predtým (22. mája) medzinárodná konferencia, ktorá sa uskutočnila na pôde najstaršej ruskej univerzity — Moskovskej štátnej univerzity M. V. Lomonosova. Zorganizovala ju Katedra Slovanskej filológie na MGU v spolupráci so Slovenským inštitútom v Moskve.

Ján Šmihula poukázal v úvodnom príhovore na to, že to nie je náhoda, že konferencia sa koná práve na tomto mieste, lebo Štúr neskrýval svoj vrúcny, miestami až idealizujúci vzťah k Rusku. I preto vyslovil myšlienku, že práve v Rusku by mohla vzniknúť „Spoločnosť Ľudovíta Štúra“, ktorá by napríklad zastrešovala činnosť ruských pedagógov, vedeckých pracovníkov i prekladateľov popularizujúcich slovenský jazyk. Pripomenul, že „Rok Ľudovíta Štúra“ by bol na vznik takejto spoločnosti dobrým impulzom aj v kontexte popularizácie odkazu jednej z najvýznamnejších osobností moderných slovenských dejín. Pedagógovia a študenti sa potom vo svojich referátoch podrobne zaoberali životom a dielom Ľ. Štúra, jeho vzťahom k Rusku, ako aj jeho stvárnením v literárnych i divadelných dielach.

Profesorka Alla Mašková podčiarkla, že Štúr videl v slovanstve jediná stmelujúcu silu, H. Kubišová poukázala na to, že korešpondencia Ľ. Štúra s ruskými slovakistami napovedá o jeho vrúcnom vzťahu k Rusku a L. Širokova pripomenula, že portréty a obrazy zobrazovali Ľ. Štúra ako ideálneho hrdinu zaniateného slovenského národa. Toto podujatie, ktoré ukončili študenti Moskovskej štátnej univerzity recitáciou básni Štúrovcov, bolo dôstojným medzinárodným príspevkom k „Roku Ľ. Štúra“.

Eugen Rusnák, **Hlavné spravy**

Učiteľske noviny 11.11. 2015

Založenie Spoločnosti Ľudovíta Štúra v Moskve

Martin Braxatoris
PIATOK 12. JÚN 2015

Kultúra
Aktuality

V Moskve vznikla Spoločnosť Ľudovíta Štúra, ktorá má webovú adresu <http://stur.ucoz.org>.

Myšlienka založenia spoločnosti dozriela v prostredí moskovských slovakistov (literárnych vedcov a jazykovedcov) v priebehu uplynulých mesiacov a prvýkrát ju verejne prezentoval riaditeľ Slovenského inštitútu v Moskve Ján Šmihula na konferencii „Ľudovít Štúr — znamenitý dejateľ slovenskej kultúry (200. výročie narodenia)“, ktorá sa konala 22. mája 2015 na Katedre slovanskej filológie Filologickej fakulty Moskovskej štátnej univerzity M. V. Lomonosova v rámci osláv Dňa slovanskej písomnosti a kultúry (informáciu o konferencii nájdete na adrese http://stur.ucoz.org/news/konferencia_na_moskovskej_statnej_univerzite_m_v_lomonosova_v_moskve_zasvatena_l_sturovi/2015-06-09-2).

K založeniu Spoločnosti došlo na pôde Slovenského inštitútu v Moskve 4. júna 2015. Jej členmi sa stali predovšetkým pedagógovia, doktorandi a vedecko-výskumní zamestnanci Moskovskej štátnej univerzity M. V. Lomonosova a Ruskej akadémie vied. Cieľom Spoločnosti je výskum a popularizácia slovenskej kultúry a literatúry, tvorby jej predstaviteľov a tiež upevňovanie rusko-slovenských vzťahov v oblasti kultúry a literatúry. Jednou z nosných aktivít spoločnosti bude každoročné vydávanie almanachu „Devín“, ktorý bude obsahovať odborné a umelecké texty, späté s nielen tvorbou štúrovskej generácie, ale aj so slovenskou kultúrou vo všeobecnosti.

Predsedníčkou spoločnosti sa stala profesorka Alla Germanovna Maškovová (Filologická fakulta Moskovskej štátnej univerzity M. V. Lomonosova), podpredsedníčkou Ľudmila Fiodorovna Širokovová (Ústav slavistiky Ruskej akadémie vied). Stanovy spoločnosti nájdete na nasledujúcej adrese: http://stur.ucoz.org/index/ustav/0-2#_ftn1

Autor je zakladajúci člen Spoločnosti Ľudovíta Štúra, lektor slovenského jazyka a kultúry na Moskovskej štátnej univerzite M. V. Lomonosova

V Moskve založili Spoločnosť Ľudovíta Štúra

(10. 06. 2015)

Na ustanovujúcej schôdzi dňa 4. júna 2015 v Moskve bola založená Spoločnosť Ľudovíta Štúra. Jej cieľom je vyučovanie a popularizácia slovenskej kultúry a literatúry, tvorby jej najvýznamnejších predstaviteľov, ako aj upevňovanie slovensko-ruských vzťahov v oblasti kultúry a literatúry.

Spoločnosť bude v rámci svojej činnosti vydávať ročný almanach Devín, organizovať kultúrne podujatia s cieľom vzájomne sa informovať o významných kultúrnych udalostiach v kultúrnom živote Slovenska v spolupráci s literárnymi inštitúciami. Sídлом Spoločnosti bude Slovenský inštitút v Moskve. Predsedníčkou Spoločnosti Ľ.Š. sa stala Алла Германовна Машкова (Alla Germanovna Mašková) a podpredsedníčkou Людмила Фёдоровна Широкова (Ľudmila Fjodorovna Širokovová).

Spoločnosť bude informovať o svojich aktivitách na internetovej stránke <http://stur.ucoz.org>

Literárne informačné centrum

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ДЕВИН

Издается с 2015 г.
1(4)/2017

Главный редактор: *А. Машкова*
Редакционная коллегия: *Л. Широкова, Е. Майорова*

Общество Людовита Штура в Москве

Д25 **Девин: Альманах Общества Людовита Штура в Москве. № 1 (4).**
М.: МИК, 2017. — 208 с.

УДК 811.16
ББК 81.2

ISBN 978-5-87902-364-0

© Общество Людовита Штура в Москве, 2017

Сдано в набор 07.04.2017. Подписано в печать 10.05.2017.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13. Тираж 200 экз. Заказ

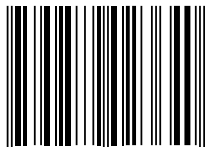
Издательство «МИК».

Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52

Лицензия на издательскую деятельность

№ 060412 от 14 января 1997 г.

ISBN 978-5-87902-364-0

9 785879 023640 >